



№7
Июль 2009

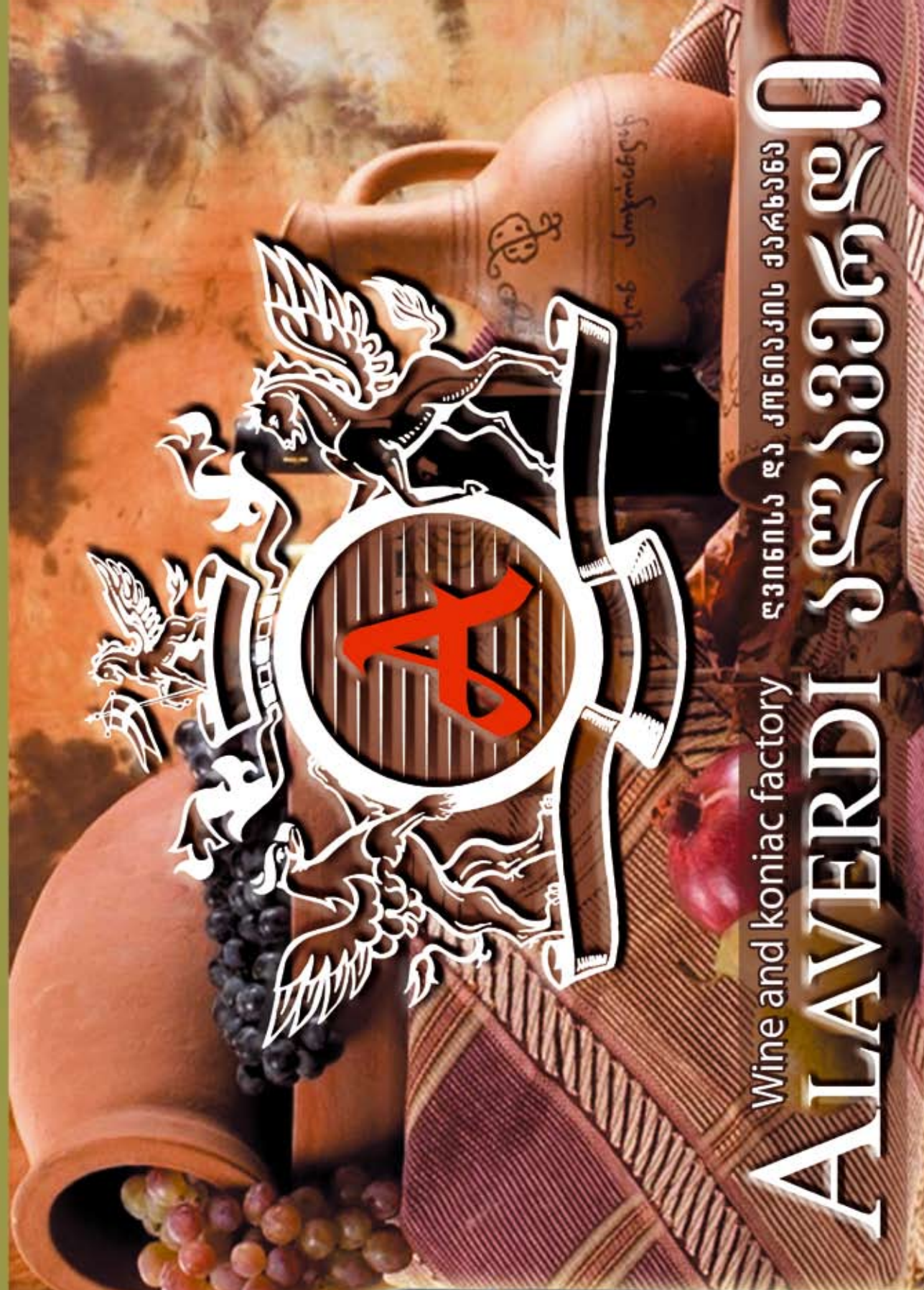
РУССКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ



В КРАЮ
ЗОЛОТОГО
РУНА

SERTIFICATE: ISO 9001:2000 ISO 22000:2005



Wine and konicac factory

ღვინისა და კონიაკის ქარხანა

ALAVERDI

EMAIL: ALAVERDI_2000@YAHOO.COM

+995 99502850;

+995 99961222

РУССКИЙ КЛУБ

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

Главный редактор
Александр Сватиков

Редакционная коллегия:
Вера Церетели, Алла Беженцева,
Арсен Еремян, Донара Канделаки

Художник-дизайнер
Иракий Кипиани

Технический редактор
Давид Абуладзе

Допечатная подготовка
Давид Элбакидзе-Мачавариани,
Алена Деяга, Нино Цитланадзе

№7⁽⁴⁶⁾
Июль 2009

Адрес редакции:
Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2;
тел./факс: (995 32) 93-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.russianclub.ge

СОДЕРЖАНИЕ

ФЕСТИВАЛЬ	ПРИВЕТСТВИЯ	4
	ЗОЛОТОЕ РУНО ТВОРЧЕСТВА	7
	РАБОТАТЬ СЛОЖНО И ЛЕГКО	10
ДАТА	НОВЫЙ ВЗГЛЯД АМЕРИКИ	12
ТРАДИЦИЯ	ЗАТО НЕ ССОРИЛИСЬ ПОЭТЫ	14
ИЗ ПЕРВЫХ УСТ	СЛЫШАЩИЙ, ДА УСЛЫШИТ	15
НАУКА	«НАУЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ» В ДЕЙСТВИИ	19
ЮБИЛЕЙ	«ГДЕ ТЕРЕК ИГРАЕТ...»	22
	ОБ ОДНОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЭПИГРАФЕ	25
МУЗЫКАЛЬНЫЕ ОТКРОВЕНИЯ	БРАВО, МАЭСТРО ПЕВЗНЕР!	26
О, СПОРТ!	БЕСКОНЕЧНОСТЬ ТАЛАНТА	28
НАШ КАЛЕНДАРЬ	АХМАТОВОЙ «ВОЗДУШНАЯ ГРОМАДА»	32
ПРЕЗЕНТАЦИЯ	ТБИЛИСИ ВЛАДИМИРА ГОЛОВИНА	35
РУССКИЙ МИР	«ЗЕМЛЯ ТЕПЛА, КРАСНА КАЛИНА...»	36
БАЛЕТОМАН	АРИСТОКРАТКА В ЖИЗНИ И В БАЛЕТЕ	40
ПАЛИТРА	С КИСТЬЮ НА ПЕШКОМОБИЛЕ	42
ШЕДЕВР	МАЛЕНЬКАЯ НАДЕЖДА БОЛЬШОЙ ЖИЗНИ	46
ГАСТРОЛИ	ГОЛОС РИМА ЗВУЧИТ В ТБИЛИСИ	50
ВЕРНИСАЖ	ПИКАССО - ГОСТЬ ПИРОСМАНИ	51
ПРОЩАНИЕ	СЛУЖИТЕЛЬНИЦА КУЛЬТУРЫ	52
ПАМЯТЬ	ГОЛОС ЭПОХИ	54



ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24



**ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ
КИРИЛЛ**

г. 15 . 06 2009 г.

119034 Москва, Чистый пер. 5

№ 3689

**Организаторам, участникам и гостям
III Международного
русско-грузинского поэтического фестиваля
(Тбилиси–Поти, 20-29 июня 2009 г.)**

Дорогие братья и сестры!

Сердечно приветствую всех собравшихся для участия в III Международном русско-грузинском поэтическом фестивале. На протяжении веков наши народы являются добрыми соседями, и даже, более того, – нас связывает искренняя дружба. Но есть то, что еще выше – это Святое Православие. Русский и грузинский народы принадлежат к единой духовной традиции, являются чадами Святой Православной Церкви, братьями и сестрами по вере. Это единство народов во Христе, убежден, превзойдет всякое разделение, окажется сильнее любой ненависти и вражды.

Зримым свидетельством нашей общности является настоящее собрание. Богатейшее поэтическое наследие, бережно хранимое народами, впитало в себя красоту и величие грузинской и русской культур, питаемых от одного корня православной веры. Надеюсь, что вашими трудами эта живая преемственность сохранится и для будущих поколений.

Желаю всем участникам и гостям фестиваля мира и радости, благословенных творческих успехов и неоскудевающей помощи Божией во всяком добром деле.

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

Дорогие друзья!

Искренне рад приветствовать всех участников III Международного русско-грузинского поэтического фестиваля «В поисках Золотого руна».

Вам нетрудно представить как восхищался великий русский поэт А.С.Пушкин великолепием природы и теплотой людей, когда он путешествовал по этим чудным местам. Неповторимостью Грузии проникнуты его произведения, переведенные практически на все языки мира, ставшие благодаря и вашим творческим усилиям достоянием мировой культуры. Юбилейный год Н.В.Гоголя и А.С.Пушкина стал праздником и для российской диаспоры, и для многих почитателей русской культуры и русского языка.

Я думаю, не будет преувеличением сказать, что наши народы объединяют не только давние культур-



ные связи. У нас общие и неизменные нравственные и духовные ценности, закрепленные нашей общей верой. Именно эта система ценностей, усвоенная и обогащенная нашими народами, пронесенная через исторические сломы и трагедии, должна стать тем, что объединит нас – живущих в разных странах, но по-прежнему понимающих друг друга с полуслова.

Особую благодарность хочу выразить Международному культурно-просветительскому Союзу «Русский клуб», его многочисленным сторонникам в Грузии и России и лично руководителю Тбилисского русского драматического театра им.А.С.Грибоедова Николаю Николаевичу Свентицкому как неутомимому подвижнику.

Поздравляю вас всех с этим великолепным праздником – торжеством поэзии, которая щедро дарит радость общения нам всем. Ваш фестиваль – это неоспоримый вклад в то будущее, которое мы все хотим завещать нашим детям: будущее в гармонии, понимании, дружбе и любви. Кавказского здоровья и плодотворной работы, успехов вам!

Граф П.П.ШЕРЕМЕТЕВ

Председатель президиума Международного Совета российских соотечественников



Дорогие друзья!

Писать что-либо в преддверии уже Третьего Международного русско-грузинского поэтического фестиваля в нынешних условиях весьма не просто. Что сказать читателю? Вновь и вновь повторять, как заклинание, что Грузия вторая колыбель русской поэзии? Что история российско-грузинских отношений насчитывает многие века? Да, это так. Что же из этого следует? К чему привел исторический опыт? Можно ли считать, что яростное противостояние, провоцируемое третьими силами, стравливающими братские народы в угоду своих собственных интересов, является неизбежным?

Безусловно, Грузия вправе выбирать свой собственный путь, своих стратегических партнеров. Никуда, однако, не уйти от исторических реалий, от истоков и вечных ценностей, от общей судьбы, предначертанной народам Грузии и России, от уникального гуманитарного и культурного наследия.

Слава Богу, что на фоне политических проблем и разногласий не возникло взаимного отчуждения. Грузия - не враг России, и Россия - не враг Грузии.

Люди в обеих странах переживают и сожалеют лишь о том, что на пути их добрососедских человеческих отношений нагромоздили политические баррикады взаимных претензий и обид, поставивших под вопрос веками складывавшуюся дружбу.

В период серьезных испытаний и разочарований, в основу политики и России, и Грузии должны лечь нравственные чувства людей, идеалы добра, христианства, человеческой жизни, глубочайший гуманистический потенциал, заложенный в наших культурах. И для России, и для Грузии настало время покаяния. Необходимо преодолеть исторически сложившиеся стереотипы, приступить к согласованной, объективной и беспристрастной оценке прошлого, для достижения взаимопонимания и надежного совместного будущего.

Третий Международный русско-грузинский поэтический фестиваль имеет сейчас особое значение! Ведь он служит восстановлению доверия и взаимопонимания между нашими народами, призван способствовать сохранению памяти об общей истории, должен воспрепятствовать погребению старинных традиций российско-грузинской дружбы, и, укрепляя фундамент преемственности поколений, привнести также пользу, развеивая безответственные устремления замены русской и грузинской культур - чуждой западной псевдокультурой.

Нужно навести порядок в душах! Дать и укрепить надежду поэтическим словом - лучшим лекарством для взаимного прозрения.

Олег ВОЛОВИК

Президент, председатель правления Международной Федерации русскоязычных писателей



Дорогие участники и гости фестиваля!
От имени Союза грузин в России я рад приветствовать вас на своей родной земле. Проведение III Международного русско-грузинского поэтического фестиваля «В поисках Золотого руна», который уже можно считать традиционным, - знаковое событие в культурной жизни как Грузии, так и России.

Напряженность в отношениях между нашими странами, отсутствие дипломатических связей и других официальных контактов не стали помехой в продолжении нашего общения на уровне поэтов и писателей, музыкантов и культурных деятелей.

Более того, на этом фоне проведение подобных фестивалей является важнейшей формой народной дипломатии, призванной не допустить окончательного разрыва отношений между исторически братскими народами и сохранить то богатое культурное наследие, которое мы совместно создавали на протяжении веков.

Удачи вам и успехов!

МИХАИЛ ХУБУТИЯ

Президент Союза грузин в России

Дорогие друзья!

Рад приветствовать участников III Международного русско-грузинского поэтического фестиваля «В поисках Золотого руна».

Мне особенно приятно, что в наше непростое для российско-грузинских отношений время этот фестиваль проходит на земле древней Колхиды. Все мы достаточно хорошо знаем о давних связях мастеров художественного слова наших стран. На протяжении 200 лет русская и грузинская литература оказывали друг на друга плодотворное и взаимообогащающее влияние. История изобилует примерами творческих связей и искренней дружбы между великими поэтами России и Грузии. Произведения классиков грузинской поэзии стали доступны русскому читателю в переводах замечательных мастеров слова. Одним из наиболее известных таких переводчиков стал выдающийся поэт 20 века Б.Пастернак. И не случайно всемирную известность получил родившийся на земле Грузии и впитавший лучшие традиции близких культур известный реформатор слова В.Маяковский. Все эти примеры лишний раз доказывают, что мы должны сделать все от нас зависящее, чтобы сберечь наши долговременные культурные и литературные связи, передать их новым поколениям и не допускать торжества ксенофобии и средневекового национализма.

На нынешнем фестивале присутствуют гости из разных уголков мира, которые, как я надеюсь, помогут сохранению традиционных российско-грузинских поэтических связей и будут активными распространителями произведений классической русской и грузинской литературы в своих странах. Фестиваль обещает стать не только ярким праздником художественного слова, но и действенным инструментом продвижения в России и Грузии высокой книжной культуры, идей близости культур двух христианских народов, особенно в молодежной среде. Фестиваль традиционно собирает лучшие имена современной российской и грузинской поэзии, служит поддержанию межнационального гуманитарного диалога. Уверен, что так будет и на этот раз.

Желаю всем участникам фестиваля успешной работы и творческих успехов!

М.В. СЕСЛАВИНСКИЙ

Руководитель Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям





ЗОЛОТОЕ РУНО ТВОРЧЕСТВА

Участники Международного фестиваля прибыли на древнюю землю Колхиды, овеянную мифами о Медее и аргонавтах, и последнюю декаду июня провели там «в поисках Золотого руна». А мифическое Золотое руно – символ плодородия и благосостояния, процветания и благополучия, а еще некоей недостижимой цели. К морю прибыли около полусотни русскоязычных поэтов и переводчиков из 19 стран мира — России, США, Италии, Франции, Израиля, Швеции, Голландии, Дании, Чехии, Германии, Литвы, Казахстана, Венгрии, Болгарии, Белоруссии, Армении и др.). Не были забыты и хозяева, пишущие как на русском, так и на грузинском языках.

Проходил фестиваль на Черноморском побережье, в Григоleti. Поэзия не знает границ. Никто из поэтов не отказался приехать в послевоенную Грузию, хотя можно себе представить, какие советы слышали они, отправляясь в дорогу. Наверное, самым неожиданным открытием по прибытии было то, что в Грузии простые люди по отношению к России настроены дружелюбно.

III поэтический фестиваль состоялся. И это благодаря неумной энергии его организатора, Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб» во главе с Николаем Свентецким, совместно с благотворительным фондом «Карту», а также при участии Международной Федерации русскоязычных писателей и общероссийской организации Союз грузин в России.

Фестиваль обещает быть традиционным. Недаром все вспоминали тост участников прошлого фестиваля: «Мы просим в Грузии поэтического убежища». И оно нашлось. Уютный гостиничный комплекс «Андамати», парк, выложенные плиткой дорожки с подсветкой, беседки, а у самого моря бассейн и бар, где по вечерам проходили все встречи. Плеск волн, горячий песок пляжа, в тени деревьев ряды стульев и маленькая импро-

визированная сцена с микрофонами, где ежедневно звучали стихи. Ведь поэтам хочется быть услышанными, получить отклик, обменяться впечатлениями, спорить, в общем, искать золотое руно творчества. И все это было получено с избытком. Заодно открыли новый поэтический жанр «Стихи у моря».

Фестиваль оказался на редкость многожанровым, как и все современное искусство. Он стал своеобразным синтезом поэзии, музыки, театра, кино. Началось все с кино. В первый же день, еще до официального открытия фестиваля в Доме культуры Уреки был показан новый фильм народного артиста СССР Резо Чхеидзе «Свеча с Гроба Господня», что тоже символично для русско-грузинского фестиваля, ведь картина снималась совместно со студией «Мосфильм», и в ней заняты русские и грузинские актеры.

В дни фестиваля Дом культуры Уреки стал центром притяжения для всей Гурии. В вестибюле была развернута выставка-продажа работ художников и изделий мастеров прикладного искусства. Прослышав о программе вечеров с участием громких имен, жители региона не остались безучастными и толпились у входа в зал задолго до начала каждого мероприятия. Ну, кто не хотел бы вживую услышать писателя и сатирика Виктора Шендеровича, которого в Грузии можно услышать только с экрана телевизора. А тут он вдруг выступает в Уреки с творческим вечером! Открытие фестиваля проходило в переполненном зале. Участников фестиваля благословили специальными посланиями Патриарха Русской и Грузинской православных церквей Кирилл и Илия II, и их приветствия были зачитаны.

Со сцены лились стихи, и этот поэтический поток впечатлял. В завершение прошло награждение участников почетными грамотами в разных номинациях – от Международной Федерации русскоязычных писателей, Международного Совета российских соотечественников и Союза грузин в России.

Но вернемся к кино. На фестиваль был приглашен известный кинодраматург, заслуженный деятель искусств России Павел Финн, который провел для поэтов мастер-класс «Поэтический кинематограф» и, судя по впечатле-

ниям, расширил горизонты творчества. Он подошел к поэзии не как к ремеслу, а как к состоянию, особому взаимоотношению с пространством. Для него поэтическое видение мира открывается в фильмах А.Тарковского, С.Параджанова, Т.Абуладзе, О.Иоселиани, И.Квирикадзе, в мультипликации у Ю.Норштейна. А для нас поэтический кинематограф предстал в замечательном фильме «Подарок Сталину», снятом по сценарию Павла Финна. Картина уже стала призером нескольких международных кинофестивалей. Так что «Подарок Сталину» - редкий в наше время фильм по пронзительности, эмоциональному накалу, не говоря уже о высочайшем уровне профессионализма - стал подарком и для фестиваля.

Кино всегда существует рядом с театром, хотя мастер-класс поэтического театра не проводился, зато был театр поэзии. Потийский драматический театр им.В.Гуния показал театрализованный



Стихи у моря



Награждение Веры Церетели

вечер памяти поэта Анны Каландадзе. Со сцены звучали стихи в переводе на русский, музыка, ключевые моменты биографии, а на экране - фото красивой женщины, ее покоряющее обаяние и скромность.

Нельзя не сказать еще об одном вечере в урекском Доме культуры — это презентация диска романсов заслуженной артистки Грузии Ирмы Сохадзе, «оранжевой девочки» из прошлого. Затертое слово презентация она превратила в уникальное событие — на сцене была не эстрадная дива, но неординарная личность: поэт, композитор, левица. Плюс разнообразный репертуар — от старинных русских и грузинских романсов до бардовских песен собственного сочинения. Она была на сцене одна — и как исполнительница, и как аккомпаниатор, переходя свободно от рояля к гитаре, и как ведущая. При этом ее естественности и органичности могла бы позавидовать любая драматическая актриса. Вечер получился искренним и теплым, поэты говорили, будто побывали в гостях в грузинском доме. Не удивительно, что заключительные «Подмосковные вечера» и «Тбилисо» зал пел вместе с Ирмой. А на следующий день, уже в гостинице, поэты устроили свой импровизированный музыкальный вечер — в тесном кружке слушали Ирму, и гитара переходила от нее то к московскому поэту и драматургу Елене Исаевой, то к поэту и актеру Юрию Юрченко из Франции.

В том, что поэзия и музыка неразрывны, сомнений нет. На фестивале звучали русские народные песни в исполнении Ксении Захаровой, голос которой запомнился еще с прошлого фестиваля, а также грузинские песни в исполнении Верико Турашвили, пел любимец публики, непредсказуемый актер, поэт Нико Гомелаури.

Многожанровые творческие поиски поэтов фейерверком выплеснулись на юбилейном вечере, посвященном 70-летию знаменитого журнала «Дружба народов». Чего здесь только не было — музыка, стихи, народные грузинские танцы, поэтические импровизации, посвящения юбиляру, поздравления, которые принимал главный редактор Александр Эбаноидзе. Поздравления закончились наброшенной Свентицким на плечи Эбаноидзе буркой, и ноутбуком, от Союза грузин в России. По признанию Александра Луарсабовича, это было самое приятное юбилейное торжество.

Запомнилась поездка на озеро Палеостомы и путешествие по археологическому и архитектурному комплексу Нокалакеви – древнему городу Археополис (XIII–VI века до н. э).

В обычные дни с утра начинался фестивальный рабочий день. Пожалуй, на морском курорте только в эти дни можно было увидеть в беседках или на пляже читающих или пишущих людей. Поэты и ведущие, каждый день новые, готовились к проведению «Стихов у моря», где каждый раз были свои открытия: новые формы, ритмы и рифмы. Вторая половина дня — это круглые столы, мастер-классы, презентации.

Одним из самых значимых мероприятий был круглый стол на тему «Русский язык и русская литература как фактор сближения национальных культур», под эгидой Фонда «Русский мир». Для начала был маленький, но символичный сюрприз — дети из батумской грузинской школы на русском языке прочли стихи. Выступления открыл директор по связям с НПО Михаил Носов, который ознакомил с деятельностью Фонда, его основными приоритетами, направленными на сохранение и пропаганду русского языка за пределами России. Это была важная информация для аудитории. Ведь сюда были приглашены не только участники фестиваля, но и представители организаций российских соотечественников

из регионов Грузии – Рустави, Кутаиси, Батуми, Поти, которые говорили о реальном состоянии русского языка в сегодняшней Грузии, о необходимости организовать курсы повышения квалификации для преподавателей русского языка, обеспечить методической литературой, открыть лингвокабинеты.

Для собравшихся было выступление еще одного представителя Фонда – ректора Литературного института им.А.М.Горького Бориса Тарасова. Он говорил о литературной и переводческой деятельности выпускников института, вызвав многочисленные отклики, ведь для многих участников этот уникальный вуз был родным. В ходе выступления Тарасова обсуждалось предложение, выдвинутое «Русским клубом» о проведении в Грузии ежегодного конкурса молодых литераторов и предоставлении победителю одного места для учебы в Литературном институте.

Участники круглого стола обсудили состояние русского языка в разных странах. Александр Эбаноидзе отметил необходимость грантовой поддержки переводческой деятельности. От поэтов звучали предложения о необходимости системной работы над переводами русской литературы на языки народов мира, высказывались пожелания об открытии кабинетов русского языка, культурных центров на основе уже действующих очагов русской культуры.

В рамках круглого стола прошли две презентации: поэт и переводчик Наталия Соколовская из Санкт-Петербурга представила двуязычное издание «Витязя в тигровой шкуре» с иллюстрациями грузинской художницы Лоретты Шенгелия и рассказала о его создании. Главный редактор журнала «Русский клуб» Александр Сватиков представил богато иллюстрированное издание «Дом Смирновых - в дар Грузии» и напомнил о проблемах уникального очага культуры. Альбом участники фестиваля передадут в дар национальным библиотекам разных стран. От имени Фонда «Русский мир» Михаил Носов вручил авторам этого замечательного издания - Мариам Гачечиладзе, Тамар Белашвили и Александру Сватикову - благодарственные письма и подарки. А из зала поступили предложения о необходимости сохранения этого памятника тбилисской культуры и придания ему юридического статуса.

В один из последних дней фестиваля состоялась очень важная для поэтов, живущих за пределами России, презентация международного журнала «Интерпоэзия», которую провел его главный редактор Андрей Грицман (США). Выступления поэтов – авторов журнала были действительно интересными, в их числе был и грузинский поэт Котэ Кубанишвили, чьи стихи прозвучали в переводе Нико Гомелаури.

Грицман рассказал об истории журнала и о перспективах: готовится антология стихов 20 поэтов, после развала Союза оказавшихся за рубежом.

На фестивале приехали всего на два дня молодые русскоязычные поэты из Тбилиси. Литературное объединение «Молот О.К.», оно возникло весной 2005 года по инициативе основателей журнала «АБГ» Анны Шахназаровой и Михаила Ляшенко. На фестивале тбилисцы выступили с творческим вечером. «Им надо растить

слой кожи, ведь она у творческих людей очень тонкая», - такой совет прозвучал от молодого и уже признанного поэта Нины Тархан-Моурави. «Молотки» рады были оказаться на фестивале, слушать стихи именитых поэтов, учиться переводу. Главным образом для них был организован мастер-класс «Грузинская поэзия в русских переводах: мастера и дебютанты», который провел профессор Заза Абзианидзе.



Читает Заур Квицинадзе



На фестиваль из Москвы по приглашению Николая Свентицкого приехали 12 представителей молодежного движения Союза грузин в России. Некоторые из них - грузины, которые растут вдали от своей исторической родины. Другая часть — не грузины, но имеющие тесное отношение к молодежному активу Союза. Грузия открылась им, некоторым - впервые. И хотя они не поэты, но активно участвовали в фестивальной жизни. Мальчики и девочки, живущие в Москве, демонстрировали нам грузинские национальные танцы, а на открытии выступил юный грузинский пианист Лука Окросцваридзе. Союз грузин в России пригласил московских журналистов, чтобы о фестивале узнали как можно больше людей за пределами Грузии.

Десять дней провели поэты в поисках Золотого руна. Что им удалось найти, покажет будущее. А мы увидим это в очередном поэтическом сборнике, который выйдет по итогам фестиваля.

Вера ЦЕРЕТЕЛИ



Александр Эбаноидзе



Теона Григолашвили

РАБОТАТЬ СЛОЖНО И ЛЕГКО

Важнейшей формой дипломатии был назван московскими грузинами прошедший III Международный русско-грузинский поэтический фестиваль «В поисках Золотого руна». Своими впечатлениями о фестивале с нами поделилась исполнительный директор Союза грузин в России Теона Григолашвили.

- Союз грузин в России был создан меньше трех лет назад, но масштаб вашей деятельности значителен. Как вам работается в Союзе?

- Если честно, работать в Союзе также сложно, как и легко. Главной задачей нашей организации является, в первую очередь, популяризация грузинской культуры и сохранение традиций вдали от родины. Союз грузин в России - не политическая организация и тем более не коммерческая. Если мы проводим мероприятия, то только культурно-гуманитарные. Помимо этого у нас много других дел, прописанных в Уставе нашей организации. К нам обращаются с проектами, просьбами о поддержке, а мы в свою очередь поддерживаем грузин и не только грузин, но и в целом выходцев из Грузии. За два с половиной года существования Союза время показало, что мы одна из самых серьезных грузинских организаций России и это все благодаря усилиям одного человека - президента Союза Михаила Хубутия, который делает все возможное для своих соотечественников и своей страны. Людей, которые благодарны Союзу, очень много, и для нас это главное.

- Хорошим подспорьем в работе для вас стало молодежное движение. Что входит в его компетенцию?

- Молодежное движение Союза организовано по личной инициативе Михаила Михайловича, и я с первого дня была большим сторонником этой идеи. Собрав молодежь, в основном, студентов ведущих московских вузов, мы энергично приступили к работе. Важно отметить, что в молодежном движении объединены не только грузины, но и ребята других национальностей. Молодежь устраивает для своих сверстников просмотры и обсуждение грузинских фильмов, встречи с выдающимися деятелями искусства, художниками, режиссерами.... Также проводятся дискуссии на разные темы, организуются концерты, спортивные соревнования, встречи с молодежью из других диаспор и земляками из разных

областей России. Я как исполнительный директор активно работаю с молодежным движением, стараюсь быть в курсе проблем, прислушиваюсь к просьбам и предложениям, оказывая максимальную помощь в осуществлении их проектов. Но и молодежь со своей стороны активно участвует в жизни Союза. У нас проходят два цикла встреч. Первая - «Поговорим о Грузии, друзья!», куда мы приглашаем известных людей, связанных с Грузией, которым есть что рассказать о нашей стране, о ее прошлом и настоящем. Второй цикл - встречи с известными соотечественниками, с Мэлором Стуруа, к примеру. Это тоже очень интересно для молодежи.

- С кем Союз сотрудничает в Грузии?

- Со всеми, кто в этом заинтересован, с теми структурами, которые соприкасаются с нашей деятельностью. А в Грузии, в первую очередь, это Министерство по делам диаспор. Сравнительно недавно прошел Международный день диаспор, его отмечали в Грузии. Я лично была приглашена. Мне посчастливилось познакомиться со многими коллегами. В ближайших планах нашего Союза наладить и укрепить связи с грузинами из разных стран мира. Наши двери всегда открыты для вас - это наш девиз!

- Каковы главные проблемы диаспор?

- Вдали от родины трудности есть у всех и по большому счету у всех они одинаковые. Дело в том, что в последние годы многие, к сожалению, были вынуждены уехать из Грузии. Проблем много. Грузинам сложно адаптироваться. Нас, грузин, мало, надо ценить и поддерживать друг друга. А это не всегда удается. На мой взгляд, Грузию и грузин можно сравнить с многоголосным пением. Наше многоголосие - феномен в мировой музыкальной культуре - где каждый поет свое, но в итоге, когда поют все вместе - это фантастика. Надо делать выводы ...

- Если говорить о грузинской диаспоре во всем мире, то, понятно, что люди уезжают не от хорошей жизни. Как вы думаете, они вернуться?

- Я свято верю в слова Католикоса-Патриарха Илии II, что каждый грузин, живущий за рубежом, должен вернуться. Патриарх для меня - абсолютный авторитет. Я уверена, что при стабильном развитии страны большинство из нас вернется. Жаль, что сегодня многие достойные люди находятся за пределами родины, они нужны Грузии так же, как им нужна спокойная и перспективная страна. В последние годы нашей стране пришлось через многое пройти, да и сейчас время сложное. Но я надеюсь, что все будет хорошо. Очень многое меняется в Грузии в лучшую сторону. Меня радует каждый шаг в правильном и нужном направлении, потому что, это залог лучшего завтрашнего дня.

- А как сегодня в России живут грузины?

- Сказать, что все живут припеваючи, было бы неверно. Сейчас не 2006 год, в России многое изменилось. Власти всячески помогают российским грузинам, и это заметно. Часто услышишь: «Вы, наши московские грузины». Так говорят те, кто понимает, что нельзя рубить с плеча, надо беречь многовековые отношения, сложившиеся между нашими государствами. Тенденции властей могут быть разными, но личные отношения между людьми не меняются.

- Насколько в России изменилась ситуация с диаспорами за последнее время?

- Большой упор делается на многонациональный город, толерантность, дружбу. Это очень важный аспект. Ты живешь в огромном мегаполисе, и важно знать не только свою культуру, но познавать другие. Ведь только тот, кто глубоко знает и уважает свое, может оценить культуру другого народа. Мы стараемся работать именно в этом ракурсе.

- Можете рассказать подробнее?

- Мы очень активно сотрудничаем с Московским домом национальностей. Проводим много проектов совместно и принимаем участие в проектах диаспор других

национальностей. Недавно в рамках проекта «Московские семьи» разных национальностей Союз организовал вечер «В гостях у грузинской семьи» - о наших традициях и обрядах. Гостями были власти города, представители различных диаспор. В программе вечера была презентация набора открыток «Сны о Грузии» со снимками молодого грузинского фотохудожника Гоги Чанадири, переизданных Союзом. Первое издание открыток осуществилось по проекту «Русского клуба». В московских вузах также особое внимание уделяется разным национальностям. По инициативе ректората Российской экономической академии им.Г.В.Плеханова была создана Палата национальностей, под эгидой которой проводятся Дни культуры. Молодежный актив Союза с радостью поддержал инициативу сверстников и помог в их организации.

- Как давно Союз грузин в России сотрудничает с МКПС «Русский клуб»?

- Мы активно сотрудничаем со времени проведения Первого Международного русско-грузинского поэтического фестиваля в 2007 году, т.е. со дня основания Союза грузин в России. Правда, в первом фестивале мы только поддержали инициативу. На втором поэтическом фестивале прошлым летом наше сотрудничество стало более тесным.

- Чем ознаменовался нынешний фестиваль для Союза?

- В этом году Союз грузин в России по традиции учредил премии, но с некоторыми коррективами. На этот раз президент Союза решил отметить деятелей культуры Грузии, принимавших участие в фестивале. В их числе - актриса Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А.С. Грибоедова, заслуженная артистка Грузии Людмила Артемова-Мгебришвили, ведущий актер Грибоедовского и «Свободного» театров, автор поэтических сборников на грузинском и русском языках Нико Гомелаури, популярная певица, заслуженная артистка Грузии Ирма Сохадзе, театральный критик и журналист Вера Церетели. Они были награждены премией «За большой вклад в развитие российско-грузинских культурных связей». По инициативе Союза фестиваль посетили представители российских СМИ: председатель Совета пресс-клуба при Московском доме национальностей (он объединяет более 25 национальных изданий), главный редактор газеты «Страна Содружества» Джамиль Садыхбеков, Наталья Львова, представлявшая журнал «Профиль», Вера Копылова от газеты «Московский комсомолец» и актив молодежного движения Союза.

- Как восприняли фестиваль члены молодежного движения?

- 2009 год в России объявлен Годом молодежи. Поэтому совместными усилиями «Русского клуба» и Союза представители актива молодежного движения Союза стали участниками фестиваля. Многие из них побывали в Грузии впервые, но даже тем, кто родился и вырос здесь, фестиваль помог увидеть родину с особенной стороны. Ребята на примере взрослых – поэтов, актеров, музыкантов и гостей фестиваля – увидели что, когда есть искусство, нет никаких преград, нет места никакой политике. Отмечу, что у нас есть стипендиаты президента Союза: шахматистка Нази Паикидзе, певица Кристина Чакветадзе и студент Московской государственной консерватории Лука Окросцваридзе. Лука исполнил свои произведения собственного сочинения на торжественном открытии фестиваля.

- А чем стал нынешний фестиваль лично для вас?

- Уже третий год наблюдаю, как возрождается потерянная связь и как по крупицам восстанавливается разорванная связь между Грузией, моей родиной, и Россией, ставшей моим вторым домом, и это делается посредством творчества русских и грузинских поэтов и писателей. Это очень ценно. Мую родину любят, и сегодня она по-прежнему остается музой поэтов, и я этим

очень горжусь. Верю, что фестиваль станет традиционным, и, шагая по разным уголкам Грузии, станет источником для новых проектов и идей. Не могу не отметить заслугу главного вдохновителя и организатора фестиваля Николая Николаевича Свентицкого. Возглавляемый им Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб» является одним из главных очагов русской культуры в Грузии. Дай бог каждому грузину так любить, ценить, уважать и пропагандировать грузинскую культуру, нашу страну, ее традиции и ценности, как это делает Николай Николаевич. Хочу пожелать ему и его единомышленникам успехов, и надеюсь, что совместными усилиями еще многое удастся сделать на общее благо.

- Теона, расскажите, пожалуйста, о себе.

- Я родилась в Тбилиси. Мои родители, Владимир и Русудан Григолашвили – музыковеды. Оба заканчивали Тбилисскую консерваторию. И у меня первое образование – музыкальное. Поскольку мои родители всю жизнь проработали в сфере культуры, я выросла в стенах дома Мелик-Азарянца, где в восьмидесятих годах располагалось Министерство культуры. Моя мама в то время курировала работу с музыкальными коллективами Абхазии и Аджарии. Мой отец, Владимир Григолашвили по инициативе Ги Канчели основал Центр пропаганды грузинской музыки, филиал Всесоюзного центра пропаганды советской музыки. Для того времени делалось очень много интересного. Центр издавал журнал «Музыкальная Грузия» («Musical Georgia»), который стал первым англоязычным музыкальным журналом. На презентации, которая состоялась в Праге, была отмечена роль и значение этого издания, и Центр пропаганды был принят в такую значимую международную организацию как



Теона Григолашвили и Николай Свентицкий с молодежью

ЮНЕСКО, а сам журнал стал первым англоязычным изданием из СССР, попавшим в библиотеку Конгресса США. У меня до сих пор сохранились благодарственные письма в адрес издателей журнала. В общем, я росла в среде, где забота о грузинской культуре, в частности, о музыкальной культуре была главенствующей.

- Как вы попали в Москву?

- В начале 90-х, когда в Тбилиси не было ни света, ни газа, отец занялся бизнесом в Москве. Мы переехали к нему. Когда папы не стало, его дело продолжала вести мама. Сейчас она работает в Союзе. И я рада, что в ее лице в нашей организации появился еще один компетентный сотрудник.

- Почему вы оставили занятия музыкой?

- После смерти отца я поняла, что у меня нет возможности по восемь часов в день уделять Шопену и Баху. Может, оно и к лучшему, что так вышло. Я поступила в Гнесинку на музыкальный менеджмент и пиар. Но могу сказать, что моя самая большая школа – это опыт.

Нино ЦИТЛАНДЗЕ



НОВЫЙ ВЗГЛЯД АМЕРИКИ

Президент США Барак Обама

4 июля американцы отметили 233-ю годовщину подписания Декларации независимости.

«Мы считаем за истину то, что Бог создал всех людей равными, наделив их неотчуждаемыми правами, в том числе правом на жизнь, свободу и стремлением к счастью; что обеспечение этих прав есть обязанность правительств, которые могут править лишь с согласия народа», – гласит Декларация независимости, которую приняли и подписали на II континентальном конгрессе в Филадельфии в 1776 году.

ИЗ БАГДАДА В ТБИЛИСИ

Сразу после Дня независимости первый визит 44-го президента США Барака Обамы состоялся в Россию. Широко разрекламированная московская встреча была интересна и тем, что на ней обсуждалась и ситуация на Кавказе. По мнению американцев, курс взятый новой администрацией Америки на укрепление отношений с Россией, позитивно скажется и на отношениях Грузии и России.

В Грузии скоро должен приступить к своим обязанностям новый посол США Джон Басс. Его кандидатуру представил на утверждение в Сенат президент Барак Обама.

Джон Р. Басс работает на службе в Госдепартаменте с 1988 года. Занимался вопросами отношений Рос-

сия-НАТО и сокращением обычных вооруженных сил в Европе. Автор нескольких книг, Басс работал в Италии, Бельгии и Чаде, в течение трех лет возглавлял Операционный центр по экстренному реагированию Госдепартамента США, обеспечивающий координацию усилий по защите американских граждан, сотрудников и имущества посольств в чрезвычайных ситуациях. С июля 2008 года возглавлял правительственную команду по восстановлению Багдада.

Недавно началась работа в рамках американо-грузинского комитета по осуществлению стратегического партнерства, которое, как подчеркивают американские дипломаты, открывает новую главу в давней и крепкой дружбе между двумя странами. Рабочие группы занимались рассмотрением всего диапазона отношений, включая вопросы экономики, обороны и безопасности, демократии и обменов на уровне простых граждан. Напомним, что в прошлом году США решили предоставить Грузии помощь на сумму 1 миллиард долларов.

ВЕТЕР ПЕРЕМЕН

Сегодня в мире интерес к Америке в значительной степени обусловлен избранием нового президента, его биографией и политической программой. Предвыборный лозунг Обамы «Да, мы можем» призывал к изменениям, и для американцев первая перемена ознаменовалась выбором Барака Обамы в президенты...

Мировоззрение, жизненный опыт, естественно, также сыграли большую роль для сплочения американцев самого разного идеологического, социального и расового происхождения.

«Барак обладает невероятной способностью синтезировать, казалось бы, противоречивые реалии и превращать их в единое целое», – сказала корреспонденту журнала «Нью-Йоркер» его бывшая однокурсница по юридическому факультету Кассандра Баттс.

Двадцать лет назад Мишель Робинсон, работавшая в то время в юридической фирме «Сидли энд Остин» в Чикаго, штат Иллинойс, получила задание руководить летней стажировкой Обамы. Обама попросил будущую супругу прийти на одно из собраний общественности в Чикаго. Она согласилась и побывала на собрании, где, как сообщила журналу «Ньюсуик», Барак Обама рассказывал участникам о том, как преодолеть разрыв между «миром, какой он есть, и миром, каким он должен быть».

«Нет либеральной Америки и консервативной Америки, есть Соединенные Штаты Америки. Нет черной Америки и белой Америки, латиноамериканской и азиатской Америки; есть Соединенные Штаты Америки... Мы – один народ, все мы присягнули на верность звездно-полосатому знамени, все мы защищаем Соединенные Штаты Америки» – заявил Обама в своем выступлении на национальном съезде демократов в 2004 году, и вскоре смог стать самым неординарным главой Белого дома, которому предстоит решение вереницы кризисов, оставленных его предшественником.

За каждым выступлением первого афроамериканского президента США внимательно следят в мире. Пример тому его историческая речь, произнесенная в Египте, которую активно цитировали на разных уровнях. Обама приехал в Каир для того, чтобы попытаться открыть новую страницу во взаимоотношениях между Соединенными Штатами и живущими по всему миру мусульманами на основе общих интересов и уважения друг к другу, а также на основе того неоспоримого факта, что Америка и ислам не являются взаимоисключающими понятиями, и поэтому им нет нужды соперничать. По словам Обамы, наоборот, у них есть точки соприкосновения и общие принципы – принципы справедливости и прогресса, терпимости и уважения чести и достоинства всех людей на Земле. «До тех пор, пока наши взаимоотношения будут определяться имеющимися у нас разногласиями, мы будем придавать силы тем, кто сеет ненависть вместо мира, и тем, кто стремится к конфликту вместо сотрудничества, способного помочь добиться справедливости и процветания для всех наших народов. И этот порочный круг подозрений и раздоров должен быть разорван». При этом он заметил, что перемены не происходят сразу.

«Как человек, интересующийся историей, я знаю также, сколь многим цивилизация обязана исламу. Именно ислам – в местах, подобных Аль-Азхару – пронес светоч знаний через многие века, проложив путь Возрождению и Просвещению в Европе. Благодаря новаторскому духу мусульманских общин наш мир получил строгие

каноны алгебры, магнитный компас и навигационные инструменты, владение письмом и печатные книги, понимание того, каким образом распространяются и как могут излечиваться заболевания. Исламская культура дала нам величественные арки и стройные шпили, неувядающую поэзию и прекрасную музыку, элегантную каллиграфию и уголки для тихого мирозерцания. На протяжении всей истории ислам словом и делом продемонстрировал возможности религиозной терпимости и равенства рас», – сказал Барак Обама.

Барак Обама, для которого превыше всего национальные интересы, подчеркивает также, что он против грубой силы. За короткий период своей гибкой дипломатией завоевал симпатии лидеров латиноамериканских стран, с которыми были достаточно напряженные отношения. Ни для кого не секрет, что именно на победу Обамы рассчитывали и в Европе. События последних лет показали, что в современном мире ощущается дефицит дипломатов с новыми взглядами. Как правило, стандартные тексты, поверхностное суждение во время конфликтов, требующих моментального действенного реагирования, безрезультатны в дипломатии, от которой также ждут реального прогресса.

Кстати, эксперты в некоторых странах призывают но-



Инаугурация

вого президента Соединенных Штатов к более жестким действиям во внешней политике. Но как верно однажды заметил ветеран американской дипломатии Генри Киссинджер, аналитики ничем не рискуют, а государственный деятель вынужден действовать, исходя из оценок, которые не может доказать в тот момент, когда их выносит; история будет судить о нем на основании того, насколько мудро ему удалось осуществить необходимые изменения и, что самое главное, до какой степени он сумел сохранить мир.

Миранда ОГАНЕЗОВА



Видеомост в РИА Новости

«Свидетельствует вещий знак: поэт поэту есть кунак», — писал 85 лет назад С. Есенин. И еще: «Поэты — все единой крови». Хочется верить, что эти есенинские строки не потеряли своей актуальности. Ведь сегодня, когда рвутся нити добрососедства и взаимное непонимание между политиками двух стран достигло пика, остается один путь — восстанавливать доверительные отношения через культуру.

«Никуда не уйти от политических реалий», — заметил А.Эбаноидзе, но потом с надеждой добавил, что серьезного отчуждения между нашими народами не видно, а потому предстоящее событие видится как один из опытов организации новых контактов — мероприятие обещает быть эмоционально насыщенным.

ЗАТО НЕ ССОРИЛИСЬ ПОЭТЫ

23 ноября 1924 года в тбилисской газете «Заря Востока» впервые было опубликовано стихотворение Сергея Есенина «Поэтам Грузии». Строка из этого стихотворения — «зато не ссорились поэты» — стала лейтмотивом видеомоста, организованного Тбилиским международным пресс-центром РИА Новости. Видеомост, связавший две столицы — Грузии и России — анонсировал III Международный русско-грузинский поэтический фестиваль. Его нынешний девиз — «В поисках Золотого руна». Организатор поэтического форума — Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб», его президент Николай Свентицкий, а также Международная Федерация русскоязычных писателей, возглавляемая Олегом Воловиком. Было заявлено, что фестиваль на этот раз пройдет на Черноморском побережье Грузии, в Гурии, и будет продолжаться с 20 по 29 июня.

Участникам фестиваля — русскоязычным литераторам из Азербайджана, Армении, Белоруссии, Болгарии, Венгрии, Германии, Голландии, Грузии, Дании, Израиля, Италии, Казахстана, Литвы, России, США, Украины, Франции, Чехии, Швеции и Эстонии — предстояло обсудить широкий круг вопросов, связанных с пониманием творческой интеллигенцией своей миссии для сохранения и продолжения вековых культурных традиций двух духовно близких народов.

Участниками видеомоста в тбилисской студии РИА Новости наряду с Николаем Свентицким были театральный критик Вера Церетели и поэт Ника Джорджанели. В московской студии российская сторона была представлена главным редактором журнала «Дружба народов» Александром Эбаноидзе, главным редактором журнала «Новая Юность» Глебом Шульпяковым, сценаристом Павлом Финном и поэтом Михаилом Синельниковым.



Журналисты - участники видеомоста

Коснувшись темы юбилейной даты журнала «Дружба народов» — 70-летия со дня выхода в свет первого номера, его нынешний главный редактор отметил значение литературных переводов на русский язык и напомнил в связи с этим слова, сказанные о журнале выдающимся киргизским писателем Чингизом Айтматовым: «Это маленькая лошадка, на которой писатели малых народов могут въехать в большой мир».

Все участники видеомоста сошлись во мнении, что предстоящий фестиваль — это акция. Ознакомив собравшихся с программой фестиваля, отметив, что генеральным спонсором фестиваля является благотворительный фонд «Карту», Н. Свентицкий добавил, что гостей ждет лечебный пляж с магнитным песком, а еще 1000 литров пива от частных лиц и хорошее вино от кахетинских виноделов — «Золотое руно». Это значит, что фестиваль и его гости желанны в Грузии. а потому вспомним еще раз С. Есенина «Века все смеют, дни пройдут... историк, сочиняя труд, над нашей рознью улыбнется».

Марианна ХУБУА



Инга Гаручава и Петр Хотяновский

СЛЫШАЩИЙ, ДА УСЛЫШИТ

Писателей Ингу Гаручава и Петра Хотяновского в Грузии многие считают русскими драматургами, поскольку пишут они на русском, а в России – грузинскими, потому что живут в Тбилиси. Для них самих это вопрос не принципиален – главное, что и в Грузии, и в России, и за границей их пьесы находят своего зрителя.

Шотландцы, увидев спектакль по их пьесе «Прощеное воскресение» на Эдинбургском фестивале, сказали, что это история про них!

- Как сложился ваш творческий союз?

И.Г. Все началось со знакомства в Москве у нашего общего тбилисского друга, режиссера, сценариста Вадима Михайлова. В то время Петр учился на геологическом факультете МГУ, а я – на режиссерском факультете ГИТИСа. Заниматься драматургией мы не думали, но, оказавшись вместе на каникулах в Тбилиси, от нечего делать решили в четыре руки написать сценарий. Он назывался «Такая долгая ночь» и был основан на реальном факте: в Тбилиси в предновогоднюю ночь упала с трапеции и разбилась девочка-циркачка. Ее спасал практически весь медицинский мир города. И девочка выжила... «Крестным отцом» нашего первенца стал литератор и драматург Резо Табукашвили. Он передал сценарий на студию «Грузия-фильм», где на него неожиданно быстро нашелся режиссер, Гугули Мгеладзе. С нами подписали договор, и мы вернулись в Москву

счастливыми обладателями солидной суммы.

П.Х. К сожалению, дальнейшая судьба сценария сложилась по преферансной пословице: «Хорошее начало – залог плохого конца». Сценарий так и не дошел до экрана. В те годы на это была масса совсем не творческих причин.

- Тем не менее, вы продолжали заниматься драматургией.

И.Г. Поначалу я не думала серьезно о профессии драматурга. Я заканчивала ГИТИС. Это был последний курс Алексея Дмитриевича Попова, к сожалению, он не успел довести его до конца и выпускала нас Мария Иосифовна Кнебель. Но Алексей Дмитриевич был первым, кто заметил во мне склонность к литературе. Он требовал от будущих режиссеров замечать и фиксировать на бумаге случайно подсмотренные эпизоды на улице, в магазинах, на вокзалах – где угодно! С тех пор у меня сохранилась книжка с записями, на которой рукой Алексея Дмитриевича написано: «Отлично!» А дальше идет приписка: «Но, может быть, мы будем писателем?» Алексей Дмитриевич дал мне очень много. Он был гениальным режиссером, педагогом и человеком! Вспоминаю его с неизменной любовью и нежностью.

- Как складывалось ваше соавторство? Как в процессе работы распределялись роли?

И.Г. С первой же работы мы договорились, что каждый пишет свою сцену, а затем мы сводили все вместе. Мы и сейчас так работаем.

- А как вы решили стать не только соавторами, но и супругами?

П.Х. Очень просто. Инга заглянула в «Книгу судеб», то есть в мою чашку кофе, и сказала, что там это записано. Я поверил. С тех пор прошло сорок три года, восемь месяцев и семь дней...



Инга Гаручава, Петр Хотяновский, Софико Чиаурели

- И все эти годы вы посвятили драматургии?

И.Г. Не только. По окончании ГИТИСа и успешной постановки спектакля «Свет далекой звезды» меня оставляли в театре Советской Армии – ЦАТСа. Петру предложили работу на кафедре. Но мы родились и выросли в Тбилиси, там жили наши родители, и мы вернулись в Грузию. В Тбилиси я начала работать в русской редакции телевидения. Снимала маленькие фильмы о Грузии для Интервидения. А Петр работал в геологическом управлении. Но драматургию не забросили. Написали сценарий для полнометражного фильма «Земля отцов наших». Картину поставили Гига Лордкипанидзе и Гиули Чохонелидзе, который сыграл в ней главную роль. Свою первую большую роль в этом фильме сыграл Зураб Кипшидзе.

П.Х. Это был многострадальный сценарий. Его то запускали в производство, то останавливали, работал то один режиссер, то другой. И только в 1978 году его начали, наконец, снимать.

И.Г. Но до этого нам предложили переделать сценарий в пьесу, что мы и сделали, – она получила название «Когда придет мой час». В Тбилиси эту пьесу поставил в театре имени Марджанишвили Гига Лордкипанидзе, а в Москве, в Центральном театре Советской армии, Борис Морозов. О московском спектакле пресса писала, как о «дебюте троих» - режиссера и драматургов.

П.Х. Дебют оказался удачным. Борис Морозов стал известным режиссером и уже много лет руководит театром Российской армии, а мы продолжаем работать в драматургии.

И.Г. Следующую работу в театре мы сделали с Темуром Чхеидзе. Мы рассказали сюжет, который очень его заинтересовал. И он сказал нам: «Ребята, пишите пьесу!» Мы написали несколько сцен, у Темура родился план постановки, но работа продвигалась медленно. Тогда Темур Чхеидзе привез нас в театр и сказал: «Я уже раз-

ломал стену, чтобы на сцену могла въехать машина!» Короче, Темур поставил нашу работу «на контроль», и мы, как нерадивые школьники перед экзаменом, срочно сели писать очередную сцену, чтоб прочесть ее режиссеру. В постановке марджановцев спектакль назывался «Исповедь». Эта же пьеса под названием «Варлам, сын Захария» была поставлена в Московском театре имени Станиславского, в Ленинградском театре комедии имени Акимова, в Омске, Челябинске и других провинциальных театрах России. Кстати, в Омске героя пьесы Варлама играл Ножери Чонишвили, выходец из Тбилиси. Он отец известного актера театра «Ленком» Сергея Чонишвили, который через несколько лет сыграл в нашей пьесе «Долго и счастливо», поставленной на «Радио России».

- Как приходят сюжеты пьес и сценариев?

П.Х. По-разному. Чаще всего это процесс подсознательный. Я убежден, все, что мы хотим написать, придумать, сделать или изобрести, уже существует в некоем информационном поле. Господь сказал: «Слышащий, да услышит. Видящий, да увидит». Вслушиваемся и иногда слышим слова, которые потом складываются в пьесы...

И.Г. Бывает и по-другому. Всем известное событие вдруг начинает обретать форму пьесы или сценария. Так было с пьесой «День Победы среди войны». Борис Морозов, тогда главный режиссер московского театра имени Пушкина, искал к сорокалетию Победы новую пьесу, и я сказала, что надо сделать спектакль о репетиции Седьмой симфонии Шостаковича в блокадном Ленинграде. Идея эта пришла спонтанно, но Борис сразу ухватился за нее. Для нас с Петром это была очень трудная и интересная работа. Мы встречались в Ленинграде с оставшимися в живых оркестрантами, и их рассказы помогли нам ощутить и перенести в пьесу дух и атмосферу тех страшных дней...

П.Х. Были моменты в пьесе, которые удивительным образом совпали с историческими событиями. Такое случается, если сюжет правильно задуман. Срабатывает системная логика событий. Это как математическая формула. Вы можете не знать доказательства и прийти к нему через логические построения.

И.Г. Действующие лица этой пьесы - музыканты и их инструменты... На премьеру в Москву Борис Морозов пригласил оставшихся в живых музыкантов. Они приехали со своими инструментами. Сцена была оформлена попитрами. После спектакля мы попросили музыкантов выйти на сцену и занять свои места у пюпитров... Снова зазвучала Седьмая симфония Шостаковича, и все увидели, как много за пюпитрами пустых мест. В зале творилось неопишное! Потом пьесу поставили в Петербурге, в театре комедии имени Акимова и во многих других театрах России. Она получила первую премию Всесоюзного конкурса пьес, посвященных Победе. Прошло двадцать лет, и Вологодский театр для детей и молодежи вновь поставил эту пьесу. Эта постановка получила главный приз VIII международного театрального фестиваля «Голоса истории». На наш взгляд, это одно из самых лучших прочтений пьесы.

- Процесс творчества – акт мистический?

П.Х. Безусловно. Творчество без мистики, это, выражаясь современным языком - «жесть». Мистика – часть нашей реальной жизни. Часто сталкиваясь с этим в быту, мы восклицаем: «Мистика!», но не осознаем того, что случившееся действительно мистично. Настоящее творчество мистично по своей природе. «Слышай, да услышит. Видящий, да увидит»... Мы больше получаем извне, чем выдаем «из себя». И этот момент инспирации – совершенно мистический. К примеру, как-то за утренним кофе Инга говорит мне: «Наша следующая пьеса будет называться «Фрак для Нобеля!» И спрашивает: «Как ты думаешь, о чем будет пьеса?» Ни на секунду не задумываясь, я отвечаю: «Это будет пьеса-монолог Иосифа Бродского за час до вручения ему Нобелевской премии».

И.Г. Видит Бог, до этого момента мы никогда не думали о Бродском, как о возможном герое пьесы. Тема была инспирирована сверху. И писалась легко. «Фрак для Нобеля» мы сшили за три недели... и уже несколько лет никак не можем вывести его на сцену, хотя этот фрак был «сшит» специально для Георгия Тараторкина и очень ему нравится. Но что-то стоит на пути. Мистика.

- А как родился сюжет известной вашей пьесы «Мистификатор»?

И.Г. Самым что ни на есть мистическим образом. Мы оказались запертыми плохой погодой в чудесной гостинице Украинского ЦК, в Киеве, где отмечали свою серебряную свадьбу. Будущий герой пьесы, Слут, появился ниоткуда. «Произнес» какой-то пустячный монолог и не отпускал нас два дня, пока мы не записали под его «диктовку» первый акт. Потом он исчез на несколько лет и вернулся с известием, что Би-Би-Си объявило всемирный конкурс радиопьес. «Это знак!» - решили мы. Быстро сделав радио- и театральный варианты пьесы «Мистификатор», отослали ее на конкурс в Лондон и в театры.

П.Х. Все, что происходило потом, иначе как мистикой не назовешь. В 1999 году пьеса получила первый приз всемирного конкурса и была поставлена на Би-Би-Си. В том же году премьеры «Мистификатора» состоялись в тбилисском Грибоедовском театре и Санкт-Петербургском театре имени Комиссаржевской. Кстати, в этом году в «Комиссаржевке» сыграли юбилейный двухсотый спектакль. За десять лет «Мистификатор» много раз ставился в провинциальных театрах России. Радиовариант «Мистификатора» поставлен на «Радио России»,

в Германии и Венгрии. Новая театральная премьера «Мистификатора» состоится в Норильском театре летом нынешнего года.

И.Г. И еще о мистике. Петру в течение многих лет снился Иосиф Виссарионович Сталин. Снился до тех пор, пока мы не написали о нем пьесу - «Шинель Сталина». Ее сразу приняли для постановки в «Современнике». После этого он ушел из снов Петра.

П.Х. Естественно, из снов вождь переместился на сцену московского театра «Современник», в спектакль под названием «Полет черной ласточки», где благополучно «летает» уже пятый сезон. Идея пьесы приходила отдельными фантазмагорическими сценами, лишенными какой-либо исторической достоверности. Честно говоря, мы и не стремились к достоверности. Кто знает, какая она достоверность на самом деле. Просто предстали, что все обстоятельства жизни этого человека фантазмагоричны по своей природе и сюжет надо строить не в реальном пространстве. Сталин умер предположительно в конце февраля - начале марта. Между этими месяцами существует «временная дыра», в которую мы и поместили события пьесы. Ставил спектакль модный в Москве режиссер Владимир Агеев, а Сталина блестяще сыграл Игорь Кваша. Спектакль вызвал много споров и самых противоречивых оценок.

И.Г. Что естественно, имея в виду личность Сталина. Некоторые эпизоды в спектакле и нам, авторам, показались спорными. Иногда хотелось крикнуть: «Ребята, мы этого не писали!» Но авторские права в нашей части света - это отдельная тема для разговора.

П.Х. Я часто говорю, что драматурги подобны родителям невесты. Выдал дочку замуж, сиди и жди, какой получится ребенок. Повезет – будет похож. Иногда – не очень. А если ребенка делают способом, заведомо исключающим его рождение? Много лет назад один такой спектакль на московской сцене мы закрыли авторским вето. И такое было.

- Жанр монопьесы - один из самых сложных. Всю драматургию надо выстроить на одном герое, и один актер должен суметь это сыграть. Я видела Гуранду Габуня в вашей пьесе «Прощеное воскресенье». На мой взгляд, ей это блестяще удалось, а как вам? Ни разу не захотелось крикнуть: «Мы этого не писали!»?

И.Г. Наоборот. Мы с удовольствием говорим, что спектакль удался. Прочтение режиссера Кети Долидзе и игра Гуранды Габуня, специально для которой и написана была эта пьеса, построены не на внешних, узнаваемых образах, выходят на уровень человеческих отношений героев, независимо от их национальной принадлежности. И успех в Эдинбурге - лучшее тому подтверждение. В Москве, в Театре Наций, эту пьесу поставил прекрасный режиссер Геннадий Шапошников. Катя Маркова, много лет назад покинувшая сцену театра «Современник» ради литературы, прочтя «Прощеное воскресенье», сказала: «С этой пьесой я вернусь на сцену!» И это возвращение стало триумфальным!

П.Х. В пьесе есть еще один герой - выставленный на продажу старый дом в грузинском селе Марани. Спектакли Гуранды Габуня и Екатерины Марковой совершенно разные по манере исполнения, но одинаково эмоционально нагружены. Их исполнение рождает надежду, что во все брошенные дома на планете обязательно вернуться люди.

- Правда, что пьеса «Бумажное сердце» сначала была написана для Отара Мегвинетухуцеси и Гуранды Габуня?

И.Г. Да. К сожалению, Отару показалась, что это «не его роль», но пьеса не легла на полку. В телевизионном театре телеканала «Культура» спектакль «Бумажное сердце» сыграли два прекрасных российских актера - Елена Сафонова и Аристарх Ливанов. Постановку осу-

ществил известный кинорежиссер Валерий Кремнев. Спектакль неоднократно был показан на разных российских каналах. В прошлом году его внесли в «Золотой фонд» телевидения России.

П.Х. Приятной неожиданностью для нас стал звонок Гиги Лордкипанидзе с предложением адаптировать «Бумажное сердце» для телефильма. По его просьбе героя пьесы – актера театра мы заменили оперным певцом. Эту роль согласился исполнить известный у нас и на Западе грузинский певец Ладо Атанели. Съёмки уже закончены, а телевизионная премьера ожидается этой осенью.

- А какова судьба пьесы «Капитолийская волчица»? В одном из интервью Инна Чурикова сказала, что собирается сыграть в ней главную роль.

И.Г. В судьбе этой пьесы тоже есть что-то мистическое. Два разных продюсера дважды выкупили у нас права на постановку, и дважды, едва начавшись, работа срывалась. В чем причина - не знаем. Может в том, что мы слишком любим «Волчицу», слишком ждем ее,

вить спектакль о ее легендарных родителях Михаиле Чиаурели и Верико Анджапаридзе мы приняли сразу, хотя понимали всю сложность этой работы. Название пьесы пришло сразу - «Рождение планет», и мы договорились, что спектакль должен быть не комплиментарным, а максимально правдивым...

П.Х. Как биографический фильм Анджея Вайды о Збигневе Цыбульском, - «Все на продажу».

И.Г. Но когда пьеса была готова, многие эпизоды приходилось отстаивать зубами. Эмоциональная реакция Софики была понятна, ведь речь шла о ее предках, родителях, братьях. Ей предстояло одной сыграть их всех, их жизнь, их проблемы. Сделать это, став выше личных отношений, абстрагироваться от реальных обстоятельств ей было невероятно сложно. Иногда споры доходили почти до скандала. Софики была категорически против ввода в спектакль мима, который по нашему замыслу выполнял пластическую функцию. «Он будет отвлекать внимание зрителя от меня», - уверяла нас Софики.

П.Х. Чтобы убедить ее, пришлось пойти на хитрость: «Софики, - сказал я ей, - если за твоей спиной поставить целый полк мимов, ты их всех переиграешь!» Софики согласилась и пригласила на роль мима молодого актера театра Марджанишвили Онисе Ониани, и это стало находкой спектакля.

И.Г. Были и другие споры. Родители Софики ушли из этой жизни невенчанными. Мы написали сцену венчания их душ. Эпизод получился очень эмоциональным, и тут появились сомнения: не кощунство ли это? Но Софики рискнула и пригласила на премьеру Его Святейшество, Католикоса-Патриарха Всея Грузии Илию II. После спектакля он сказал: «Только очень верующие люди могли обвенчать на сцене души умерших!» Софики была именно такой – очень верующей. И в жизни, и в творчестве.

- Есть ли новые пьесы для театра?

И.Г. Да. Мы написали две новые пьесы - «Доброе утро, сто долларов!» и «Завтрак с Наполеоном». Первую ставит в «Театре на Атонели» Кети Долидзе. Премьера выйдет в середине июля. В спектакле заняты замечательные актеры Нана Пачуашвили, Нинели Чанкветадзе, Рамаз Иоселиани и дебютант на театральной сцене, журналист Нугзар Рухадзе. Что касается «Завтрака с Наполеоном». Театр Марджанишвили приобрел пьесу для Отара Мегвинетухуцеси и Гуранды Габуния. Начало работы дважды откладывалось. Следующий срок выпуска спектакля - конец нынешнего года. Надеемся, что в новом сезоне эти пьесы найдут своего зрителя и на российской сцене.

- Начало вашей творческой жизни было ознаменовано романом с кинематографом. Продолжается ли он?

П.Х. Он и не прекращался. В девяностые годы, когда кино практически не снималось, мы стали писать сценарии на конкурсы. Три из них - «Следственный эксперимент», «Танец с президентом» и «Фотомодель» стали призерами международных конкурсов «Хартли-Мерил Прайз» (Лос-Анджелес, 1990, 1993, 1996) и «Приз Эйзенштейна» («Гемини-фильм», Берлин-Москва, 1994). К сожалению, организаторы конкурса не брали на себя обязательств по продвижению сценариев на экран. Два года назад к нам обратился продюсер и владелец сан-францисской студии «AFL Productions» Юрий Володарский. По его просьбе мы написали сценарий для сериала «Гаишники». В прошлом году он прошел по российским телеканалам. Для них же мы написали киносценарий по пьесе «Мистификатор», съемки которого планируются на будущий год. Сейчас по их заказу пишем сценарий под условным названием «Страусиное племя».



Гуранда Габуния в спектакле «Прощеное воскресенье»

а она по каким то своим причинам не хочет пока идти на сцену.

П.Х. «Волчица», которая гуляет сама по себе. Надеемся, когда-нибудь ей это надоест.

- Расскажите про ваше сотрудничество с Софики Чиаурели.

П.Х. Об этом можно говорить бесконечно долго. Софики была удивительно разносторонней. Лично мне кажется, что актерство было одним из многих ее талантов, и нам всем повезло, что большую часть жизни она отдала театру и кино.

И.Г. Предложение Софики написать пьесу и поста-

Инна БЕЗИРГАНОВА



Алексей Обухов на этнографической конференции

«НАУЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ» В ДЕЙСТВИИ

В то время, как в Грузии, начиная с 9 апреля, несколько накалена политическая обстановка, когда все говорят только о противостоянии оппозиции и власти, находятся люди, которые ставят науку выше политики. И оказывается, что гуманитарные направления, казалось бы, далекие от политики, могут служить на благо людей, особенно в кризисных ситуациях. Например, этнография, этнология, которая занимается кросс-культурным анализом - сопоставлением этносов, обществ, их духовных представлений и социальных структур. В современном глобализованном мире это становится чрезвычайно важным. Во избежание конфликтов надо уметь выстраивать межкультурное взаимодействие разных этносов и внутри страны, и с соседними государствами. А это невозможно без знания национальных, этнических, религиозных традиций той или иной страны. Ведь у каждого народа своя история, традиции и моральные ценности. Только досконально изучив эти особенности, понимая мотивы поведения других, можно найти с ними общий язык. Именно этим и занимаются ученые- этнографы, социальные антропологи.

«Научная дипломатия» - эту формулировку, родившуюся от «народной дипломатии» и прозвучавшую на международной научной конференции этнологов в Тбилиси, можно считать ее сверхзадачей и итогом. Она прошла в Институте истории и этнологии им. И. Джавахиш-

вили АН Грузии и посвящалась 110-летию со дня рождения одного из основоположников профессиональной этнологии в Грузии Веры Бардавелидзе.

В конференции участвовали грузинские ученые, исследователи из разных научных центров и университетов Грузии, а также молодое поколение - докторанты и студенты. Прибыли с докладами и иностранные гости - из Германии Манфред Пилтс из университета Гумбольдта и три этнографа из России - доктор филологических наук, профессор Центра социальной антропологии РГГУ, заведующий отделом медийных и информационных систем Института мировой литературы им.А.М.Горького РАН Владимир Кляус и кандидат психологических наук, заместитель декана по науке факультета педагогики и психологии, доцент кафедры психологии развития Московского педагогического государственного университета Алексей Обухов, молодой специалист кафедры истории и теории культуры РГГУ Тамара Церетели, которая работает над диссертацией по Грузии.

Ученые прилетели с подборками книг, статей и научных журналов. Грузинским коллегам предстоит ознакомиться с новыми для них материалами, а в будущем увидеть и свои работы на страницах российских научных журналов.

Российским этнографам в Тбилиси было интересно все - и доклады грузинских коллег, где открывались неизвестные им тонкости грузинского быта, и дискуссии, в которых они принимали горячее участие, так как организаторы позаботились о переводе с грузинского. В числе самых активных организаторов - руководитель отдела этнологии Института истории и этнологии, профессор ТГУ Кетеван Хуцишвили.

Настоящие открытия ждали гостей за стенами института - этнографический музей под открытым небом, улочки и дворы Старого города, Мтацминда и Нарика-

ла, Джвари и Светицховели. В общем, они считали, что им повезло – за два дня пребывания узнать и увидеть столько всего!

Было бы непростительно упустить возможность и не поговорить с гостями об их тбилисских впечатлениях.

В.Кляус: К сожалению, нам удалось присутствовать только на втором дне конференции. Несмотря на это мы ощутили весь ее дух, всю значимость для грузинской этнологической науки. Благодаря переводу мы услышали доклады этнологов, искусствоведов, филологов и смогли участвовать в дискуссиях и обсуждениях. Хотелось бы отметить, что уровень грузинской науки остается высоким. Более того, какие-то темы разрабатываются даже с большей интенсивностью – в частности, религиозные традиции, которые усиленно развиваются в постсоветский период.

А.Обухов: Большой плюс этой конференции, что наряду с исследователями старшего поколения выступала с докладами и молодежь, причем, достойно, на равных. Это говорит о преемственности грузинской науки, что очень важно. Для российской науки это одна из самых больших тем, у нас, к сожалению, очень плохо идет молодежь в науку. Это связано с экономической стороной, хотя все понимают, что гуманитарная наука, этнологическая, это своего рода зеркало общества.

В. Кляус: Не знаю, как обстоят дела в Грузии. Но страны Запада и особенно Америка научились использовать ученых нашего профиля. Их консультациями пользуются на всех уровнях государственных и властных структур, очень востребован институт этнологической, антропологической экспертизы. Люди там понимают, что без этих



знаний политика не может быть успешной. Ведь антропология как наука родилась и формировалась в Европе в колониальный период, когда надо было найти способ управления новыми территориями. А чтобы управлять ими, надо знать, по каким законам там живут люди. Многие направления европейской, а потом американской этнологии развивались как бы по заказу определенных политических структур для решения отдельных проблем, связанных, допустим, с интеграцией бывших колоний в современное цивилизованное общество.

А.Обухов: Колониальный этап давно прошел, но наука у них осталась востребованной, и антропологов много. Должность антрополога обязательно существу-

ет в различного рода фирмах, а в правительственных структурах - на уровне консультантов, экспертов. Например, в США политическая деятельность строится на научных выводах социальных антропологов. Сколько консультантов-этнологов работали в процессе подготовки политических и военных действий США в Афганистане, Ираке...

- Если бы в России политики следовали этому, наверное, избежали бы проблем с Чечней и Кавказом.

В.Кляус: Между прочим, о Чечне многие исследователи предупреждали, что этого не надо делать. Но, к сожалению, их не услышали... Важно не принимать таких решений, которые могут иметь необратимые последствия, связанные с отношениями между народами, различными этносами. Конечно, каждая страна преследует интересы своего государства, но мир так изменился, что не учитывать интересы другого народа тоже никак нельзя. Именно этнология может спрогнозировать реакцию на то или иное решение. Вот мы сейчас готовим антропологов и говорим им, что они могут работать в органах управления. Но власти обычно не нужны такие советчики, она считает своим правом поступать так, как хочет. В России социальных антропологов сейчас готовит практически каждый университет, но нет общей программы, и в нее вкладывают разные составляющие. В нашем учебном Центре социальной антропологии в РГГУ, который возник и существует под эгидой головного академического Института этнологии и антропологии РАН, мы используем его теоретическую и методологическую базу, преподаватели, в основном из этого института.

А.Обухов: На этой конференции возник интересный термин «научная дипломатия». Действительно, наука должна стоять выше политики. Это та область, которая может объединить любые государства. Наши грузинские коллеги говорили, насколько это значимо – ощутить себя не в замкнутом пространстве, а в контексте международного сотрудничества. Связи грузинской науки с российской – исторические, но длительный период не было никаких контактов, и мы ничего не знали, что происходит у грузинских коллег в этнологии, в психологии. Все знают величайшую отечественную грузинскую школу психологии Д.Н.Узнадзе, но ее новые достижения у нас неизвестны. Разобшение доведено до предельной точки, это полный абсурд. Исторические корни наших народов настолько переплетены, что их невозможно окончательно разорвать. Разрыв происходит лишь на политическом уровне. Но власти приходят и уходят, а народы остаются.

В.Кляус: Все понимают, что в нашей профессии необходим сравнительный анализ с другими этносами и культурами, необходимо международное общение. Я хочу обратить внимание на такой момент в грузинской этнологии и фольклористике: работы ученых публикуются только на своем языке и не сопровождаются пространными резюме хотя бы на английском, чтобы сделать их доступными для исследователей в других странах. К сожалению, это обычная ситуация почти для всех постсоветских республик, особенно Закавказья и Средней Азии.

- Вы оба редакторы научных журналов. Каковы возможности контактов?

В.Кляус: Одной из наших задач было обговорить с грузинскими коллегами темы работ и пригласить их для публикации в российских научных журналах. Например, в научном альманахе «Традиционная культура», он издается Государственным республиканским Центром русского фольклора, альманах входит в список ВАК, и его публикации учитываются при защите диссертаций. Мы договорились о том, что будем работать над созданием специального раздела, посвященного исклю-

чительно грузинской традиционной культуре, где будут публиковаться их статьи. Еще один плюс, ВАК требует, чтобы во всех его журналах давались аннотации статей не только на русском языке, но и на английском. Так что выход на международную арену обеспечен.

А.Обухов: Журнал, который вписывается в рамки конференции, это «Развитие личности», где я заместитель главного редактора. Это тоже академический журнал ВАК, здесь интенсивно развивается раздел «этнопсихология». У нас появились договоренности с грузинскими коллегами о подготовке материалов по изучению религиозного самосознания людей в разных этнокульту-

читать, но надо знать язык, мы только визуально фиксировали. Для всех здесь это привычная реальность, а на самом деле это уникальное явление.

А.Обухов: Впрочем, насчет уникальности еще надо разбираться, характерна ли она только для Грузии или она существует в других кавказских регионах. Я завтра лечу в Москву через Ереван, встречу там с друзьями и заодно выясню, есть ли такая традиция в Армении. В нашей насыщенной экскурсионной программе для меня, как психолога, появился важный материал после посещения мастерской Текстильной группы. Нашей кафедре приходилось работать с детьми, пережившими



Художник М.Абзианидзе показывает гостям работы детей-беженцев

турных традициях, их особенности и трансформация, мифологические аспекты сознания. А другой наш журнал «Исследователь /Researcher» направлен на развитие исследовательского подхода в обучении и образовании. Это перспективная тема для налаживания сотрудничества. Может быть, в Тбилисском Институте истории и этнологии возникнет образовательно-педагогическое сообщество, я надеюсь на связи с ними. Тем более, что в нашем журнале есть материалы по краеведению, фольклористике.

В.Кляус: Я хотел бы еще сказать о нашей поездке в целом. У нас была обширная культурная программа и замечательный гид по Старому Тбилиси Александр Сватиков. Мы побывали в этнографическом музее под открытым небом, это очень любопытно. Наконец-то я вживую увидел сванскую башню! Это большое дело собрать на маленькой территории дома, дворовые строения и показать культуру регионов Грузии. Прекрасное пространство, в котором могут соседствовать разные культуры и национальные традиции. Я думаю, что там можно устраивать и передвижные выставки других народов. Почему бы однажды не показать там русский дом со своим двором?! И еще мы увидели абсолютно новую для нас, почти карнавальную ситуацию, характерную для современной Грузии, это традиция росписей, автографов, рисунков на рубашках выпускников школ на последнем звонке. Мы обнаружили интересную форму современной городской традиции. Это очень любопытно



Уголок Старого Тбилиси

экстремальную ситуацию. Психологи работали и в Беслане, Ленинкане, Буденновске по заказу государства и Российского Детского Фонда. В Тбилиси я понял, как такую работу можно вести посредством искусства. Самое поразительное, что художники, искусствоведы это делают по своей собственной инициативе. Это говорит об особой отзывчивости грузинской души на те беды, с которыми сталкиваются сегодня и взрослые, и дети. По увиденным материалам я могу сказать, что работа художников с детьми-беженцами ведется очень тонко, профессионально. Как психолог я хочу уточнить, что искусство, которое использует этнические, традиционные мотивы и технологии, обладает огромным коррекционным потенциалом в восстановлении психики.

В.Кляус: Еще такой момент. Я ехал в ту Грузию, которую знал по книгам, кино, песням. В свое время готовил для российского отделения ЮНЕСКО список явлений традиционной культуры, куда было включено грузинское многоголосье, и я много работал с этим материалом. Хочу сказать, что именно эту Грузию я и увидел сейчас.

А.Обухов: А у меня на факультете, когда узнали, куда я еду, все говорили одно: привези магнитик Тбилиси. Мы почувствовали здесь не раз описанное, известное явление - гостеприимство. Причем, гостеприимство везде бывает разное, а здесь оно высокое, душевное и очень тактичное. Мы сами убедились в этом, когда днем зашли покушать в небольшой погребок. За соседним длинным столом сидели молодые ребята, но это не было широкое застолье. Причем, это та молодежь, которая уже русского языка почти не знает. Так вот они проявили очень приятное, вежливое радушие: без всякой показухи, с достоинством передали от своего стола кувшин домашнего вина – нам, совершенно незнакомым людям. В этом было что-то невероятное.

Записала Вера ЦЕРЕТЕЛИ



«ГДЕ ТЕРЕК ИГРАЕТ...»

Внимание к Тереку – объекту изображения в литературе – начинается с А. Пушкина. Его «грузинские» произведения «Кавказ», «Обвал», «Меж горных стен несется Терек» и другие в основном посвящены описанию природы. Объектом поэтического воссоздания Пушкина стали Дарьяльское ущелье и бушующий Терек. Эти места понравились поэту «своей дикой красотой и мрачной прелестью природы».

С одной стороны, пушкинский пейзаж предметно конкретен. В стихотворении «Кавказ» дается зримое описание реального горного ландшафта. Поэт как бы с высоты орлиного полета обозревает природу горного края.

С другой стороны, поэт олицетворяет природные явления, придавая им не только одухотворенный статус, но – что еще более важно – делает их средством выражения своих мыслей и настроений. И не только своих, глубоко личных мыслей, но и наделяет их социальными, политическими и философскими началами. Подобное сложное содержание, казалось бы, простых пейзажных произведений свидетельствует не только о мастерстве А. Пушкина, но и об общем развитии поэтики эпохи.

В то же время в «кавказских» («грузинских») стихотворениях А. Пушкина следует увидеть постоянно крепнувшее в русской литературе стремление к двойным высказываниям, выражению потаенных мыслей, к овладению эзоповым языком. В стихотворении «Кавказ» даются яркие картины природы, которые Ваню Шадури справедливо назвал «образцами реалистического пейзажа». Однако в последней части произведения описательные строки переходят в иносказательный план, приобретают дополнительную значимость. Обращаясь

к Тереку, поэт явно использует символику:

Играет и воет, как зверь молодой,
Завидевший пищу из клетки железной;
И бьется о берег в вражде бесполезной
И лижет утесы голодной волной...
Вотще! нет ни пищи ему, ни отрады:
Теснят его грозно немые громады.

Вольнолюбивые мысли высказаны явно в природном аспекте, но их сопоставление с общественными явлениями уже предполагается традициями русской литературы.

Другая отличительная черта данного поэтического фрагмента – мысли высказываются прямо и определенно, к подтексту они не имеют отношения. Данное мнение подтверждается следующими строками стихотворения, которые впоследствии были изъяты самим поэтом:

Так буйную вольность законы теснят,
Так дикое племя под властью тоскует,
Так ныне безмолвный Кавказ негодует,
Так чуждые силы его тяготят...

Поэт очевидно отказался от политически резких уподоблений открытого типа.

Создавая развернутое поэтическое сравнение, А. Пушкин вкладывал в концовку стихотворения определенные общественные и личные мнения, по суждению В. Шадури.

В созданных поэтом двух рядах сопоставлений прежде всего интересно толкование бытования Терка. Свирепый, как молодой зверь, Терек мог олицетворять буйную вольность Кавказа – таков первый ряд уподоблений. Другой ряд – узкое и мрачное Дарьяльское ущелье, «немые громады» гор – это железная клетка,

в которой о вольности нельзя даже мечтать. Конечно, подобные строки не пропустила бы и цензура, но поэт и сам избегал открытой публицистичности, когда тенденция выступает в ущерб поэтичности.

Безусловно, А. Пушкин мог толковать образ мятежного Терека, рвущегося «из клетки железной» на свободу узко политически – как символ борющегося Кавказа, но не захотел. Он обратился к образу реки как воплощению движения, борьбы против застоя, всякого рода деспотизма и угнетения вообще. Несомненно, Пушкин находил что-то родное и нужное в образе буйного Терека, его мощные, рвущиеся из берегов потоки могли в какой-то мере отражать мысли и чувства поэта. Поэтому и последовала символизация образа Терека.

Как считают исследователи, «тема Терека у Пушкина везде звучит как гимн свободы, как прославление борьбы против темных сил. Поэтому Терек постоянно противопоставляется теснинам Дарьяла, черным скалам и грозным обвалам».

Профессор Шадури, специально обративший внимание на данный вопрос, воздерживался от далеко идущих выводов и толковал, например, стихотворение «Обвал» больше в пейзажном, чем в общественном смысле. Однако, и он подчеркивает, что мятежный Терек в «Обвале» выступает как символ непокорности и борьбы, как олицетворение движения и протеста против тупого деспотизма: «Апофеоз борющегося и побеждающего Терека и здесь звучит своеобразным гимном борьбы против угнетения и насилия».

Для нас важно, что А. Пушкин связывает образ Терека с борьбой против деспотизма вообще, а не только и не столько деспотизма конкретного, исторически обусловленного, политического. Не менее важно и то, что этот образ, подвергаясь символизации, никакого отношения к подтекстовым структурам не имеет. Таким образом великий поэт создавал традицию художественного воплощения сил природы и общественной жизни, традиции воспевания Терека одновременно с отказом от излишней тенденциозности и политизации.

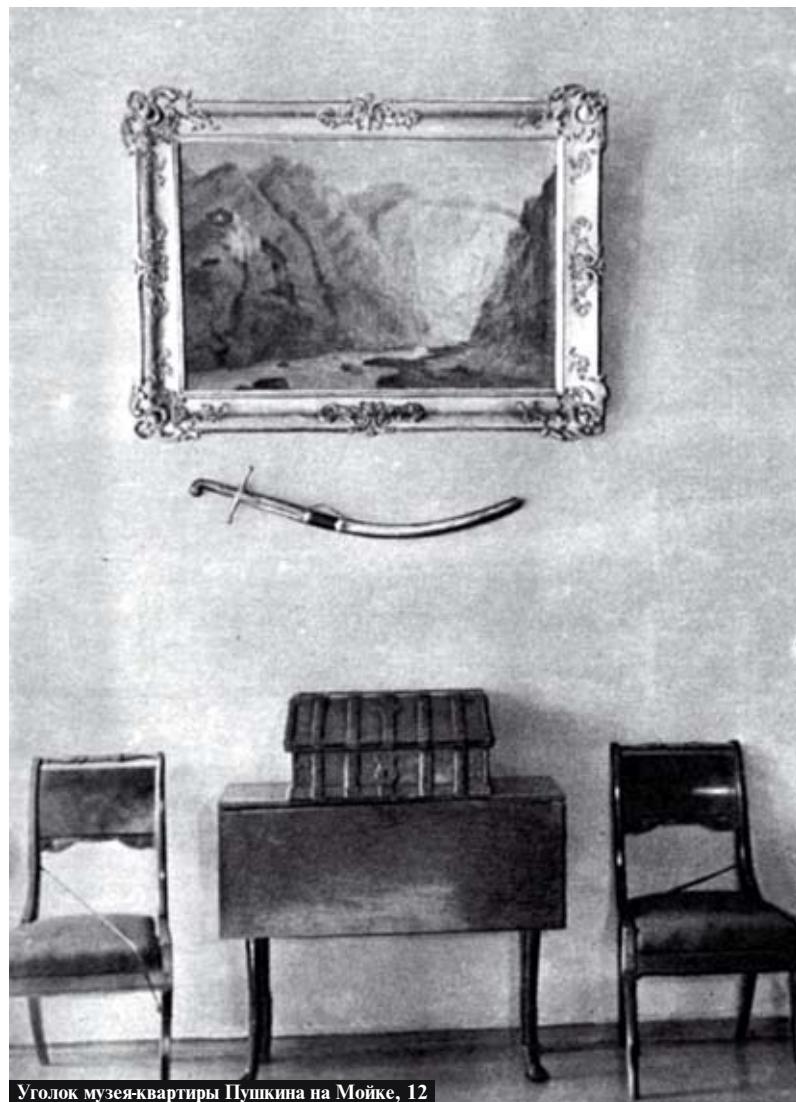
А. Пушкин «открыл» Терек для русской и грузинской литератур. Буйное течение реки противопоставляется мрачным скалам Дарьяла и в произведениях декабристов, М. Лермонтова... Образ бушующего Терека в грузинской литературе предстал в произведениях Г. Орбелиани, А. Казбеги, И. Чавчавадзе... Г. Орбелиани в стихотворении «Вечер разлук» писал о Тереке. По мнению исследователей, в его интерпретации темы Терека ясно видна пушкинская линия. Еще более явно она проступает в творчестве уроженца Казбеги – князя Александра Казбеги. В его произведениях Терек олицетворяет неуклонную волю к борьбе против общественного зла и несправедливости. В рассказах «Цико», «Пипкиа» Терек сравнивается со львом, а его противники-скалы испытывают неукротимую силу реки. Отважный Терек, как раненый лев, и бесстрашно бьется о скалы, и «спадает легкой росой». Подробное описание единоборства Терека с Бешеной Балкой имеется в романе «Отцеубийца».

Образ Терека занимает исключительное место в творчестве Ильи Чавчавадзе. Будучи вождем грузинских шестидесятников, которых называют «тергдалеулни» («испившие воды Терека»), Илья, как и другие передовые грузинские юноши, получал образование в России, там же проходил школу борьбы, воспитывался на традициях русской литературы. По возвращении на родину эти юноши включались в борьбу против отживших традиций и идеологии. В «Записках проезжего» Илья воспевает Терек – символ противоборства и непокорности. Именно здесь сосредоточен основной смысл его высказываний: «Много примечательного в тебе, в твоём могучем, непреклонном течении, непокорный

наш Терек!» Терек стал для И. Чавчавадзе образом пробуждающейся человеческой жизни, образом волнующим и достойным пристального внимания: «В его мутных водах – пепел скорбей нашей страны...»

Интересны аналогии между Тереком и вершиной горы Казбек. И. Чавчавадзе сравнивает Мкинвари (вершину Казбека) с Гете, а Терек – с Байроном.

Илья поет славу Тереку: «Благо тебе, Терек! Ты прекрасен – мятежный, ты не ведаешь покоя. Остановись хоть на короткое мгновение, ты станешь зловонной трясиной, и твой угрожающий гул обратится в лягушачье



Уголок музея-квартиры Пушкина на Мойке, 12

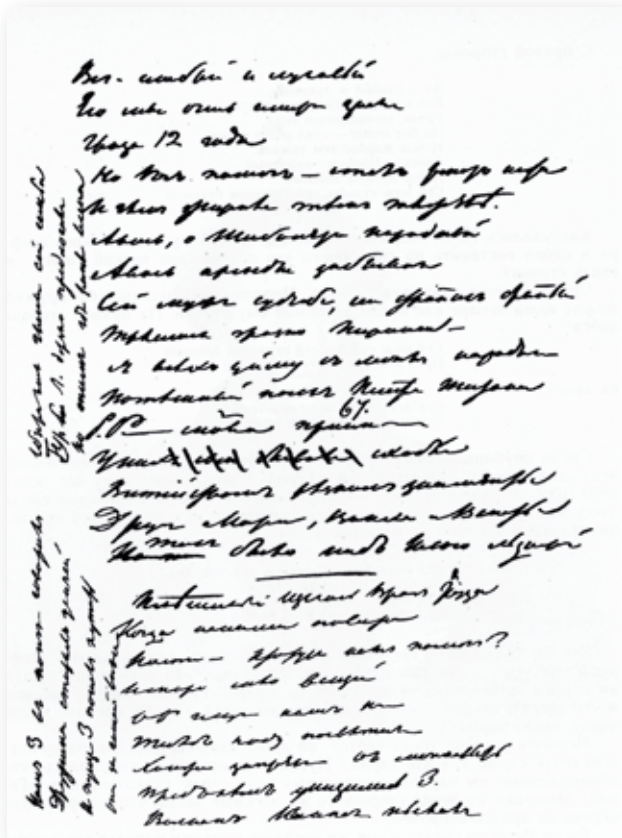
кваканье. Движение и только движение, мой Терек, дарует миру жизнь и силу...» И, наконец, следует признание, в котором сосредоточена суть сопоставлений великого грузинского деятеля: «Я чувствовал, что между моими мыслями и жалобой Терека существует какая-то тайная связь, некое гармоническое единство». Илья имел в виду свободолобивую идеологию молодежи 60-х годов, которая вошла в историю грузинской общественной мысли как идеология шестидесятников-«тергдалеулни». О больших общественных явлениях Илья говорит опять-таки прямо, не обращаясь к подтекстовым структурам.

Отметим, что традиция уподобления природных и общественных явлений является постоянной в русской и грузинской литературах. К подобным поэтическим

приемам часто обращались М.Горький, В.Маяковский и другие. Так, желая избежать простого пересказа политических событий, связанных с революцией 1917 года, Маяковский находит основную метафору «революция – буря» и производные художественные образы и уподобления: Россия – корабль, вождь – рулевой, пробоины в корабле и т.д.

Основной образ бури, бушующего моря определили вербальный и невербальный слои изображения. Сложная система метафоризации позволила преодолеть эстетические трудности, но большую роль сыграли и подтекстовые структуры.

Теперь о нарушении традиций. М. Лермонтов на-



ходит «кастальский ключ» в свирепом Терек (В. Белинский); для него Терек олицетворяет Кавказ. В 1830 году А.Пушкин создал «Обвал», а М.Лермонтов – поэму «Джюлио», в которой чувствуется пафос могучей реки. В «Демоне» все сосредоточено вокруг Терека: «глаголу вод его внимали; и золотые облака из южных стран из далека его на север провожали...» Здесь поэт – в русле пушкинских традиций, а вот в стихотворении «Тамара» он воплощает «нелепую выдумку». С именем царицы Тамары происходил естественный процесс мифологизации. Б. Эйхенбаум соглашался с мнением А. Хаханавили, что с именем Тамары соединены легенды разного происхождения, но первые шаги в этом направлении сделал не М. Лермонтов, а сказители легенд. А с легкой руки поэта «нелепая выдумка» получила повсеместное распространение. Авторитет великого поэта положил начало еще одной традиции в грузинской тематике.

М.Лермонтовым были созданы образы двух Тамар в двух произведениях - «Тамара» и «Демон». Одна была «прекрасна, как ангел небесный», но «как демон, коварна и зла», к самому демону отношения не имела, жила на высокой скале, и ее возлюбленные погибали, сброшенные в Терек. Другая тоже была прекрасна, но

к демону имела прямое отношение – полюбила духа зла. Следующий шаг в развитии этой темы сделал В. Маяковский. В стихотворении «Тамара и Демон» он дал новую интерпретацию «нелепой выдумки» М. Лермонтова. Он соединил образы двух Тамар двух произведений – сюжетный ход заимствовал из поэмы «Демон», а основу характера персонажа – из баллады. Эта Тамара и стала героиней стихотворения В. Маяковского, а его темой – не Тамара и демон, а Тамара и поэт.

«Тамара и Демон» - произведение с несколькими уровнями. В нем усматривается сходство со стихотворениями не только М. Лермонтова, но и Б. Пастернака «Памяти Демона», поданное в несколько неавторском, новом для В. Маяковского аспекте. Тема Тамары дается в еще более «нелепом» виде, а традиция воспевания Терека вообще отменяется. Поскольку стихотворение написано в переходный период творчества поэта, оно несет на себе следы и старого, и нового периодов. От нового – высказывание «мы общей лирики лента», когда поэт декларирует свою близость Лермонтову, как в «Юбилейном» - близость Пушкину («После смерти нам стоять почти что рядом...»). И это не простое высказывание, оно имеет глубокий смысл.

Одновременно в стихотворении сильны футуристические «завихрения» старого периода. Они проявились во внимании к «нелепой выдумке», которая в интерпретации В. Маяковского становится еще более нелепой.

Еще более резко поэт порывает с традицией восхваления Терека. Он не мог не поддаться чарам могучей реки: «Овладевает мною гипноз, воды и пены играющие». Но одновременно буйство Терека, которое в русской и грузинской литературах связывалось с борьбой против тирании и угнетения, Маяковский уподобляет пьяному Есенину, шумящему в участке, любителю диспутов Луначарскому... Так поэт «снижает» тему Терека, «снижает» и иронично характеризует уважаемых деятелей: «От этого Терека в поэтах истерика. Я Терек не видел. Большая потеряйка»

К этому времени в творчестве В. Маяковского начался новый этап. Дело не только в том, что «его душа больше не укутана в желтую кофту», но и в том, что свою поэтическую деятельность он рассматривал как продолжение единой линии развития русской литературы, писал о близости с творчеством великих поэтов А. Пушкина и М. Лермонтова. И это не только слова. Новая позиция поэта особенно ярко проявилась в стихотворении «тифлисского цикла» - «Владикавказ – Тифлис». И хотя грузинские коллеги указали поэту на отдельные фактические недочеты произведения («История – вран даровитый, бубнит лишь, что были царьки да князьки...»), пренебрежительное отношение к деятелям прошлого, «непролетарского происхождения», стихотворение во многом верно по тогдашним меркам толковало историю Грузии и было принято грузинской общественностью. В произведении интересны не только прямые высказывания поэта, но еще больше – подразумеваемое им в понимании исторических и идеологических явлений. Конечно, за исключением темы Терека.

Среди множества художественных высказываний о Тереке – одно общее: все отмечают его вечное движение и непокорность. Можно считать, что в Тереке деятели литературы увидели символ обновления, перемен, постоянной устремленности человека вперед. Но результаты перемен и череды исторических событий предсказать не мог и не может никто. История Грузии знала времена не только Давида Строителя и царицы Тамары, но и шаха Абасса, и других завоевателей. История убеждает, что к каждой политической системе следует относиться как к явлению преходящему.

Интересно, что сказали бы Илья, Акакий, Важа о событиях сегодняшних?

Дмитрий ТУХАРЕЛИ

ОБ ОДНОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЭПИГРАФЕ

В «Евгении Онегине» встречается немало упоминаний о зарубежных авторах и их произведениях. Некоторые из названных авторов являются классиками европейской литературы, другие, в то время модные писатели, теперь совсем забыты. Так, эпиграфом к третьей главе пушкинского романа взята строка из сочинений Мальфилатра, имя которого ничего не говорит современному читателю.

Жан Шарль Луи де Мальфилатр (1733-1767), французский поэт, при жизни был почти неизвестен и, как указывается в Энциклопедическом словаре Ларусса, умер в нищете. В 1768 году Де Савинь и Колле де Мессин опубликовали его единственное законченное крупное произведение «Нарцисс», которое было переиздано в 1769, 1790 и 1795 годах.

Творческое наследие Мальфилатра не велико. Кроме этой поэмы у него есть стихи и переводы из античных авторов. Именно из поэмы Мальфилатра взят эпиграф к третьей главе «Евгения Онегина»: *Elle etait fille, elle etait amoureuse*. (Она была девушка, она была влюблена).

По характеру своего творчества Мальфилатр отнюдь не новатор и далек от судьбоносных проблем, поставленных эпохой Просвещения; он продолжает предшествующие традиции, проявляя свое дарование в изящной отделеке выведенных образов, в красочных описаниях и гармоничности стихотворной формы. Заимствовав сюжет из «Метаморфоз» Овидия Назона, Мальфилатр дополнил его новыми эпизодами и превратил в поэму из четырех частей под названием «Нарцисс на острове Венеры». Действие разворачивается на острове, где живут чистые сердцем юноши и девушки. Их воспитатель — слепой старец Тирезий, который обладает даром предвидения. В противоположность корыстолюбию земной жизни, где царит брак по расчету, обитатели острова почитают богиню Венеру и в любви следуют искренним велениям сердца. По сравнению с источником, во французской поэме образ главного героя сильно изменен. У Овидия Нарцисс по природе холоден и не отвечает на любовь прекрасной нимфы Эхо. В поэме Мальфилатра Нарцисс и Эхо влюблены, они стремятся друг к другу, но становятся жертвой гнева богини Юноны. Нарцисс попадает к водоему, окутанному чарами Юноны, он забывает Эхо, влюбляется в собственное изображение в воде и погибает, превратившись в цветок.

Эпиграф к третьей главе «Евгения Онегина» взят из второй песни поэмы Мальфилатра. По просьбе богини Венеры слепой Тирезий рассказывает о своей жизни и раскрывает тайну, связанную с Нарциссом. Но нимфа Эхо, влюбленная в прекрасного юношу, прячется в кустах и подслушивает. Чтобы объяснить поведение героини в поэме помещена строка, использованная Пушкиным: «Она была девушка, она была влюблена». Автор старается в какой-то мере оправдать свою героиню за ее любопытство: эту ошибку она совершила под влиянием Амура, стремясь спасти возлюбленного, поэтому ее можно простить.

Поэма Мальфилатра не сразу привлекла внимание Пушкина. Как указано в академическом издании романа, в рукописи третьей главы имеется другой эпиграф (на итальянском языке), взятый из «Божественной комедии» Данте. Эти строки относятся к эпизоду встречи с Франческой и Паоло в пятой песне «Ада» и в переводе М. Лозинского звучат следующим образом: «Но расскажи: меж вздохов нежных дней./ Что было вам любовною наукой,/ Раскрывшей слуху тайный зов страстей?»

Эпиграф из Мальфилатра появился уже в опубликованном тексте романа. Несомненно, он гораздо больше подходит к содержанию этой главы произведения: героиня Мальфилатра, так же как героиня Пушкина, влюблена: следствием этого явились как недозволенный поступок нимфы Эхо, так и ошибка Татьяны, которая нарушая принятые правила поведения, написала письмо Онегину. Пушкин старается оправдать свою героиню и обычному женскому притворству противопоставляет ее прямоту и искренность (строфы XXIII-XXIV).

В «Комментарии к Евгению Онегину» Н.Л. Бродский касается эпиграфа к третьей главе и, ссылаясь на Б.Томашевского, пишет, что он «вероятно был заимствован Пушкиным из хорошо известного ему французского «Лицея» Лагарпа». Указанная здесь статья Томашевского, опубликованная в «Пушкинском сборнике» 1923 года, касается французских поэтов, которых читал Пушкин. В отношении Мальфилатра в ней сказано: «едва ли Пушкин не цитирует его по Лагарпу и дальше эпиграфа знакомство с поэтом не идет».

Книга, названная Томашевским, написана французским писателем и критиком Жан-Франсуа Лагарпом и носит название «Лицей, или курс древней и современной литературы». Среди поэтов XVIII века, в ней идет речь и о Мальфилатре. Автор с одобрением пишет об его поэтическом даровании, сравнивает манеру его письма с Лафонтеном и Ариосто и, как пример изящного стиля, приводит отрывок из его поэмы. Он начинается как раз со строчки, поставленной перед третьей главой. Это заставляет думать, что Пушкин действительно имел в руках это сочинение.

Но что натолкнуло Пушкина на поэму Мальфилатра, связано ли это только с книгой Лагарпа?

Курс литературы Лагарпа, изданный в 1799 году, был хорошо известным сочинением. Однако Пушкин, работавший над третьей главой романа в 1824 году, первоначально выбрал для нее эпиграф из Данте. Со строкой из Мальфилатра текст был издан в 1827 году, т.е. именно в этот промежуток времени Пушкин ознакомился с поэмой французского автора. Следует отметить, что тогда Мальфилатр был весьма популярен во Франции. Его творческая судьба сложилась своеобразно: малоизвестный в XVIII веке, он привлек к себе внимание после революции, когда читатели, уставшие от сложных проблем и революционных потрясений, обратились к образцам прошлой литературы, в которых видели залог спокойствия и традиции. Характерным примером такой литературы была поэма Мальфилатра.

Наталья ОРЛОВСКАЯ



БРАВО, МАЭСТРО ПЕВЗНЕР!

В период, когда грузинский эстрадный оркестр «Рэро» был в зените славы, его обаятельный конференсье Гия Чиракадзе в один прекрасный день не пришел на репетицию. Не пришел он и на другой день, и на третий. А через несколько дней все-таки появился со следами бурно проведенного времени на еще молодом тогда лице. Художественный руководитель оркестра, популярнейший композитор Константин Певзнер был в ярости. Над конференсье нависла угроза увольнения. Но Гия Чиракадзе сдавался непросто. Он тут же рассказал историю о том, как героически, рискуя жизнью и здоровьем, спас от надругания молодую красавицу, привел за руку к ее родителям и так растрогал строгого отца, что тот накрыл прекрасный стол и несколько дней не отпустил своего благодарного гостя. Узнав, где работает Гия, отец переспросил, разумеется, не тот ли это оркестр, которым руководит сам Константин Певзнер, и убедившись, что тот самый, почти все оставшееся время только о том и говорил, какой талантливый, хороший, добрый и понимающий начальник у его нового молодого друга. «Нет, правда, - добавил, обращаясь к художественному руководителю. – Когда я уже уходил, этот человек просил меня передать вам, что для него в истории существуют только три личности. Это – Наполеон Бонапарт, Борис Пайчадзе и Константин Певзнер». «Ну что мне с ним делать?», - повернулся будто бы

Константин Григорьевич к оказавшемуся рядом другу, известному писателю Аркадию Арканову. Но жестких решений принимать не стал и на работе конференсье оставил, дав ему, правда, испытательный срок.

Эту историю пересказал сам Аркадий Арканов в книге воспоминаний о Константине Певзнере. А напомнила о ней наша замечательная певица Ирма Сохадзе, выступившая в качестве одной из ведущих вечера, посвященного 85-летию со дня рождения маэстро. Другим ведущим, кстати, был сам Гия Чиракадзе, который засвидетельствовал, что подобный случай действительно имел место. Более того, он признался, что не отличался особой дисциплинированностью, и это была далеко не единственная его стычка с художественным руководителем, который, тем не менее, относился к нему по-отчески тепло.

Вечер, организованный в театре имени Руставели Международным культурно-просветительским Союзом «Русский клуб» при поддержке благотворительного фонда «Карту», не был похож на протокольные юбилейные мероприятия. На сцене удалось воссоздать уютный уголок городского сквера, где люди, которым посчастливилось знать Константина Григорьевича, рассказывали о нем, вспоминали его мелодии, пели его песни. Не знаю, как насчет Наполеона и Бориса Пайчадзе, но Константин Певзнер, которого в Тбилиси и сегодня продолжают ласково называть Котиком, действительно оказался главным человеком в жизни многих из тех, кого свела с ним судьба. Кто-то на вечере грустно сказал, что, может быть, если бы Певзнер был менее открытым для общения, менее любящим жизнь во всех ее проявлениях, менее общественным в самом лучшем смысле этого слова человеком, то мы сегодня имели бы больше написанных им талантливых произведений. Бог его знает, как бы оно сложилось. Прожитая жизнь, как история, сослагательного наклонения не терпит. Человек таков, какой он есть и живет так, как умеет. И творческое наследие Певзнера, если взглянуть на него непредвзято, оказывается совсем не таким уж небольшим. Это и с успехом ставившиеся в свое время оперетты «Важная персона», «Всегда с любимой», «Седьмое небо», сочинения для симфонического оркестра, пьесы для эстрадного оркестра, песни, которые и сегодня звучат актуально и современно. Это было блестяще продемонстрировано на вечере, когда Ирма Сохадзе, маленькой девочкой спевшая одну из самых известных в 60-е годы «Оранжевую песенку» на стихи Аркадия Арканова и Григория Горина, пригласила на сцену ансамбль «Бзикеби», одержавший убедительную победу на детском Евровидении-2008. Юные музыканты, вступившие на творческий путь в XXI веке, представили свою версию этой замечательной песни, прозвучавшей так, будто она написана специально для них. К слову, Ирма Сохадзе сообщила, что приглашена в Москву на запись диска «Шлягеры XX века», в который включена и «Оранжевая песенка».

Константин Певзнер – автор музыки к нескольким кинофильмам, среди которых «Игра без ничьей», «Смерть филателиста», «Ребята с Сиреновой улицы». А президент Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб» Николай Свентицкий напомнил, что Певзнер писал музыку и для драматических спектаклей, в частности, для таких постановок Грибоедовского театра, как «Шестой этаж», «Эй, ты, здравствуй» и другие. Николай Свентицкий предстал в новом для многих качестве, очень искренне спев симпатичную «Песню шофера» из спектакля Грибоедовского театра «Тополек мой в красной косынке», который музыкально тоже был оформлен Певзнером. Он также показал собравшимся афишу этого спектакля, подписанную маэстро для не сравненной Натальи Бурмистровой.

Кроме того, Николай Николаевич сказал одну очень

важную, как представляется, вещь. Мы часто говорим, что Грузия, параллельно со сложно развивающимися политическими процессами, культурно, духовно отторгается от России, справедливо возлагая ответственность за это на тех, кто легкомысленно не видит в происходящем культурной угрозы, в первую очередь, для своей страны. Но у медали есть и другая сторона. По словам Николая Свентицкого, жизнь и творчество Константина Певзнера могут служить прекрасным примером того, как бережно и трепетно может относиться русскоговорящий человек к грузинской культуре. «Мы все должны учиться у Константина Певзнера любви к Грузии», - сказал президент «Русского клуба».

В самом деле, трудно поверить, что многие из его песен написаны не грузинским композитором, в строгом смысле этого слова, так явственно прослеживается в них особый мелодический лад, интонация, тонкое проникновение в содержание текстов на грузинском языке, которые ставят Певзнера в один ряд с лучшими композиторами-песенниками грузинской эстрады всех времен. Может быть, это отчасти и послужило для Ги Чиракадзе поводом утверждать, что, «хотя во всех документах и сказано, что Певзнер родился в Баку, но на самом деле Котик родился в Тбилиси, а в Баку они уже потом переехали». В то же время, будучи мастером очень широкого творческого диапазона, маэстро написал замечательные песни на тексты русских поэтов. Среди них собравшиеся особенно отмечали проникновенные романсы, созданные на стихи Саши Черного.

На юбилейном вечере произведения Константина Певзнера прозвучали в исполнении звезд грузинской эстрады и молодых артистов, включающих их сегодня в свой репертуар.

Участники юбилейного вечера, разумеется, не могли не отметить организаторские способности композитора. Именно под его руководством слава эстрадного оркестра «Рэро» перешагнула границы не только Грузии, но и Советского Союза. В этом коллективе в разные годы выступали артисты, составившие впоследствии славу грузинской эстрады. И многие из них потом признавались, что в их творческом становлении Константин Певзнер сыграл очень важную роль. И именно его в середине 70-х пригласили в качестве музыкального руководителя Государственного эстрадного оркестра РСФСР, созданного Леонидом Утесовым.

На вечере рассказали эпизод о том, как Константину Певзнеру однажды пришлось утешать Утесова в связи с тем, что его наградили на 80-летие не званием Героя Социалистического Труда, как он ожидал, а гораздо менее престижным орденом Октябрьской революции. Константин Григорьевич все пытался убедить старшего товарища, что и этот орден – очень достойная награда. Таких, мол, орденов в стране всего двое удостоены. «А первый кто?», - заинтересовался Утесов. «Крейсер «Аврора», - ответил находчивый Певзнер.

Подобных историй на юбилейном вечере вспоминали множество, высвечивая еще одну грань этой удивительной личности, которой не чуждо было ничто человеческое. Все, кому довелось общаться с ним, запомнили Константина Певзнера истинным жизнелюбом, широким

человеком, прекрасным товарищем, острословом. Талантом человеческого общения он был наделен ничуть не в меньшей степени, чем музыкальными способностями. Представители московской артистической богемы старшего поколения вспоминают номер 501 в гостинице «Пекин», где обычно останавливался Певзнер, навещаясь в советскую столицу. Находилась гостиница на площади Маяковского, в самом центре огромного города, напротив театров сатиры и Моссовета, Концертного зала имени Чайковского, непосредственно по сосед-



На юбилейном концерте К.Певзнера

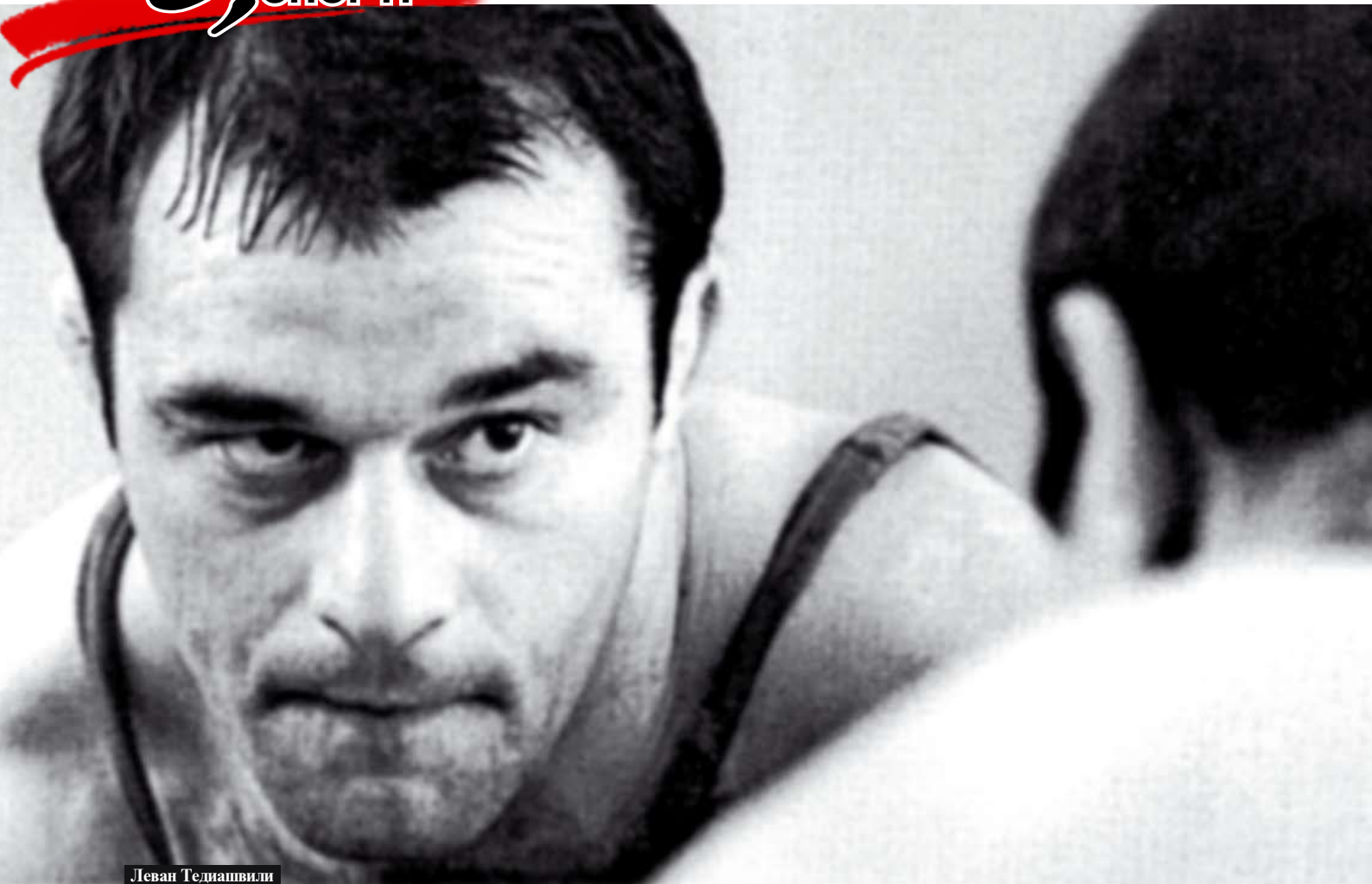


тву с домом, где тогда располагался театр «Современник». «На огонек к Котику» его многочисленные друзья – музыканты, режиссеры, артисты - приходили часто после спектаклей и концертов и до рас-

света оставались за дружеским застольем. Об остроумных дружеских розыгрышах Певзнера ходили легенды и в Тбилиси.

В заключение же участники юбилейного концерта вместе спели песню Константина Певзнера «О, Рэро, Рэро», которая была символом замечательного оркестра и навсегда останется визитной карточкой грузинской эстрады.

Дэви БЕРДЗЕНИШВИЛИ



Леван Тедиашвили

БЕСКОНЕЧНОСТЬ ТАЛАНТА

В то погожее майское утро на площади перед Тбилиским Дворцом спорта происходили удивительные события. Возле новенького «Икаруса» толпились знаменитые борцы. Прохожие, как ни спешили, останавливались и интересовались причиной богатырского сбора. Эти крепкие мужчины ехали к памятнику Арсена Мекокишвили, зажечь свечи в память товарищей, которых уже не было с ними, – традиция, начало которой положено великим Гиви Картозия.

Потом была крутая дорога вверх, к сельскому кладбищу, к памятнику великану, мудрому и добродушному, кто в сорок лет вышел на олимпийский ковер Хельсинки и сошел с него победителем.

Их узнавали в селе. Старики обнажали головы и кланялись, женщины плакали. Какой-то дед говорил правду: «Они к Арсену идут. Борцы...»

На первой остановке в пути первыми вышли два спортивных начальника – председатель Тбилисского спорткомитета Леван Тедиашвили и заместитель председателя республиканского совета «Трудовых резервов» Вахтанг Балавадзе, и, словно доказывая, что попали в эту компанию по праву, а не как высокое начальство, сошлись в поединке по правилам грузинской борьбы чидаоба, давшей путевку в большой спорт не

одному десятку чемпионов.

Леван из этих мест, из соседнего села Гегмоубани. А начиналось все в 1965 году на празднике борьбы в Какабети, где 17-летний Леван поборол всех соперников. Предложили ему помериться силой с тяжеловесом, который на тридцать килограммов был тяжелее, он и тут через полторы минуты втер соперника лопатками в опилки. Мог ли остаться незамеченным самородок, который окончил ту же сельскую школу, что и легендарный Арсен Мекокишвили, и первым учителем его в спорте был Вано Мекокишвили из прославленного рода прирожденных виноградарей и богатырей. Нет, конечно. Цепким взглядом высмотрел его среди сельских парней Вахтанг Балавадзе, двукратный чемпион мира по вольной борьбе. Увез в Тбилиси – учиться на чемпиона.

«Профессор борьбы» вспоминал: «Через несколько лет Леван сказал мне, что перестанет уважать себя, если через год не выиграет чемпионат мира. Пришлись мне по душе его слова: себя узнал в этих словах, сам в чемпионы рвался. Все получалось правильно: если борешься – побеждай!»

Первые победы давались непросто. Много соперников, молодых и сильных, стояли перед Леваном на пути к вожделенной награде на всесоюзном ковре, и самый опасный из них махачкалинец Юрий Шахмурадов. Раз за разом встречались они, а победа ускользала от Левана. Друзья отговаривали: «Чудак! Ну куда ты лезешь напролом. С Шахом открытая борьба ни у кого не получается». Он добился-таки своего – на чемпионате страны-71 победил Шахмурадова, а победивший Шахмурадова обычно становился чемпионом мира. И

Тедиашвили стал в 23 года.

Первая поездка домой, к своим старикам, порадовать золотой медалью. А потом в Гиоргицминда, к Арсену. Обрадовался седоголовый палаван: «Молодец, сынок. На одного чемпиона мира стало больше в Сагареджо».

Пока 1971 год. Через год – Олимпиада в Мюнхене. Левана взяли в команду после долгих споров на тренерском совете. Отвоевал олимпийскую путевку в категории 82 кг у махачкалинца Юрия Шахмурадова и минчанина Виктора Новожилова.

Балавадзе вспоминал еще один секрет успехов Тедиашвили – хладнокровие!

«На Олимпиаде в Мюнхене спросил меня, сколько времени остается до поединка с американцем Джоном Петерсоном. Я посмотрел на часы – примерно час. – «Ну тогда я посплю немного». И тотчас заснул. Ребята волнуется, суетятся вокруг, а он спокойно спит. Разбудил я его за пятнадцать минут до начала схватки. «Во сне жирафа видел. Что бы это значило?» Размялся и говорит: «Я сейчас сильно выиграю». И выиграл финальную схватку. С огромной разницей в очках – 14:2».

Последний день олимпийского турнира борцов вольного стиля. Идут к спортивной арене дагестанец Загалав Абдулбеков и минчанин Алексей Медведь, а навстречу им Леван – не человек, а само солнце, вспоминали потом.

О своих победах рассказывает с иронией, не хватая их весомостью, но есть среди них две из разряда вечных.

То, что произошло на раскаленном под солнцем, как сковорода, тегеранском стадионе «Фарах», на чемпионате мира-73, навсегда вошло в историю.

Тедиашвили покорила иранцев. Они передавали ему своих детей, помня народную примету – если мальчишку поцелует сильный человек, мальчишка вырастет пехлеваном. А какому отцу не хотелось, чтобы его сын походил на палавана из Грузии.

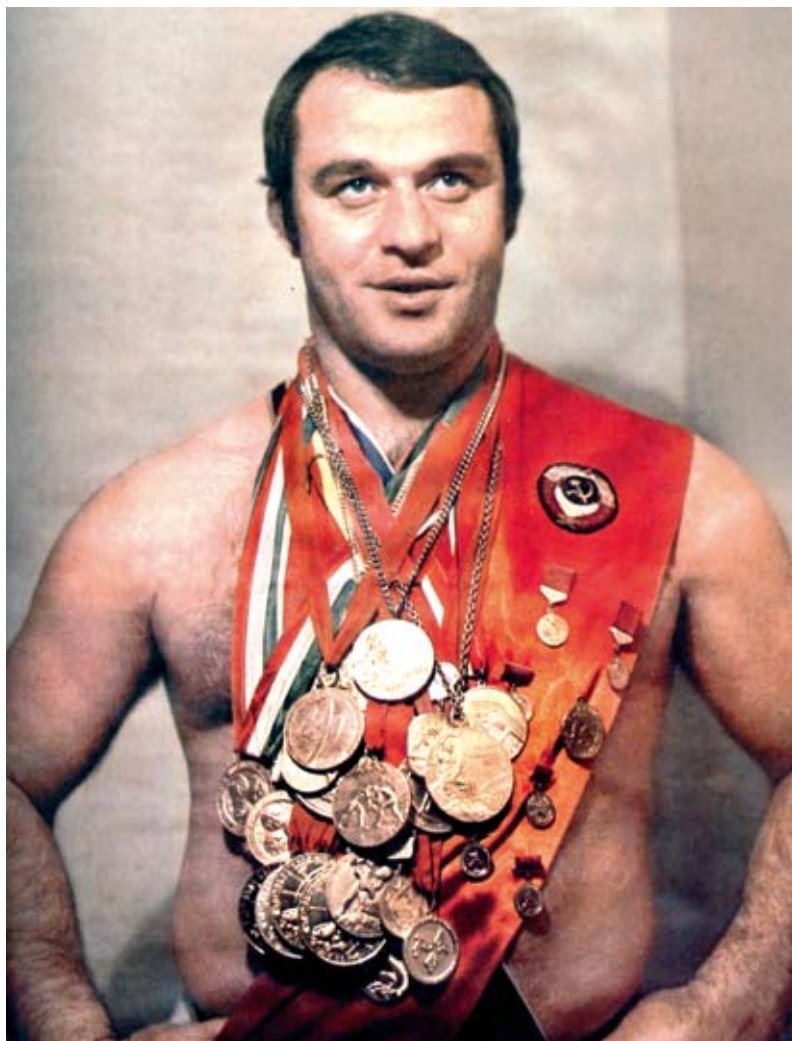
Чемпион мира стоял на пьедестале чести во время награждения, держа на руках Нину – младшую дочь Анзора и Надежды Двалишвили. Они работали в Иране в числе советских специалистов и каждый раз переживали, когда их именитый земляк выходил на ковер.

Вы думаете, на этом все кончилось? Как бы не так. Леван вспоминал: «Стал я чемпионом. Думал, отдохну. Город посмотрю, с женой шаха познакомлюсь – красивая женщина! И вдруг беда. В нашей команде самбистов заболел борец второго среднего веса. И тогда Вахтанг Балавадзе, мой тренер, говорит руководителю делегации Аркадию Ленцу: «Леван несколько лет занимался самбо, был даже призером первенства страны среди юношей. Поставьте его в команду – не подведет. Медаль у нас будет. Это я обещаю твердо».

Только сказал, смотрит – идет Леван в окружении друзей, рассказывает анекдот про кахетинца, хохочет громче всех.

Легко сказать, после изнурительного турнира борцов-вольников снова идти в бой. Но послушаем его самого: «Я же мушкетер по натуре, а мушкетеры не сдаются! Согласился... А уснуть не могу, думаю: уже сто лет самбо не занимался, забыл, как от болевых приемов защищаться, попадусь – руку сломают! Что делать: взял часы – три ночи... Пошел к Гене Георгадзе, он «мухач», уже успел стать чемпионом. Говорю: «Гена, покажи, как от болевых защищаться». Спрашивает: «А который час?» Говорю: «Только два. Детское время!» Пошли мы в зал. До пяти утра я его мучил... Немножко поспали, и стал я чемпионом...»

Вот как играючи в течение шести дней Леван стал дважды чемпионом мира. А какой ценой досталась победа, знали он сам, истерший подушечки на пальцах



о жесткие, как наждак, куртки самбистов, и друзья по команде, отчаянно болевшие за него, и первый среди них Гена, который после этой фантастической Левановой победы требовал: «Ты напиши, что по самбо твой тренер Георгадзе... Ночной тренер!..»

Каскад побед обрушил Леван на головы земляков, а кому-то это показалось мало. Рассказывает об этом с обычным юмором: «Когда я в 1973 году вернулся из Тегерана с золотыми медалями двух чемпионатов мира, первым делом поспешил из аэропорта в Кахетию. Так поклялся себе: вначале обрадую мать. Как въехал в Сагареджо, дорогу моей машине преградила группа ребят. Я открыл дверцу, и в этот момент направляется ко мне один парень и говорит: «Не стыдно тебе, почему и в классической борьбе не выступил – не привез в Сагареджо и третью золотую медаль!» Такое ненасытное сердце болельщика!»

И еще рекорд из области фантастики. Через год на чемпионате мира в Стамбуле за три секунды положил на лопатки швейцарца Мартинети, сильного и опытного атлета. А думал – придется повозиться с ним все 9 минут.

Не было равных Тедиашвили на Монреальской олимпиаде-76: из семи схваток пять выиграл на туше, две – по очкам. Решающий поединок с олимпийским чемпионом Мюнхена Беном Петерсоном. Очень хотел американец рассчитаться за проигрыш брата в Мюнхене. В начале второго периода он ведет – 4:2. Но Леван выдерживает натиск и сам удачно контратакует. Гонг останавливает финальный поединок при счете 11:5 в его пользу!

В чем секрет громких успехов чемпиона? В посто-



Чемпионы мира В.Юмин, А.Алиев, Л.Тедиашвили, З.Абдулбеков

янной заряженности на победу и, конечно, в огромном таланте, помноженном на огромное же трудолюбие. И старания его не остались неоцененными. Левана знают и почитают во всем мире. Он – почетный гражданин Токио и Махачкалы, Красноярска и штата Огайо, почетный шериф штата Калифорния. И чего только нет в этой коллекции званий и титулов, которых бы хватило на вагон с тележкой. Конечно, вы правы. Вот и я несколько лет назад подумал, что всех их он охотно отдал бы за диплом почетного гражданина города Тбилиси. Скоро коллекция Левана стала полной – заметили его и отцы города, оценили, а то не зря говорят о пророке в своем отечестве. До этого больше жаловали вниманием творческую интеллигенцию и партийных работников. Конечно, и они не сидели сложа руки, пахали, кто во что горазд, и все же...

Путеводной звездой для него была честная и мужественная жизнь родителей, волнующая повесть о долге и любви. Александру Михайловну в Сагареджо называли тетей Шурой. Эта русская женщина родом из Вологодской области, учительница, вышла замуж, жила в Ярославле, растила двух сыновей. Но война прервала спокойствие и счастье в доме. Погиб на фронте муж, от недоедания и болезни умер ребенок. Второго – Германа – мать брала с собой в госпиталь, где работала санитаркой. Мальчик подружился с Китесом Егоровичем, солдатом из Кахетии, который получил тяжелые ранения руки и ноги в боях под Севастополем, переживал, когда разлучили его со старшим другом. Потом пришло письмо – Китес Егорович приглашал в Грузию Александру с сыном. Она подумала: погощу месяц-другой, отогрею, подкормлю ребенка, а осталась на всю жизнь. В 1948 году в новой семье родился второй сын – Леван. Как два крепких дубка росли братья – Герман Ерикалов и Леван Тедиашвили (Китес Егорович не мог лишиться старшего фамилии погибшего отца).

Герман первый приобщил Левана к занятиям вольной борьбой. Сам стал мастером спорта и тренером, готовил своего знаменитого брата к решающим контрольным встречам сборной в Конче-Заспе под Киевом перед Московской олимпиадой, был первым советчиком и спарринг-партнером.

Сын рабочего лесоводческого совхоза и потомственного виноградаря, Леван рано познал физический труд. И отвечая мне на вопрос, где следует искать и как растить молодую смену, сказал: «Не секрет, что сельская

молодежь превосходит городскую в физическом плане. Силу не приобретешь одними занятиями в тренажерных залах. Видимо, на сельских борцовских аренах следует черпать резервы, искать будущих чемпионов».

Январь 1980 года. Тбилисский международный турнир по вольной борьбе на приз Вахтанга Балавадзе. Леван – пятикратный победитель традиционного турнира. На этот раз ставка – олимпийская путевка. Среди соперников могучие чемпионы Ярыгин, Бисултанов, Магомедов, Мате.

Судьба первого места решалась в поединке Тедиашвили–Мате. С преимуществом в одно очко победил молодой борец из Донецка.

Последний контрольный предолимпийский турнир, последняя попытка. И снова чаша весов качается в поединке богатырей, каждый из которых достоин победы. Истекают последние секунды, а счет равный – 4:4. Илья успевает провести прием и взять у Левана решающее очко. Скоро он стал чемпионом Московской олимпиады.

1 февраля 1981 года. Последний выход Тедиашвили на арену Тбилисского Дворца спорта, во время традиционного международного турнира. В окружении самых сильных и самых уважаемых соперников. Юрий Шахмурадов, Иван Ярыгин, Сослан Андиев, Илья Мате приехали чествовать своего Теда, который 13 лет входил в состав сборной СССР, оставаясь ее бессменным капитаном восемь лет! Будучи душой и совестью большого коллектива, собравшего народные самородки со всей необъятной страны.

Он стоял среди друзей, слушая рукоплескавший ему зал, и думал, что не исполнилась его мечта – порадовать Грузию третьей медалью олимпийского чемпиона. Здесь же были сыновья Левана – Вахтанг и Бесарион. Два очаровательных малыша провели короткую схватку, в которой не было победителя. Отец в знак победы поднял руки обоих. Он стоял на арене и думал, какими вырастут его сыновья.

Через 12 лет отец с Вахтангом будет в числе защитников Сухуми. 23 сентября, во время бомбежки аэропорта, погиб один человек – 19-летний Вахтанг Тедиашвили, награжденный орденом Вахтанга Горгасала 3-й степени посмертно. Об этой трагедии писал в редакцию «Московского комсомольца» Дмитрий Холодов, которого также не пощадила вражеская пуля.

Уйдя из спорта, в первые четыре года Леван поменял

немало мест, долго не находя в послеспортивной жизни дело по душе, руководствуясь завещанным отцом правилом – жить по совести (Помнил: «Умей разделить орех на девять братьев, потому что богат тот, кто умеет отдавать»). Работал следователем, на комсомольской и партийной работе, председателем колхоза в селе Какабети, губернатором в регионе Кахети, в Парламенте Грузии, всегда был среди людей и для людей. В этом секрет популярности прирожденного вожака. Двукратный чемпион мира и вице-чемпион Олимпийских игр в Токио Гурам Сагарадзе, приложивший руку к становлению Левана-борца, как-то сказал: «Такие люди нужны, как воздух».

Когда кинорежиссер Георгий Шенгелая начал пробы актеров для фильма «Хареба и Гогия», он убедился, что просто обязан отыскать народных богатырей, схожих и фактурой и характером с главными героями. Перепробовав все варианты, он предложил спортсменам сниматься в кино. И получил твердый отказ. Леван Тедиашвили отвечал, что, уйдя из спорта, еще недостаточно вжился в образ председателя колхоза. Омар Пхакадзе, первый советский чемпион мира в велосипедном спринте, не желая обидеть знаменитого режиссера, объяснил, что работает тренером и не хочет позориться перед учениками. Георгий Шенгелая, огорченный отказом, идет в ЦК партии за советом. Фильм стоял в ряду картин, посвященных кинематографистами 70-летию Октябрьской революции, и нельзя было председателю колхоза «Красный Октябрь» оставаться в стороне. И Леван, как и его друзья, согласился, но одно условие все же оговорил. Съёмки по времени совпадали с уборкой урожая, и режиссер перенес их поближе к колхозу, Гомборскую дорогу – к селу Какабети, а реку Алазани заменила в фильме Иори.

Леван Тедиашвили, вначале проявивший такую непреклонность, за новое для себя дело взялся не шутя. И свидетельство налицо – приз «Золотая арча» за лучшую мужскую роль на X международном кинофестивале стран Азии, Африки и Латинской Америки (Ташкент, 1988 г.). И на этот раз остался верен себе, пригрозив, что будет получать первые призы на всех последующих международных кинофестивалях.

Леван Тедиашвили рассказывал с привычным мягким юмором: «Моя биография изобилует курьезами. Прежде председательствовал в колхозе в Какабети. Приму решение, и если оно не по душе кому-то, обязательно скажут, уж не путает ли он колхоз со спортом. Потом я председатель в Тбилисском городском спортивном комитете и если находится недовольный – слышу – не путает ли он спорт с колхозом. Не знаю, что я думаю, но дали мне сыграть роль в кино и приз вручили. Киноактерам говорю: если вы такие крепкие – попробуйте выступить в международном борцовском турнире. Кто из вас победит?»

Желающих принять вызов чемпиона не нашлось.

Зная его отношение к восточным единоборствам (в 1973 году он заменил заболевшего олимпийского чемпиона Шота Чочишвили во время турне советской сборной в Японии и броском через спину добился чистой победы), я спросил, какого он мнения о каратэ.

«Самого положительного. Мы, борцы вольного стиля, можем немало научиться у каратэ. В частности, умению вести борьбу на высоком накале, атаковать, «взрываться». Ведь на таких «взрывах» держится этот вид борьбы. Кроме того, я думаю, каратэ научит иных забияк, любителей уличных драк, более уважительно относиться к другим. Не ровен час, он может получить отпор от физически менее сильного на вид. Так что порядок будет больше. Это я, как юрист, говорю».

Вспомнилась мне и другая встреча, в начале 2000-х. Леван Тедиашвили дома я не застал. Член Парламен-

та Грузии был в командировке. Встретили меня в семье сын Бесарион, в свои 23 года успевший закончить Колумбийский университет по специальности экономиста и работающий на ответственной государственной службе, и супруга Левана – Нана Мchedlishvili. Это в Нану, круглую отличницу, он влюбился в школе, ей первой признался, что станет чемпионом, когда вырастит. И для нее тогда все было ясно: она, как и ее родители, будет врачом. Ко времени моего прихода Нана, кандидат медицинских наук, заведовала хирургическим отделением в Республиканском офтальмологическом центре.

Быстро смеркалось. Хозяйка зажгла свечу, посетовала на лимит электроснабжения, на то, что не может показать все дипломы, кубки и медали чемпиона, кавалера орденов Ленина, «Знак Почета», Вахтанга Горгасала 2-й степени, Чести. На знакомство с ними требуется уйма времени. Две победы на Олимпийских играх, пять – на чемпионатах мира, две – на Кубках мира, три – на



Так уходил чемпион. И.Мате, Л.Тедиашвили, И.Ярыгин. 1981

чемпионатах Европы, четыре – Советского Союза, две – Грузии, на международных турнирах...

Я определенно не успевал проследить события. Напоследок попросил фотографию Левана для редакции.

«Какую именно?» – спросила Нана. «Такую, на которой он сильный и красивый». Просьба моя не особенно озадачила хозяйку – она вернулась очень скоро, и даже при свете свечи было видно: фотография – что надо.

Арсен ЕРЕМЯН

АХМАТОВОЙ «ВОЗДУШНАЯ ГРОМАДА»

Как часто у неравнодушного читателя возникает сильнейшее желание прорвать завесу времени, попасть в прошлое, уберечь и утешить, долюбить, предупредить об опасности любимого поэта и спасти ему жизнь! Привезти Соболевского из Европы в Петербург, к Пушкину, вовремя – он бы расстроил дуэль, как это уже делал, или сделать так, чтобы близорукая Натали разглядела бы ехавшего на дуэль мужа, когда их кареты встретились... Умолить Веронику Полонскую не спешить на репетицию, вернуться, остаться с Маяковским... Предупредить Мандельштама о том, что «Мы живем, под собою не чуя страны» нельзя читать тем семи, которым он его прочтет, кто-то из них – не друг, как бы он им ни доверял, а уж ехать с докладом об акмеизме в Воронеж нельзя ни в коем случае! Кинуться к Цветаевой – не только в август 41-го, в Елабугу - и чтобы на работу приняли, и чтобы хозяйка пораньше домой вернулась, но во всю ее жизнь – чтоб жилось ей долго...

В трагической и гармоничной жизни Анны Ахматовой, как в совершенном произведении искусства, изменить ничего невозможно, как невозможно перестроить Вселенную, переставить местами эпохи. Ее судьба красива до боли и безупречна, как ее поэзия. Она, как прекрасное стихотворение, - «архитектурно обоснованное восхождение, соответственно ярусам готического собора», говоря словами Мандельштама.

Она пришла в поэзию из Одессы, где родилась, Царского Села, где жила девочкой-девушкой, и с берега моря, где проводила летние месяцы. «Мои первые воспоминания – царкосельские, - писала Ахматова, - зеленое, сырое великолепие парков, выгон, куда меня водила няня, ипподром, где скакали маленькие пестрые лошадки, старый вокзал... Каждое лето я проводила под Севастополем, на берегу Стрелецкой бухты, и там подружилась с морем...» Эти два источника, два начала – Царское Село, где бродит тень «отрока смуглого» и море, вечное море, все это «золото на голубом» - определили ее вкусы в жизни, вкус к жизни и полностью

воплотились в ее поэтическом слове.

Она любила волну и была с ней на равных («Плавает, как рыба», - любовался Гумилев, плаванье было ее наслаждением), она любила любить и была с любовью на равных, и, кажется, иногда была больше, чем сама любовь... Жертвенное и ревностное отношение к тому, что любимо, сдержанность и достоинство как способ жить в этом мире, искренность и ирония как выражение своего отношения ко всему, обреченность на страдание и страдание от осознания своей обреченности – это Ахматова.



Это она, чьей реакцией на всеобщую униженность была царственность. Это она, которая, по точному замечанию Дм. Быкова, «научилась страдать так, чтобы счастливы завидовали, и это ее эстетический феномен».

Царское Село и Петербург определили ее приверженность и преданность классической форме и в слове, и в жесте. Но ее сдержанность – это тайная экзальтация моря, в глубине которого бушуют иные миры. Нервность, вспыльчивость и эмоциональность на грани истерики Цветаевой и Пастернака для нее были в некоторой степени дурным вкусом. Для нее, страстного стоика, жизненно важно устоять перед соблазном и важнее устоять, нежели поддаться. И кто знает, что завораживает больше – сорвавшаяся, вырвавшаяся пружина или пружина, туго сжатая? И ждешь, замерев, вот-вот сорвется, и знаешь, что сорвавшись, собьет с ног...

Ахматова – безукоризненно традиционна. И пафос ее – минимален и велик. Ее поэзия - это классический

минимализм, пушкинская скоропись и глубина немногих выразительных средств, которым она дала новое рождение и другую жизнь.

Навсегда вошли в историю слова Блока о том, что Ахматова всегда стоит перед мужчиной, а надо бы – перед Богом. Невозможно спорить с Блоком... Но кажется, что Ахматова, совершенно подвластная канонам русской речи, чувствовала, что слово «Господь» – все-таки мужского рода, и осознала это всем своим существом.

Ахматова изысканна, но не манерна. Она магнетична, но не кокетлива. Она одарена и, слава богу, щедра. Ей пришлось испытать немало опасностей и опасений, среди которых ложным оказался лишь один страх – Ахматова всю жизнь боялась, что «стихи кончатся» и она перестанет писать... А к рукописям относилась небрежно. Архив погибал несколько раз (по большей части – от рук самой хозяйки, ожидавшей ареста). Многие стихи 30-х годов пропали безвозвратно, некоторые сохранились благодаря памяти близких друзей – внимательных слушателей.

С берега моря она ступила на литературные подмостки – поэты выступали много, их хотели слушать. По воспоминаниям современников, «чтение Ахматовой было магией... Она стоит на эстраде, высокая, тонкая до хрупкости, легкая, почти воздушная... Она смотрит вдаль, поверх слушателей. К ней не подходит «красивая». Скорее уж «прекрасная», но совсем по-особенному, безнадежно и трагически прекрасная».

После первых книжек – «Вечер» и «Четки» – к ней пришла всероссийская слава. В 1917 году выходит сборник ее стихов «Белая стая», и Осип Мандельштам скажет: «Голос отречения крепнет все более и более в стихах Ахматовой, и в настоящее время ее поэзия близится к тому, чтобы стать одним из символов величия России».

«Конквистадор», охотник на африканских леопардов, «рыцарь музыки дальних странствий» Николай Гумилев и «своенравная русалка» Анна Ахматова – самая красивая пара в русской литературе. Такие разные, они совпали не только во взаимном притяжении, но в мировоззрении – трагическом и исполненном достоинства. (Кстати, детские годы Гумилева также прошли в Царском Селе, а директором гимназии в которой он учился, был Иннокентий Анненский, к творчеству которого восходит поэтическая родословная Ахматовой и чей «Кипарисовый ларец» она, по собственному признанию, «читала, забыв обо всем на свете»).

Он ухаживал за ней восемь лет, непрерывно делая ей предложения выйти за него замуж. Согласия чередовались с отказами, надежда с отчаянием... «Как же она меня мучила!» – вспоминал Гумилев, и написал: «Я женщиною был тогда измучен». И еще: «Из города Киева, Из логова змиева, Я взял не жену, а колдунью»...

Гумилев ввел Ахматову в мир литературного общения. Он первым напечатал ее стихи. В 1911 году при его активнейшем участии был создан «Цех поэтов» и заявлено о новом направлении в поэзии – акмеизме. Членами «Цеха» стали Осип Мандельштам, Владимир Нарбут, Сергей Городецкий и Анна Ахматова.

Гумилев любил Ахматову любой. Но были две причины, заставлявшие его мучаться. Ахматова не выносила недоговоренностей, и вечерами в их доме, как правило, звучали ее слова: «Николай, нам надо объясниться», которые были более грозными, чем сами объяснения. «Никогда, никогда не выясняйте отношений, – говорил он своей ученице Ирине Одоевцевой. – Выяснения отношений убивают отношения».

Вторая причина недовольства Гумилева была значительно серьезней. В своих стихах Ахматова бесстрашно писала «я». Гумилев считал это плохим тоном, не-

безосновательно предполагая, что легковверная часть читающей публики отождествит лирическую героиню с самим автором, приписав Ахматовой романы, страдания и муки. Так и случилось, хотя страдания были настоящими, а романы – сотворенными. «Ведь читатели все принимают за правду и создают биографию поэта по его стихам, – замечал Гумилев. – Верят стихам, а не фактам. Но я ничего не мог поделать с ее украинским упрямством... Мне было не очень-то весело гулять по Петербургу таким ветвисторогим оленем. Ну и что из того, что этого не существовало, когда вся Россия верит, что студент-католик повесился из-за несчастной любви к Ахматовой! Верит, и эту веру ничем не уничтожить. Легенда создана и переживет всех нас».

Об Ахматовой сотворили мифы, и мифы творила сама Ахматова. И это прекрасные мифы, и это тот особый случай, когда о поэте не хочется знать ничего сомнительного и дурного. К Ахматовой следует относиться так, как она сама относилась к своим друзьям: «Я хочу знать о своих друзьях ровно столько, сколько они сами хотят, чтобы я о них знала».

Гумилев не был верным мужем. Как впоследствии заметит Ахматова: «Николай Степанович всегда был холост. Я не представляю себе его женатым». В 1918 году они расстались. О разводе попросила Ахматова.

Тяжелое время началось с 1917 года – каждый человек почувствовал себя униженным и совершенно незащищенным. Но колесо ужасных событий раскрутилось в 1921-м. 3 августа по подозрению в участии в заговоре «Петроградской боевой организации Таганцева» Гумилев был арестован. В заговоре Гумилев не участвовал, это выяснилось. Его обвинили в недоносительстве. 24 августа вышло Постановление ЧК о состоявшемся расстреле 61 человека – участников заговора. Дата, место расстрела и погребения остались неизвестными. А 7 августа умирает Александр Блок, «трагический тенор эпохи», как навсегда определила его значение Ахматова.



Николай Гумилев и Анна Ахматова с сыном Львом. 1914

«Поэт умирает, потому что дышать ему больше нечем», – с трагической прозорливостью сказал Блок на пушкинском вечере незадолго до смерти. Наступили страшные советские времена – поэты задыхались, поэты кончали с собой, поэтов убивали... Поэты покидали страну, география литературы перестала совпадать с реальной географией.

И во многом благодаря тому, что Ахматова осталась на родине, в русской словесности не начался обратный

отсчет. А ее судьба пошла шаг в шаг с судьбой страны – аресты сына, Льва Гумилева, и тогдашнего спутника жизни искусствоведа Н. Пунина, тюремные очереди, лишение продовольственных карточек, невозможность работать на жизнь, реальный голод.... Для публикации, в надежде, что сына выпустят из «Крестов», Ахматова пишет строчки «Где Сталин, там свобода», а «в стол» - «Реквием», первое поэтическое произведение, посвященное жертвам репрессий, в основу которого лег ее скорбный личный опыт матери и жены «врагов народа»: Нет, и не под чуждым небосводом,/И не под защитой чуждых крыл,/Я была тогда с моим народом,/Там, где мой народ, к несчастью, был.

С середины 20-х годов Ахматову перестают публиковать – не печатают новых стихов и не перепечатывают старых. А после позорно знаменитого постановления ЦК о журналах «Звезда» и «Ленинград» 1946 года, в котором были заклеены «блудница» Ахматова и «подонок» Зощенко, исчезли последние надежды на нормальную работу в литературе и резко сузился круг общения - при виде Ахматовой (как и Зощенко), люди кидались в разные стороны, многие знакомые перебежали на другую сторону улицы, лишь бы не здороваться. З. Томашевская (дочь выдающегося литературоведа Б. Томашевского, который был дружен с Ахматовой с 1910 года) вспоминала: «Провожая Анну Андреевну. Выходим на лестницу – она старомодная, с широким пролетом. Видим на уровне второго или третьего этажа идет супружеская пара поэтов, живущих на нашем этаже – не стану называть их фамилий. Ахматова повышает голос – кто не знал этого единственного голоса? Спускаемся вниз, никого не встретив. Анна Андреевна

блюде устрицы во льду»... Ахматовой, ставшей классиком и мифом при жизни, все-таки достался второй тип славы, к которой у нее вообще было своеобразное отношение, как и к своим слушателям, читателям. С одной стороны, она всегда смотрела поверх голов и никогда не кланялась публике. «Я не умею кланяться. За что? За то, что слушали? Нет, кланяться совершенно не нужно». С другой, мнение читателей о ее произведениях и о ней самой имело для нее важное значение, и она всегда вспоминала слова Маяковского: «Говорите о моих стихах все, что угодно, только не говорите, что предпоследнее лучше последнего». Автор мифов о себе и раба этих мифов, она, тем не менее, всегда больше, чем они, ведь в стихах не отразилось многое из того, что было ей свойственно, что составляло ее жизнь, ее мир, заполняло ее душевное пространство – например, «ее историко-литературные интересы или ее остроумие, блестящее, иногда беспощадное. В быту Анна Андреевна не была похожа на своих героинь» (Лидия Гинзбург). Стихи, конечно, всегда больше автора, но и автор – это не только его стихи.

В тяжелые годы вынужденного молчания Ахматова обращается, возвращается к Пушкину. Вообще, Пушкин, Шекспир, Данте, Библия были постоянным фоном ее чтения. И та же Л. Гинзбург вспоминала, что у царкосельской по происхождению Ахматовой «было до странного личное отношение к Пушкину и к людям, которые его окружали...» А бывало и так: «Звонит Раневская: «Мне сегодня приснился Пушкин!» Ахматова в ответ: «Еду!» И мчится в гости к Раневской слушать сон про Пушкина».

Она умела блестяще раздумывать над текстом. Конечно, она выдающийся пушкинист, внесший неповторимый вклад в постижение Пушкина. Ее исследования восхищают не только глубиной и знанием предмета рассуждения, но необыкновенно самостоятельным и неожиданным подходом. А это и делает исследование выдающимся произведением пушкинистики в частности и литературоведения в целом.

Пушкин для Ахматовой - это колоссальная центропритягательная сила в русской словесности. «И было сердцу ничего не надо, Когда пила я этот жгучий зной. «Онегина» воздушная громада, Как облако, стояла надо мной», - безукоризненно определила она. Как это часто случается, слова одного великого о другом великом возвращаются к сказавшему. Ведь этими же словами хочется и можно сказать и о ней самой...

«Есть художники, отмеченные постоянными возрастными признаками», - замечал А. Вознесенский. Сколько же ей лет навсегда, Анне Ахматовой? О других можно сказать навскидку. «Мир огромив мощью голоса», идет «красивый, двадцатидвухлетний» Маяковский, но ему навеки 37. 37 - Пушкину, Байрону, Рембо. 26 – Лермонтову и Есенину. Манделштам – это тоже цифра 37, потому что 37-й год... Пастернак – это возраст Гамлета,

который невозможно с точностью определить даже по тексту Шекспира, а может быть - вечный подросток, «мне четырнадцать лет»... «Меньше полувека, сорок с лишним» - Высоцкому... А Ахматова и здесь не оставила ни одного ответа. «Приморская девчонка» - это она, «Анна всяя Руси», по определению Марины Цветаевой, - это тоже она. Величественная особа с фотографий 50-х годов и изысканная Грация на рисунке Модильяни – и это навсегда Ахматова. Ну что ж, королева ничему неподвластна, кроме Поэзии, она сама – власть, она сама – Поэзия...

Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ



Анна Ахматова и Борис Пастернак

громко произносит: «Они вошли в стену».

Сейчас уже опубликовано письмо министра госбезопасности Абакумова к Сталину. Документ называется «О необходимости арестовать поэтессу Ахматову. Просим Вашего разрешения». Это было летом 49-го. Сталин арест не разрешил...

По замечанию Ахматовой, существуют два типа славы. Один – когда ты в парижском наряде едешь в ландо, а вслед несется: «Ахматова едет!» Второй – когда ты стоишь в очереди за ржавой селедкой, а тебе в спину – твои же слова: «Свежо и остро пахли морем на

ТБИЛИСИ ВЛАДИМИРА ГОЛОВИНА

Несколько лет назад в популярной тбилисской газете «Разгадай кроссворд» начали печатать первые зарисовки из цикла «Прогулки по Головинскому», подписанные Владимиром Головиным. Для читателей постарше это имя было хорошо знакомым. Автор «Прогулок» долгое время работал в государственном информационном агентстве Грузинформ, и его мастерски написанные репортажи, отчеты и очерки постоянно появлялись на страницах периодических изданий. В начале 90-х он переехал в Израиль. Тем, кто помнит то время, причину объяснять не приходится. В Грузии тогда, не то, чтобы прожить, но и просто кое-как прокормиться представлялось делом затруднительным. К тому же, подросли два сына-близнеца, и приходилось думать об их будущем. Владимир Головин сполна хлебнул эмигрантского лиха, был рабочим, охранником, почту развозил. Позже работал собственным корреспондентом по Ближнему Востоку российской «Общей газеты», которую тогда возглавлял легендарный Егор Яковлев. В те годы в Тбилиси вышла в свет первая и пока единственная книга стихов Головина «По улице воспоминаний», хотя и до, и после того автор публиковал свои стихи в периодических изданиях и альманахах.

А спустя девять лет после отъезда Владимир Головин вернулся. Говорит, по семейным обстоятельствам. И это, в общем, правда. Но правда и то, что, выросший в Сололаки, он, ценя другие земли, отдавая им должное, нигде не чувствует себя дома, кроме как в Тбилиси. Это ощущение родства с городом не только в существенной степени предопределило возвращение эмигранта в родные пенаты, но и в полной мере проявилось в текстах уже самых первых «Прогулок по Головинскому». Владимир Головин начал тогда работать в газете «Разгадай кроссворд», взяв на себя обеспечение информационной составляющей. Но скоро стало ясно, что держать только на информации журналиста такого класса по меньшей мере неразумно и расточительно. Руководители издания дали Головину газетную полосу и сказали: «Делай, что хочешь», даже не подозревая тогда, что открыли тем самым новую страницу не только в жизни Владимира Головина, но и в истории своего издательского дома, а в каком-то смысле и в истории города.

С появлением в «Разгадайке» «Прогулок» популярность газеты, и до того не испытывавшей недостатка внимания читателей, выросла в разы. Люди, едва оторвав в день выхода свежего номера головы от подушек, спешили в киоски, справедливо опасаясь, что позже газеты с очередной «Прогулкой» им уже не достать. Именно огромный читательский интерес и предопределил в конечном итоге решение издательского дома «Фортуна7» собрать публиковавшиеся тексты Головина под одной обложкой. Три тиража книги «Головинский проспект», увидевшие свет один за другим, разошлись в считанные дни. Однажды, года три назад, ко мне обратился товарищ с просьбой помочь приобрести еще то первое издание «Головинского проспекта». Его, в свою очередь, попросил об этом приятель из США, некогда — наш соотечественник, переселившийся за океан много лет назад. Там до него дошли слухи о книге, которую, как ему говорили, должен иметь каждый настоящий тбилисец. Оказавшись в Тбилиси, он попробовал найти ее, и выяснилось, что это не так-то легко. Рассчитывая на мои

давние добрые отношения с автором, я наивно пообещал, что решу эту проблему. Каково же было мое удивление, когда я узнал, что ни одного не проданного экземпляра «Головинского проспекта» просто не существует. Нигде — ни на складе, ни в издательстве, ни в магазинах и киосках, ни у самого Головина.

Еще одно судьбоносное решение, может быть, косвенно, но все-таки вызванное успехом книги, связано с учреждением газеты «Головинский проспект», главным редактором которой является Владимир Головин. В сентябре она отметит трехлетие своего существования. Сейчас газета издается в паре с дайджестом «Разгадай кроссворд». Мне



кажется, что это — лучшая городская газета, которую я когда-либо видел. Хотя, конечно, быть беспристрастным мне в этом случае трудно. Объективное положение дел отражает интерес читателей, а он с самого же начала был большим и со временем только повысился.

А недавно в тбилисском книжном магазине «Библус» прошла презентация новой книги «Головинский проспект». Это — не очередное издание. Книга вышла в ином формате. В нее, наряду с уже издававшейся первой частью, вошли «Прогулки в семейном фазтоне», которые до сих пор были известны только по газетным публикациям.

Такой интерес к книге в наше время массового пренебрежения печатным словом кажется странным. Тем более, когда речь идет о книге на языке Пушкина, количество читающих на котором людей за последние полтора-два десятка лет в Отечестве заметно поубавилось. Тем не менее, с фактом приходится считаться и появляется желание его объяснить.

«Головинский проспект» — книга о Тбилиси, которой исчезает у нас на глазах. О том, что сделало город таким, каким мы его любим и хотим запомнить, об улицах, площадях, переулках, о дорогих сердцу каждого тбилисца приметах местного быта, о городских буднях и праздниках, о тяжелых и веселых временах, пережитых нами. И, конечно же, о людях, широко известных и вовсе незаметных, которые жили здесь когда-то, а некоторые живут и сейчас. Автор не понаслышке знает и об этих людях, и о переулках, по которым можно блуждать без усталости, и о старых дворах, живущих, словно одна семья, и об особом прищуре глаз, безошибочно выдающем тбилисца. И не просто знает. Он ощущает себя и, несомненно, является частью этой жизни. Поэтому-то ему и удалось найти для ее описания точную интонацию, оказавшуюся понятной многим. Владимир Головин сумел рассказать о городе так, что каждому, кто открывает книгу, кажется, будто она написана от его лица. А это дорогого стоит.

Хочется от всей души поздравить автора с успехом и пожелать побед в дальнейшем. Остальным же пожелать в будущем встреч с новыми произведениями Владимира Головина.

Отар ГУРУЛИ

«ЗЕМЛЯ ТЕПЛА, КРАСНА КАЛИНА...»

35 лет тому назад, 1 октября 1974 года, близ станции Клетская Волгоградской области, в каюте пассажирского теплохода «Дунай», на котором жила съемочная группа фильма «Они сражались за Родину», за стаканчиками холодного кофе сидели Василий Шукшин и Георгий Бурков. Хотя Шукшин свой кофе все же слегка согрел кипятильником, чтобы немного взбодриться... Дело шло к глубокой ночи. Шукшин был усталым, подавленным и не чувствовал себя здоровым...

По стране с ошеломляющим успехом шла «Калина красная». А Шукшин – никаких передышек! – продолжал работать в привычном для себя и немислимом для любого иного человека ритме: снимался в кино (параллельно у Гл. Панфилова и С. Бондарчука), вновь и вновь добивался разрешения на съемки «Степана Разина», наблюдал как автор за репетициями «Энергичных людей» в ленинградском БДТ (за постановку взялся Г. А. Товстоногов), писал, писал ночами – в работе были пьеса и несколько рассказов, не отказался, хотя лишь недавно вышел из больницы, от обычного для него допинга на каждую ночь – две банки растворимого кофе и умеренное количество сигарет, которые прикуривал одну от другой... Он вернулся со съемок «Прошу слова» у Панфилова, куда слетал, воспользовавшись небольшим перерывом в основном рабочем графике. Панфилов вспоминал, что «когда Шукшин вошел в павильон, было физическое ощущение, что он не идет, а парит, почти не касаясь пола – такой он был высохший, худой... Глаза красные с неестественным блеском – верный признак бессонных ночей»...

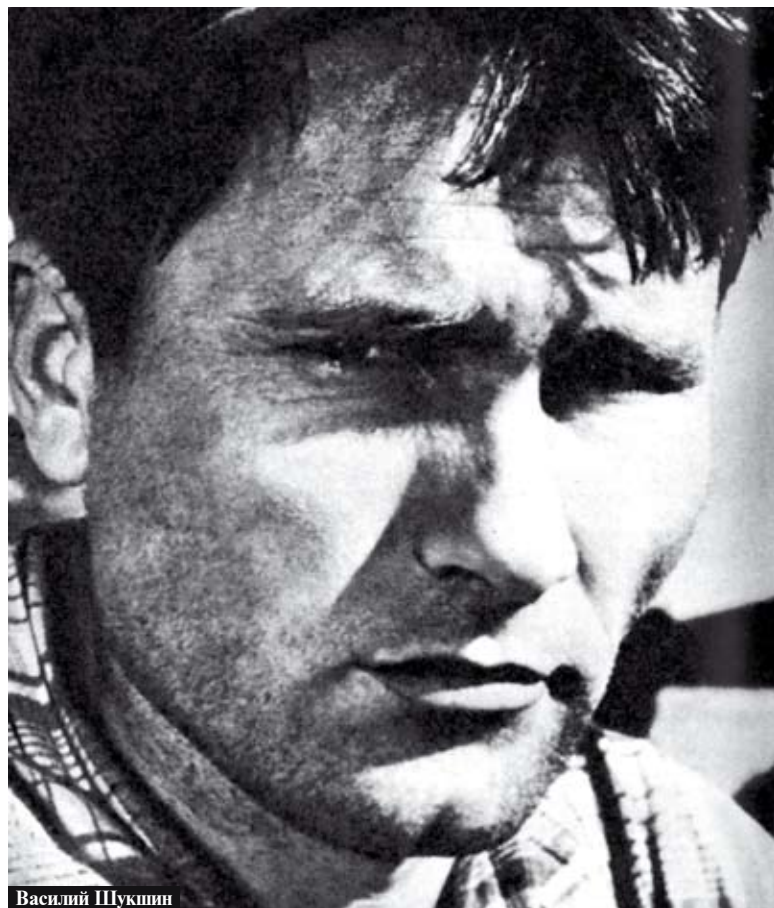
Бурков вел с другом простой, необременительный разговор, пытаясь забыть Шукшина и самого себя от тягостных мыслей вообще, да и от неприятных воспоминаний этого дня.

Последнее время Шукшин опасался насильственной смерти, перечислял родственников, ушедших из жизни неестественным образом. «Господи, дай скорее вернуться домой! Дай Бог, чтобы ничего не случилось», – писал он жене.

Накануне Шукшин, Ю. Никулин и Г. Бурков сидели в гримерной. Ждали, когда начнет работать мастер-гример. Шукшин взял булавку, опустил ее в банку с красным гримом и стал что-то рисовать на пачке сигарет «Шипка». – Что рисуешь? – поинтересовался Бурков. – Да вот, – ответил Шукшин, – небо, дождь, в общем, похороны. Рассерженный Бурков не пожалел для друга резких слов, вырвал у него из рук пачку, скомкал и сунул в карман.

В этот день они были в станции Клетская. Решили снять усталость в бане, до которой сибиряк Шукшин был большой охотник. Заезжая во двор к гостеприимному старому донскому казаку, случайно задавили любимого хозяйского кота. Шукшин очень расстроился. «Это к несчастью», – все повторял он. Какая уж тут баня... Попили чаю со зверобоем и обратно на теплоход.

Бурков предложил пораньше лечь спать. Шукшин ушел к себе в каюту по соседству, а Бурков все сидел и сидел за столиком. Не спалось. В три часа ночи он услы-



Василий Шукшин

шал звук знакомых шагов и выскочил на палубу – Шукшин стоял у перил и держался за сердце. «Понимаешь, мне мать всегда повторяла – терпи любую боль, кроме сердечной... Валидол не помогает». Фельдшерицы в эту ночь на теплоходе не было. Бурков вспомнил, что у кого-то были капли Зеленина. Сбежал за ними... Долго не спал Бурков, все прислушивался. Под утро, наконец, забылся тревожным сном. Проснувшись, пошел к Шукшину. Взял заварку, которая была в каюте друга, и вернулся к себе, стараясь не сосредотачиваться на мысли о том, что все в каюте Шукшина было не так, как надо: сильно пахло корицей, рукописи и книги были разбросаны, Шукшин лежал, скорчившись, только ноги на полу (на фотографии, позднее сделанной криминалистами, Шукшин будет лежать в спокойной позе под одеялом в аккуратно убранной каюте)... Бурков снова пошел в соседнюю каюту. Тронул Шукшина за руку. – Вася, вставай... Конечно, он уже все понял. Но не хотел понимать. Вновь вернулся к себе. Сидел и ясно чувствовал, что сходит с ума от жуткой нереальности происходящего. Наконец, на ослабевших ногах, едва дыша, Бурков вышел на палубу, увидел Николая Губенко и пробормотал: – Пошли к Васе...

Врач, делавший вскрытие, сказал: «Вот, посмотрите, классический пример – обыкновенное, полностью изношенное сердце 85-летнего старика»... Василию Шукшину было 45 лет.

Не оставляет необъяснимое ощущение, что Шукшин никогда не начинал сначала, не делал первых шагов, не одолевал нижних ступенек крутой и длинной лестницы мастерства. Кажется, что он так и появился – сразу наверху, в пике таланта, в ярком свете своего дарования, настолько самостоятельным, выверенным, на одном выдохе, без малейших следов ученичества было его творчество и в литературе, и в кино. А выстраданность каждого его шага, она не оттого, что человек отстрадал,



но оттого, что страдает и вечно несет в себе это страдание, и живет трудно, и мыслит глубоко, и чувствует все обостренно, оголенным сердцем... И даже сквозь такой характерный иронический прищур и необыкновенно легкое умение почувствовать комизм и жизненной, и житейской ситуаций, проступает боль – отчаянная, неизменная...

Василий Макарович Шукшин – человек с ярко выраженными истоками. Алтайскими. Выходец из далекой провинции, чуть ли не с окраины страны, он никогда не был провинциалом. Он не стал городским, и не остался деревенским. Он всегда казался человеком «с третьего берега реки» (есть такой термин у Григола Робакидзе). И хотя тема родины, Алтая, деревни – особая и драгоценная тема в творчестве Шукшина, но, как великий творец, он поднимает ее над обыденностью. Масштабные сознание и миропонимание позволили Шукшину, сохраняя своеобразие, непохожесть ни на кого, стать явлением вневременным, то есть современным всегда. Поэтому поверхностное противопоставление городской - деревенский, злой - добрый, плохой - хороший на



«Когда деревья были большими»

поверку оказывается противопоставлением куда более значимым: настоящий - ненастоящий.

Шукшин ценил все настоящее, и сам был таким.

Он родился в деревне Сростки Бийской области Алтайского края. Отца, механизатора, репрессировали в 1933 году. Детство было голодным, тяжелым, пришлось на военные годы. Отчим (ради детей мать Шукшина вышла замуж второй раз) погиб на фронте. Мать записала сына на свою фамилию – Попов. Но, получая паспорт, Шукшин вернул себе фамилию отца.

Сростки – настоящая русская деревня, а значит, это целый мир в миниатюре, громадная коммунальная квартира со своими ценностями и иерархической системой. И люди разные, и отношения, но одно свойство для всех является неперемным – образно-ироническое восприятие и жизни, и себя. Иначе, наверное, и не выжить.

Именно в Сростках Шукшин встретил свою первую любовь – Марию Шумскую, ставшую его женой. От нее он и уехал покорять Москву и к ней не вернулся, но... Шукшин так и не развелся с Марией, а когда ему надо было оформить свой второй брак, он просто «потерял» свой старый паспорт – это было несложно, в стране как раз шла замена паспортов. «Будь здорова, но несчастлива», - написал он ей в одном из писем. Конечно, имелось в виду «несчастлива без меня»... Пронзительный рассказ «Осенью» об утерянной, но не забытой первой любви, Мария всегда воспринимала как обращенный лично к ней: «Всю жизнь сердце кровью плакало и болело. Не было дня, чтобы он не вспомнил Марью... И с годами боль не ушла. Уже была семья – по правилам гражданского брака, - детишки были... А болело и болело по Марье сердце». Мария не держала на него зла: «Я его знала как ангела. Иным я его не знала».

В Сростки Шукшин срывался в самые тяжелые моменты своей жизни. Это было его главным лекарством от обид и отчаянья. Земляки относились к нему с любовью, гордились им, но все же Шукшин был для них не небожителем, а своим человеком, родным, хорошо знакомым. Когда в 1967 году Шукшин, уже известный писатель и киноактер, приехал на родину, местная библиотекарьша предложила устроить творческую встречу Шукшина с односельчанами. На встречу они не пришли и недоумевали: «А чего это нам с Васькой встречаться? Что мы его не видели, что ли?»

Рассказы писателя о вечной тяге человека к родному порогу – не столько о ностальгии, о кровной привязанности к корням (хотя и об этом тоже), сколько о тяге к настоящему, ведь именно деревня и становится его символом, олицетворением, а «сельский житель» - это не пресловутый «простой человек» (помните советское определение – «простые люди всей земли»?), а человек настоящий, а значит – стоящий. К примеру, рассказ «Степка» поражает своей кажущейся неправдоподобностью, которая и оказывается самой настоящей правдой: желание вернуться на родину, к любимым людям – непреодолимо. И действительно, что самое подлинное на свете? – родина и семья.

«- Три месяца не досидеть и сбежать!.. - опять изумился милиционер. - Прости меня, но я таких дураков еще не встречал, хотя много повидал всяких. Зачем ты это сделал?»

Степан шагал, засунув руки в карманы брюк, узнавал в сумраке знакомые избы, ворота, прясла... Вдыхал знакомый с детства терпкий весенний холодок, задумчиво улыбался...

- Зачем ты это сделал-то?

- Сбежал-то? А вот – пройтись разок... Соскучился.

- Так ведь три месяца осталось! – почти закричал



участковый. – А теперь еще пару лет накинут.

- Ничего... Я теперь подкрепился. Теперь можно сидеть. А то меня сны замучили – каждую ночь деревяня снится... Хорошо у нас весной, верно?».

О годах ученических, о поступлении в мастерскую к Михаилу Ромму, как, впрочем, и о всей жизни Шукшина, ходит много легенд – зачастую прекрасных. Правда, однако, такова. Шукшин окончил семь классов средней школы, учился в автотехникуме, но не доучился – надо было работать, помогать матери. Трудился на заводах и стройках, выучился на радиста, служил на флоте, был комиссован по болезни, сдал экстерном экзамены на школьный аттестат, стал учителем в школе в Сростках, а затем и директором. Обязанности директора сводились в основном к хозяйственным хлопотам – достать, привезти и наколоть дрова, добыть учебники, изыскать керосин, починить парты... Невероятные память и наблюдательность были верным подспорьем таланту и честолюбию – все впечатления жизни шли «в копилку», точнее, в толстенную амбарную тетрадь, куда записывал Шукшин свои первые рассказы, с которыми и приехал покорять Москву.

Вспоминая те годы, свой приход во ВГИК, Шукшин, мистифицируя поклонников, нафантазирует, что хотел поступить на сценарный, но у него не приняли документы, так как поленились разбирать мелкий почерк, которым были написаны представленные рассказы; что не пошел на актерский, опасаясь огромного конкурса и сомневаясь в своей внешности (тельняшка, брюки клеш, сапоги, характерная колоритная фактура, да еще и татуировка на левой руке – финский нож клинком к запястью); что случайно узнал о существовании профессии режиссера – раньше-де он думал, что на съемках фильма собираются актеры и договариваются, как снимать. Конечно, это все полувыдумки, полупреувеличения, как и история о том, что на экзамене Шукшин якобы сказал Ромму, что не читал «Войну и мир», потому что книга очень толстая, а на упрек великого режиссера в бескультурье, стал на него кричать, объясняя, насколько хлопотна должность директора сельской школы. Безусловно, подобного быть не могло. На самом деле Шукшин поступил во ВГИК легко – решающую роль сыграла блестяще написанная письменная работа на тему «Что сейчас происходит в коридорах ВГИКа», которая предшествовала устному экзамену. Шукшин написал рассказ-впечатление, рассказ-размышление, продемонстрировав стиль, который и станет его собственным, – исключительная наблюдательность, чеховская лаконичность, умение уловить самое характерное и выразить его минимальным количеством выразительных средств, вкус к юмору и иронии. (И понимание сюжета у него было чеховским: главное – это история и характер. «Форма – она и есть форма, – писал впоследствии Шукшин, – можно отлить золотую штуку, а можно в ней же остудить холодец. Произведение искусства – это когда что-то случилось: в стране, с человеком, в твоей судьбе»). Вступительная работа сохранилась вместе с сопутствующим отзывом-оценкой преподавателя: «Хотя работа написана не на тему и условия не выполнены, автор обнаружил режиссерское дарование и заслуживает отличной оценки». А на устном экзамене Шукшин, и так очень выделявшийся из всего потока абитуриентов, покорила Ромма темпераментным личностным восприятием романа «Мартин Иден». Но в ответ на вопрос, как он себе представляет сцену скачек в «Анне Карениной», Шукшин, после тягостного молчания, ответил: «Я не читал. Разрешите идти?» Встал и пошел к двери. «Отставить!» – скомандовал Ромм и взял его к себе в мастерскую.

Шукшин учился, как жил – серьезно, вдумчиво, одухотворенно, яростно. Способность критически относить-

ся к себе он уважал в любом человеке, и вообще считал это свойство признаком ума. В отношении к себе он был не просто критичен, но безжалостен. Как беспощадна запись в его рабочей тетради: «Жизнь свою рассматриваю как бой в три раунда: молодость, зрелость, старость. Два из них надо выиграть. Один я уже проиграл».

Иногда кажется, что в своей беспощадности честолюбивый и гордый Шукшин попросту недооценивал себя. Например, всем было очевидно, что одной из особенностей дарования Шукшина является поэтическое восприятие мира. Мастер слова, он чувствовал слово и ценил. Его поэтические пристрастия были избирательны, но безупречны. Но почти никому не было известно, что Шукшин писал стихи. Он иногда их читал в компании самых близких людей, никогда не указывая своего авторства, и то, если это было, по его мнению, к месту. А ведь у Шукшина можно прочесть, к примеру, такие строчки: «Музы, сделайте, что хотите./Душу надо? Могу продать./Славу встречу.../Научите/Словом, как дротиком, попадать».

Любой творческий и по-настоящему одаренный человек всегда стоит особняком. И Шукшин занял в искусстве свое, особое место.

В 1962 году сокурсник и приятель Шукшина Андрей Тарковский получил главный приз Венецианского фестиваля за фильм «Иваново детство». По воспоминаниям знакомых, как-то в общей и достаточно дружеской компании Шукшин вдруг произнес: «А все равно я вас всех обойду». В ответ на неожиданные слова не растерялся лишь Тарковский: «Вася, зачем обходить? Мы тебя любим, расступимся и пропустим!» Шукшин погрозил кулаком: «Нет, вы сопротивляйтесь. Я не люблю, когда мне зажигают зеленый свет». Первый фильм Шукшина-режиссера «Живет такой парень» был удостоен главной награды Венецианского фестиваля – «Золотой льва Святого Марка». Кстати, о награждении Шукшин узнал из газет – в Италию его не пустили, вообще за границу его выпускали очень редко и с опаской.

Фильмы, роли, книги Василия Шукшина прославили его очень скоро. Он стал легендарной фигурой. Были изданы три сборника рассказов, написаны четыре пьесы,



два романа, несколько сценариев, сняты пять кинокартин. Ярко и своеобразно играл он в лучших картинах лучших режиссеров – «Два Федора» М. Хуциева, «Простая история» Ю. Егорова, «Когда деревья были большими» Л. Кулиджанова, «Освобождение» Ю. Озерова, «У озера» С. Герасимова... Шукшин получил звание за-



«Они сражались за Родину»

служенного деятеля искусств, был удостоен Государственных премий РСФСР и СССР, награжден орденом Трудового Красного Знамени. Его картины получали первые премии на всесоюзных кинофестивалях и множество наград по всему миру...

И все же творчество Шукшина в большей степени встречало противодействие, чем содействие. «Никогда, ни разу в жизни я не позволил себе жить расслабившись, развалившись», писал Шукшин. - Хорошо – не позволил сшибить себя, плохо – начинаю дергаться, сплю с зажатыми кулаками. Это может плохо кончиться, могу треснуть от напряжения». Рассказы и фильмы Шукшина, ныне вошедшие в золотой фонд литературы и кино, встречались зачастую молчаливым, преграды ставились всегда, ну а в крайних (не таких уж редких) случаях

использовался известный прием – травля. Всего этого Шукшину пришлось испытать сполна. Ни один фильм не вышел у него таким, каким задумывался. Цензура и «резала», и предлагала бесчисленные поправки. «Ты счастлив, когда смел и прав», - писал Шукшин. И еще – его знаменитое определение, верное, как библейская заповедь: «Нравственность – это правда». Видимо, самостоятельность, смелость, правда и казались если не антисоветскими, то наверняка несоветскими.

Самым главным, жизненно важным для Василия Шукшина было всей своей душой выстраданное желание поставить фильм о Степане Разине. История длилась с начала 60-х и казалась бесконечной, как движение маятника: разрешили-запретили, разрешили-запретили... Шукшин не терял надежды, но вот о чем вспомнил С. Любшин, который, кстати, так передал свое впечатление от знакомства с Шукшиным: «Я увидел очень нервного, издерганного человека. На него шла такая травля!» «Степан Разин» был заморожен в очередной раз, но кинопруппа не разошлась – стали снимать «Печки-лавочки», а между собой договорились - во всех интервью, на всех творческих встречах рассказывать о том, что Шукшин продолжает работу над «Разиным», чтобы не случилось самого страшного и действенного советского наказания – молчания. Любшина пригласил на телевизионную передачу «Кинопанорама» ее знаменитый ведущий А. Каплер. На вопрос о планах артист начал рассказывать, что будет сниматься в характерной роли в фильме «Степан Разин». «Стоп!» - скомандовал режиссер передачи. Пошла перезапись, дошли до «Разина», и съемки вновь остановили. Когда ситуация повторилась в третий раз, на площадку выбежала раздраженная женщина – то ли режиссер, то ли редактор: «Хватит говорить о «Разине»! Этого фильма не будет никогда!»

Любые проявления несправедливости и жестокости воспринимались Шукшиным очень болезненно, потому что органичными и естественными для Шукшина были именно сострадание и сопереживание. Для характеристики его понимания смысла человеческой жизни как нельзя лучше подходит суждение Канта, что существование Бога и свободы доказать невозможно, но надо жить так, как если бы они существовали.

У Чехова есть слова о том, что у двери каждого счастливого человека должен стоять с молоточком в руках человек несчастный и непрерывным стуком напоминать о бедах других людей. Поэтика Чехова вообще очень близка Шукшину, он во многом ее ученик и последователь. Но писатели близки и в своем миропонимании. «Когда нам плохо, - пишет Шукшин, - мы думаем: «А где-то кому-то хорошо». Когда нам хорошо, мы редко думаем: «А где-то кому-то плохо»... Творчество Шукшина – это вечное страдание страданиями другого человека. Но страдание не мученика, а защитника – сильного, надежного, умеющего и плечо подставить, и слезу утереть, и улыбнуться, а то и рассмеяться от души...

Нынешний год – год сплошных знаменательных дат. 80 лет со дня рождения Василия Макаровича Шукшина, 35 лет фильму «Калина красная», 35 лет последнему фильму с его участием – «Они сражались за Родину». На Алтае 2009 год объявлен Годом Шукшина.

Неизменны «звездное небо над нашими головами и нравственный закон внутри нас». Одна звезда совершенно не похожа на другую. Но звезды на то и звезды, что их свет обнимает всю Вселенную. Для того, чтобы происходило именно так, надо быть планетарным явлением. Как Василий Шукшин.

В знаменитой песне Булата Окуджавы есть слова: «На веки вечные мы все теперь в обнимку на фоне...» Скажем сегодня так – мы на веки вечные на фоне Шукшина.

Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ

АРИСТОКРАТКА В ЖИЗНИ И В БАЛЕТЕ

Балетный мир знает множество громких имен, связанных с хореографическим театром Союза, который прочно удерживал в XX веке имидж «первого на планете» искусства. К нему было приковано пристальное внимание историков, критиков и искусствоведов. Их особым расположением пользовались блистательные звезды - Уланова, Семенова, Плисецкая, Чабукиани, Дудинская, Сергеев... Среди них была и грузинская танцовщица Елена Чикваидзе, которая внесла весомый

Вахтанг Чабукиани и Елена Чикваидзе



Зураб Кикалеишвили, Елена Чикваидзе, Вахтанг Чабукиани



Став балериной, Елена Георгиевна создала на сценах театров им. З.Палиашвили, Кировского (Ленинград) и Большого (Москва) театров незабываемые образы Маниже («Сердце гор»), Жизели («Жизель»), Одетты-Одиллии («Лебединое озеро»), Хасинты («Лауренсия»), Заремы («Бахчисарайский фонтан»), Джульетты («Ромео и Джульетта»), Черкешенки, Фатетты.

вклад в развитие национальных балетных культур бывшего Союза. Она окончила легендарную школу-студию итальянской танцовщицы, прима-балерины театра им. З. Палиашвили Марии Перини.

Студия была в начале 20-х годов культурным хореографическим центром Тбилиси. Дети состоятельных родителей обучались искусству балета, эстетике, музыке, живописи, актерскому мастерству, всему тому, что развивало художественный вкус и интерес ко всему прекрасному. В студии преподавали выдающиеся композиторы, художники, режиссеры, танцоры, балетмейстеры – А. Алексидзе, М. Ипполитов-Иванов, Н. Черепнин, З. Палиашвили, М. Баланчивадзе, Д. Шеварднадзе, А. Цуцунава, М. Мордкин.

Подопечные студии стали впоследствии выдающимися деятелями грузинской культуры: Вахтанг Чабукиани, Нино Рамишвили, Илья Сухишвили, Симон Вирсаладзе, Лили Гварамадзе, Мария Бауэр.

Заметное место среди них занимала очаровательная по характеру, способностям и внутренней культуре представительница славного рода Бараташвили – Елена Чикваидзе – мать прославленного танцовщика, балетмейстера и педагога Михаила Лавровского и жена легендарного русского хореографа Леонида Лавровского.

Параллельно со сценической жизнью, она сотворила свой художественный мир – своего рода царство духовности, оставившего в памяти тех, кто соприкасался с этой необыкновенной женщиной, чувство преклонения перед ее человеческим совершенством.

На протяжении всей своей творческой жизни, творя рядом с мэтром советского балета Леонидом Лавровским, она никогда не «афишировала» себя, не старалась выделиться среди других, не терпела «помпы» вокруг своей семьи, хотя по своей сущности была типичной актрисой театра, не лишенная искуса «звездности». Наверное, поэтому мало кто из нынешнего поколения театралов, особенно грузинских, знает о том, что она, наряду с колоссами балетного искусства В.Чабукиани, С.Вирсаладзе и А.Баланчивадзе стояла у истоков становления грузинского балетного театра, была первой исполнительницей роли Маниже в балете «Сердце гор» в постановке В. Чабукиани, где отказавшись от традиционного сценического поведения «балетных примадонн», открыла зрителю богатейший духовный мир своей героини. Эта роль была послана ей судьбой. Выросшая

в среде, где глубоко почитались традиции, которая состояла из выдающихся представителей грузинской интеллигенции, Елена Георгиевна доподлинно изобразила на сцене трагическую судьбу княжны Маниже, противопоставив ее духовность вульгарным «пролет-культуровским» и «авангардным» трактовкам женских образов, характерных для балетов конца 30-х годов. Ей стали подражать многие танцовщицы этого периода, а в грузинском балете ее индивидуальное истолкование женского образа стало эталоном для многих поколений исполнителей.

По свидетельству племянника Елены Георгиевны и двоюродного брата Михаила – Гиви Бараташвили – Чикваидзе свято берегла память своего отца – Георгия Чикваидзе (крупного военачальника, полного кавалера Георгиевского креста и золотого оружия), участника русско-японской войны 1904-1905г.г., где он был тяжело ранен. Бабушка Елены – Ольга Андреевна – крестница великой канягини, императрицы, супруги Николая II – воспитывала Лялю (так звали Елену в кругу семьи) в строгих правилах христианской морали. Считая ее своей наследницей, она подарила Ляле красивое бриллиантовое кольцо, и завещала передать членам семьи по ее усмотрению. Прожив долгую, красивую жизнь (88 лет), Елена не снимала этого кольца с руки. И, только перед своим концом, продала его и поделила сумму между сыном и племянником, считая Гиви Бараташвили будущим покровителем своего сына – Миши Лавровского. После Спитакского землетрясения Елена Георгиевна перечислила в Ереван 10 тысяч рублей, в память о том, что в течение двух лет (1942-1943 гг.) она с мужем работала в театре оперы и балета им. А.Спендиарова.

Чувство ответственности перед теми, кого она «знала и любила», было естественным движением ее души, доброй и сострадательной. В их семье «днемали и ночевали» в конце 30-х годов Симон Вирсаладзе, Серго Кобуладзе, Беба Туманишвили, Вахтанг Чабукиани. Сама Елена часто выступала сначала в Тбилиси, в кинотеатре «Аполло», а потом и в Ленинграде с В. Чабукиани перед сеансами, чтобы заработать денег для нуждающегося в то время Чабукиани. Все ее родственники годами жили в Москве, в квартире Кторов, которую она получила после его ухода из жизни. Среди них был и Гиви Бараташвили – студент Института мировой литературы и искусства, который по ходатайству Елены Георгиевны потом работал заливитом в московском театре им. Пушкина у Бебы Туманишвили, а также в «Книжной палате». В это время он стал свидетелем того, как весь московский балетный бомонд во главе с М.Плисецкой, В.Васильевым, Е.Максимовой, Н.Бессмертной собирался на квартире Елены Георгиевны. Для Миши и Гиви это было поводом «эпатировать» гостей разговором на грузинском языке. В свою очередь Миша, по приезду в Тбилиси, в доме Бараташвили разговаривал исключительно по-грузински, подчеркивая, что он грузин, обожающий своих близких и Тбилиси.

Не лишним было бы отметить, что Миша приезжал в Тбилиси не один. Его всегда сопровождал «отряд поклонников. Они вваливались в дом Бараташвили, где начинался ералаш. Партнерши Миши – примадонны Большого театра Нина Тимофеева, Екатерина Максимова, Людмила Семеняка отсыпались после «каторжного» балетного труда.

Хозяйка квартиры Бараташвили – артистка Руставелевского театра Лика Чавчавадзе их охотно принимала, сама с ними «резвилась» и с грустью провожала, ожидая новые наезды из Москвы. Став народным артистом СССР, профессором ГИТИСа, премьером и педагогом-репетитором Большого театра, Лавровский постоянно приезжал в Тбилиси. Именно здесь он смог осуществить целый ряд своих амбициозных творческих планов. На

телестудии «Сак-Телефильм» он создал в содружестве с режиссером Заалом Какабадзе множество фильмов, получивших на телефестивалях в Нью-Йорке, Чикаго, Братиславе, Киеве и Швейцарии престижные призы.

Всем недавно, подтверждая свою любовь к Грузии, он в память об отце Леониде Лавровском поставил на сцене театра им. З.Палиашвили (по приглашению Нино Ананишвили) полную версию балета «Ромео и Джульетта», а еще раньше, в 1984 году балет «Порги и Бесс» в стиле «джаз-танца», который едва ли мог быть поставлен в то время в Большом театре. С этим спектаклем грузинская труппа гастролировала в Москве и Финляндии в г. Тампере. Балет полюбил тбилисский зритель и охотно исполнял труппа.



Михаил Лавровский и семья Бараташвили

Будучи истинным Бараташвили и Чикваидзе, Михаил Лавровский был любимцем этих семей, но особенно своего отца и матери.

Как известно, Елена Георгиевна, словно тень сопровождала сына везде, где он работал. Она забывала все свои творческие планы, сцену и поступала на службу в тот театр, где он танцевал. В качестве педагога-репетитора она постоянно шлифовала его мастерство и старалась сохранить творческую индивидуальность танцовщика героико-романтического плана.

Будучи глубоко религиозной, она постоянно посещала церковь и привила своему сыну трепетное уважение ко всем ее заповедям. Миша стал ревностным почитателем христианской религии, с каждым приездом посещал Католикоса - Патриарха Всея Грузии Илию II и приглашал на свои спектакли.

Сегодня с нами нет Елены Георгиевны, но воспоминания о ней живут в памяти близких. Когда мне поручили написать о ней статью, я тотчас позвонила в Москву Михаилу Лавровскому, который был занят на проходившем там международном конкурсе артистов балета. На просьбу переслать мне материалы о Елене Георгиевне, он ответил: «Спросите у Гиви Бараташвили, он все знает и поможет вам». Так я и сделала... и очень ему благодарна за это.

В заключение нашей беседы Бараташвили выразил огромную благодарность всей семье, руководству Международного культурно-просветительского Союза и редакции журнала «Русский клуб» за внимание к памяти Елены Георгиевны, которой в сентябре этого года исполнилось бы 99 лет.

Память об этой замечательной женщине хранит Трокуровское кладбище в Москве.

Лариса НАДАРЕЙШВИЛИ



С КИСТЬЮ НА ПЕШКОМОБИЛЕ

«Уголок художника». 2002

«Конечно, мои походы не носили такого регулярного характера, как поездки моего дедушки, которого обслуживала собственная машина, с шофером (которому он платил зарплату). В основном, я ходил на этюды пешком или на пешкомобиле, как я сам это называл. Раньше я это делал в два приема, то есть шел, находил интересный вид, делал карандашный набросок, а на второй день шел на то же место и писал этюд. Но сейчас так делать – для меня большая роскошь. Стараюсь тут же найти интересный вид и сразу же приступаю к исполнению... Скажу прямо, не люблю смотреть на природу и не иметь возможности ее писать...»

Эти строки – из сборника автобиографических рассказов «Записки художника», ставшего первой литературной работой живописца Джованни Вепхвадзе. (Все приведенные цитаты в материале взяты из указанного издания, кроме фраз, данных с указанием о беседе).

Видеть и не запечатлеть – настоящее мучение для человека, чья жизнь целиком посвящена изобразительному искусству. Так же ужасно для ценителя прекрасного, когда на экспозициях «наряду с замечательными картинами, приходится видеть и омерзительные работы», порожденные тем самым мнимым «творческим подходом, который придумали, чтобы оправдать все, что угодно».

«Не знаю, какую душу должны были иметь те авторы, что способны были написать такое, - размышляет Джованни. - Ведь работы художника – это отражение его души и мышления. И если кто-то может скрывать свое истинное нутро молчанием, то художник, когда пишет свои работы, показывает то, что в нем сидит и что

люди многих других профессий легко могут скрыть. Не надо забывать, что наше искусство изобразительное».

Но, все-таки, «лучше творческая неудача, чем семейная», признает художник, переживший за свои шестьдесят лет массу мелких житейских бед и обыкновенных житейских радостей. Джованни Вепхвадзе не только живой классик грузинской живописи, но и отец семейства. Семья (супруга Марина, сын Бруно, дочь Доменика и внуки от нее – пятилетний Винченцо и грудной Амадео) – важная часть жизни художника. И неудивительно, ведь корни рода тесно переплетены с творческой деятельностью Джованни. Сам он – представитель третьего поколения живописцев из рода Вепхвадзе. А художники Доменика и Бруно – представители уже четвертого поколения. Понятия «прошлое и будущее», «семья и живопись» – неразрывны для Вепхвадзе. Уже для бабушки Джованни «не существовало никакой другой достойной профессии кроме художника, имеется в виду – живописца, и в крайнем случае – скульптора». Елизавета Демурова тоже считала себя художницей, хотя, пытаясь помочь своему супругу Вану, весьма неумело грунтовала холсты и, вправляя холсты в раму, иной раз вбивала гвозди не столько в дерево, сколько в полотно. Бабушка поощряла всех самоучек, считая, что представители всех профессий должны быть в живописи хотя бы пылкими дилетантами.

Джованни легко разрешает вопрос о том, может ли дилетант стать профессионалом: «Мой ответ – может, если сконцентрируется на одной профессии, и она станет основным его занятием и средством к существованию». Так и профессионал может обернуться дилетантом,

если перестанет систематически работать в избранной области. Постоянное служение живописи сделало профессионалов из Ивана, Алексея и Джованни Вепхвадзе – деда, отца и внука. Сегодня на пути к подлинному профессионализму стоит четвертый Вепхвадзе – Бруно.

Джованни называет сына «античным художником» за пристрастие Бруно к тематике древнего Рима, Египта и Греции. (Нынешней весной состоялась первая персональная выставка картин Бруно, на которой тбилисский зритель смог увидеть неукротимое стремление к идеалу.) А себя Джованни именует «бедным художником». Ни виллы, ни автомобиля, ни «высочайшего покровительства» – зато есть свобода!

Дед и отец Джованни не были вполне свободны в своем творчестве. Их житейский успех оплачивался за счет заказов соцреализма. Из тюремного заключения начала тридцатых годов Ивана Вепхвадзе в буквальном смысле вывел созданный им портрет Лаврентия Берия. С того момента, когда Иван Вепхвадзе почти полностью посвятил себя соцреализму, «жизнь дедушки стала лучше, а работы хуже».

Спешу оговориться: лично я не считаю соответствие творчества художника официальным требованиям его эпохи неправильным явлением. Так, Рубенс великолепно и восторженно запечатлел на своих полотнах Марию Медичи – королеву, одобряющую убийство собственного мужа, поддерживающую козлы инквизиции и душившую французов налогами в пользу королевских фаворитов. Разве от этого Рубенс перестал быть в глазах истории и искусствоведения величайшим живописцем?

«Лениниана» Ивана и Алексея Вепхвадзе была делом намного более почетным, чем портретирование средневековых убийц. В постсоветские девяностые, сидя при свечах и без отопления, мы наглядно убедились, как, оказывается, важна была электрификация всей страны. А ведь какими шаблонными казались прежде строки из «Зари Востока» о создании Алексеем Вепхвадзе полотна «Ленин над проектом ГОЭЛРО» к 60-летию Великого Октября! Также сегодня, думается, совершенно не вызывает иронии картина Ивана Вепхвадзе «Декрет о мире».

«Забастовка тбилисских рабочих-железнодорожников» Ивана Вепхвадзе или «Илья Чавчавадзе среди передовых людей России» Алексея Вепхвадзе в настоящее время уже – неоценимые памятники истории.

Несмотря на то, что творчество деда и отца было тесно связано с идеями марксизма-ленинизма, Джованни не считал необходимым вступить в компартию. «Несерьезный человек» отказался сбрить богемную бородку и потряс секретаря парткома подобной дерзостью! Известное: от великого до смешного – один шаг!..

А что же Бруно, которому сейчас всего лишь двадцать три года?.. До идей ли социализма ему! Юноша грезит: о, где вы, легионеры и тамплиеры, Венера и Минерва!

Размышляя о четырех поколениях Вепхвадзе, трудно не воскликнуть: «Вот метаморфозы социума и самознания – наглядно! Извечный фокус времени и преходящее бытие – безусловно! И лишь искусство – вечно!..»

Но если бы Джованни и Бруно внезапно захотели запечатлеть исключительно наше время – что тогда?

Небрежное отношение к людям искусства, отмечает Джованни, день ото дня становится все заметнее. Если раньше, во времена Советского Союза, художники имели дело с общественными стереотипами (мол, раз художник, то и пьяница, и неряха, и вообще ненадежный человек) и с приемно-контрольными комиссиями («посмотрим, соответствуете ли вы нормативам социализма, гражданин хороший»), то в новом веке перед полуторами тысяч художников Грузии, переживших голод и холод переломных девяностых, во всей своей

неприглядности встают не столько моральные, сколько материальные проблемы. За пятнадцать лет Союз художников восемь раз судился с правительством за Дом художника - и волокита продолжается по сей день. Помещения Картинной галереи и Центрального Художественного салона были отобраны. Тбилисское художественное училище им.Я.Николадзе (в котором десятилетиями преподавали Алексей и Джованни Вепхвадзе) без поддержки государства «засохло на корню» в условиях рыночной экономики. Педагогический состав Академии художеств не получает материального вознаграждения адекватно проделываемой работе. Мало того, даже уличные художники постоянно «перегоняются» с места на место, лишаются торговых точек. Плата за устройство выставок в малочисленных галереях столицы из-за налогообложения все возрастает. Художники существуют в основном за счет иностранных покупателей или же



«Мои предки». 1978

подрабатывают в других областях.

Творческая продукция становится все более низкого качества. Молодежь предпочитает т.н. «спонтанное творчество» – небрежные абстракции и перформанс самого низкого пошиба. На этом фоне деятельность Джованни и Бруно выглядит уже как подвиг. Присущая им самоотдача и самокритика нынче не в моде.

«Я уничтожаю четыре наброска из пяти, - говорит Джованни. – Родственники творческих людей обычно считают, что все сделанное – гениально. А я не хочу, чтобы после меня оставались работы не лучшего качества». На картины Джованни и его сына достаточно взглянуть, чтобы понять, что в них под контролем – каждая линия,

каждый мазок, каждый оттенок. За семейным (трудно не сказать: наследственным) профессионализмом стоят воспоминания о мастерах прошлого, помогавших роду Вепхвадзе достичь высшего уровня.

Творческий рост Ивана Вепхвадзе, родившегося в 1888 году в Тбилиси, связан с именами Гуго Зазиашвили и Гуго Габашвили, принявшего художника-самоучку



«Автопортрет в восточном одеянии». 2002

в свою мастерскую в АХ. Уже в 1927 году картина «Перенос приданого в старом Тбилиси» Ивана Вепхвадзе экспонировалась на Всесоюзной художественной выставке «Искусство народов СССР». Дед Джованни состоял в РЕВМАСе, был награжден орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почета» и медалями за творчество на темы героики Великой Отечественной войны и дружбы народов. (Так, в частности, картина «Акакий Церетели и Габриел Сундукян» стала одним из символов братства грузинского и армянского народов.) В итоге, Иван получил звание народного художника Грузии..

Алексей Вепхвадзе, родившийся в 1921 году также в Тбилиси, приобретал опыт под руководством Шебуева и Щерпилова в Тбилисском художественном техникуме им.Я.Николадзе, а затем у Учи Джапаридзе в АХ. В послевоенном Ленинграде Алексей учился в классе батальной живописи у профессора Р.Френца в Институте живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Репина. Картины «Ранение Багратиона в Бородинском сражении», «Карл Маркс и Нико Николадзе в Лондоне», «Саят Нова», «Портрет Важа Пшавела», «Бека Опизари», «Царь Иракий и послы России подписывают трактат о присоединении Грузии к России», «Ованес Туманян

и Акакий Церетели в Тбилиси» были не раз отмечены искусствоведами, как особо удачные. Лауреат Сталинской премии, заслуженный художник Грузии преподавал живопись в Тбилиси (АХ, ТХУ им.Я Николадзе) и в Гори (художественное училище), а также частно.

Частную практику, помимо официальной педагогической деятельности, имел в свое время и Джованни Вепхвадзе. «А сейчас не чувствую желаний преподавать, - сознается Джованни в беседе. – Может, оттого что дочь и сын уже прошли становление как живописцы. Занятий в повседневности всегда хватает. Каждое утро я грею овсянку, принимаю лекарство от давления, продолжаю писать рассказы. Мой второй сборник уже частично дан в интернет-версии. О глобальных проблемах мешают тревожиться бесконечные житейские заботы. (Кстати, ни философ, ни художник, вопреки афоризму, не должны голодать, чтобы мысли не уходили в желудок.) А вообще, жизнь моя прошла насыщенно».

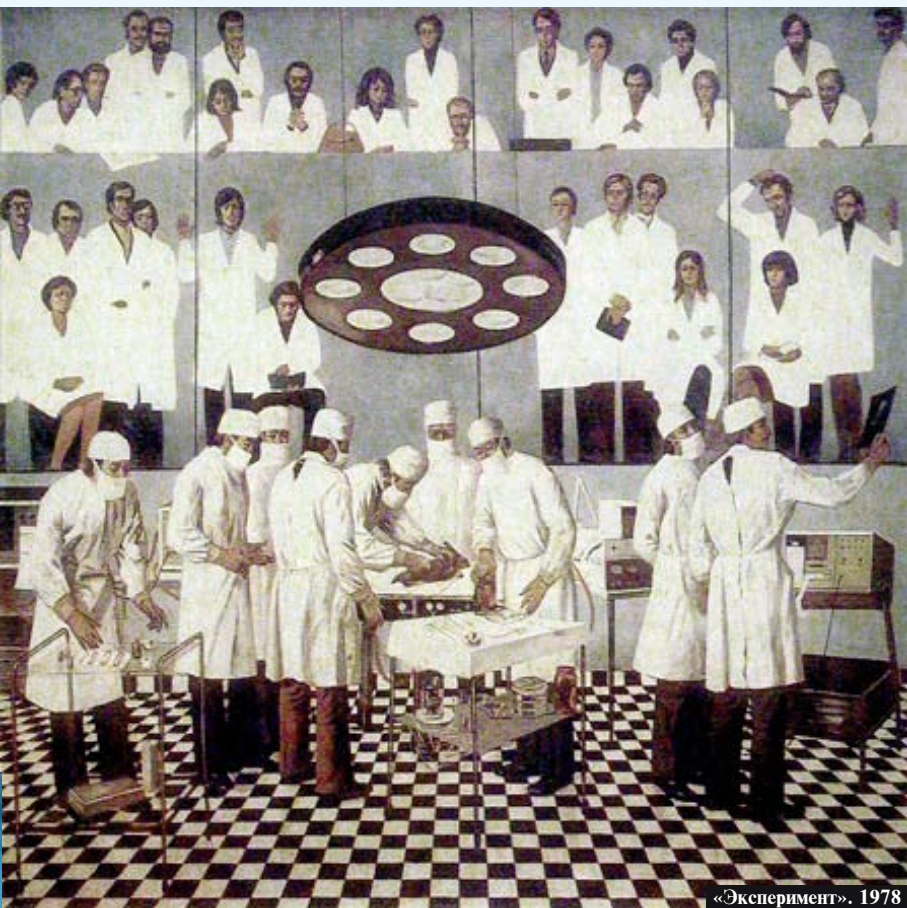
По жизни Джованни соприкоснулся с судьбами многих известных личностей нашей страны. Коки Махарадзе (под его руководством Джованни создал в 1973 году дипломную картину «В мастерской Бека Опизари» в ТГАХ), Уча Джапаридзе (при нем создавалась «Реставрация храма Гелати» в творческой мастерской живописи в АХ СССР), Аполлон Кутателадзе (чье имя носит наша Академия), Лео Рчеулишвили, Тенгиз Мирзашвили, Альберт Дилбарян, Автандил Варazi (художник и



«Итальянский пейзаж». 1993

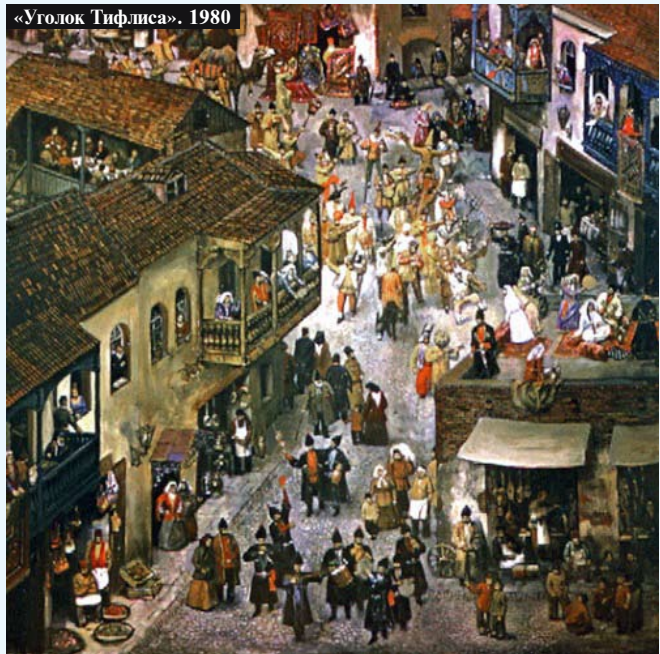
кинообраз Пиросмани) – лишь немногие из людей, чьи мысли и эмоции имели для Джованни глубокий смысл. «С 1977 года я член Союза художников СССР – и это навсегда.»

О проделках грузинского живописца можно иметь представление, прочитав его рассказ «Святой»:



«Эксперимент». 1978

была велика (3х5) и затмевала другие работы качеством исполнения. «Папа вложил в картину все, что имел: труд, талант, знания и душу... Он больше не писал больших работ... Писал стандартные работы, на которые жил... Он не мог ни примириться с той жизнью, ни изменить ее...»



«Уголок Тифлиса», 1980

«После мессы в католической церкви Вознесения девы Марии в Тбилиси, я направляюсь в кабинет епископа Джузеппе Пазотто... Наша беседа проходит на итальянском...»

- Джованни, вы сегодня не причащались и уже давно не исповедовались.

- Да, монсеньор, но я не грешен.

- Все мы грешны, брат мой...

Будучи единственным ребенком в семье, мне было приятно, что у меня есть брат, причем этот брат епископ из Вероны...»

По просьбе епископа Джованни в три дня написал картину «Святое семейство» для обложки церковного календаря. Но святой Иосиф оказался падре слишком старым. Художник исправил работу: на фоне Старого Тбилиси под видом омоложенного Святого Иосифа сам Джованни.

«Оригинал я оставил в церкви (в качестве подарка)... Во время воскресной мессы я увидел мою работу в позолоченной раме, стоящей на специальном пюпитре возле алтаря, к которой подходили прихожане и, преклонив колена, крестились. Как приятно было почувствовать себя святым».

Творческие командировки в Германию и Италию, встречи с гостями из зарубежья дали художнику возможность составить мнение и о широком мире, и о своей роли в нем. Важную роль в понимании превратностей судьбы сыграла память о переломных моментах в жизни отца и деда: «В жизни все случается».

С 1953 года, после ареста Берия и в период разоблачения культа личности Сталина, Ивана Вепхвадзе лишили заказов, постарались умалить былую славу.

Алексей Вепхвадзе на протяжении пятнадцати лет писал многофигурную трехплановую картину «Шота Руставели», а в день празднования 800-летия поэта картину сначала повесили в Государственной картинной галерее, а затем сняли – в основном за то, что она

У самого Джованни, к счастью, не было подобных потрясений. Отношение коллег к нему довольно ровное. Присутствие художника на выставках всегда добавляет моменту открытия экспозиции особый шарм.

Беззлобная ирония – одно из достоинств художника. О неприятных сюрпризах он может запросто заявить: «Ну и ладно! Все-таки, меня хоть на час развлекли!» Джованни утверждает, что в его творчестве нельзя найти шедевра.

Не знаю, как насчет шедевра, но если на любой групповой выставке тбилисских художников представлен хотя бы один натюрморт Вепхвадзе, можно считать, что ты пришел на нее не напрасно.

Легкий, подвижной, разговорчивый Джованни всегда появляется в обществе на пешкомобиле как будто с кистью – облик прирожденного живописца, огонек в глазах, меткие высказывания об искусстве не дают усомниться в том, кто перед нами. И пусть он знает немало языков, пусть он умеет переводить заумные юридические документы или легкомысленные кинофильмы, и – тысяча извинений! – пусть даже епископ называет Джованни братом, - перед нами все-таки не лингвист и не святой, а в первую очередь – настоящий художник. Его работы уходят в Индию и Китай, Японию и США, Армению и Россию, в страны Европы...

«Художник должен помнить, что последним и главным пристанищем картины должна быть стена. Я всегда был против запасников, стеллажей, складов, хранилищ. Картина должна висеть на стене и, если ей не досталось места на какой-нибудь стене и не нашлось кого-нибудь, кто захотел бы ее повесить у себя, то такая картина не имеет права на существование и не должна была быть написанной...»

Жестко, искренне. Справедливо.

Катя ЦИБЕР

МАЛЕНЬКАЯ НАДЕЖДА БОЛЬШОЙ ЖИЗНИ



Акакий Чантурия

Его биография уникальна. Где-то даже легендарна. Жизнь была бурная, полная событий, приключений. Приходилось много переезжать, с собой бралось только самое необходимое. А потом при пожаре в доме сгорел личный архив. Так что ясно, почему мы не беремся утверждать что-либо совершенно определенно. Многие из того, что нам известно об этом человеке, основано на личных воспоминаниях его современников, родных и близких. Семейные предания, рассказанные сыном, дополнили общую картину его жизни.

Итак, Чантурия Акакий Иоаннович.

Из личного дела за 1921 год: «Укажите языки, какие вы знаете, кроме родного?» - «Русский, английский, латинский, греческий, французский, польский и шотландский».

- «Страны, в которых вы бывали?» - «Европа – везде, Америка – Северная и Южная. Африка, Австралия, Новая Зеландия, Азия – везде, Огненная Земля, Новая Земля, Индия, Аравия и Палестина».

Акакий Чантурия родился 12 февраля 1881 года в селе Джвари Цаленджихского района Грузии.

Почти все Чантурия принадлежали к духовному словию. Акакий собирался стать священником, обучался в духовной семинарии в Сенаки.

В 1904 году он отправился в Батуми, где служил в канцелярии у нефтепромышленника Ротшильда. И, представьте, кто-то из англичан дал ему рекомендательное письмо в Англию. Он пишет о своем намерении ехать за границу братьям Авксентию, Самсону, Баграту и Ясону.

«Дорогой брат! – отвечает ему Авксентий. – Я был у Мюрата, и он сказал мне, что если ты хочешь ехать в Европу, обязательно подстриги волосы и обрей бороду. В таком виде тебя посчитают ненормальным». Брат говорит о Наполеоне Мюрате (или Напо, как его все звали), жившем тогда в Мингрелии Это был сын принца Ашиля Мюрата, внучатого племянника Наполеона Бонапарта, и дочери князя Дадиани Саломе. Принц Напо знал, что советовать.

Акакий подстриг волосы, сбрил бороду, оставив пышные усы. Братья собрали денег на дорогу и он благополучно добрался до Англии. Там поступил в Лондонский



Катерин Болл

университет на геологический факультет. Чтобы как-то подработать на жизнь, выступал на концертах народного творчества: играл на чонгури и пел. Один раз даже получил главный приз – фотографию императора Наполеона в позолоченной рамке. За что бы вы думали? За исполнение мегрельской песни!

Он штудирует археологию, этнографию, историю, картографию, музейное дело, психологию... Участвует в научно-исследовательской экспедиции Британского музея и путешествует по миру.

Акакий находится в Лондоне до 1912 года, затем возвращается в родное село Джвари. Целый год он ходит по горам Мингрелии и Сванетии, изучает окрестности и занимается геологическими исследованиями. Он собрал хорошую коллекцию геологических образцов. Тогда еще не было разработанной грузинской терминологии, и специалисты отмечали, что собранные образцы были грамотно подписаны на латыни. В своем доме в Джвари Акакий устроил своеобразный геологический музей.

В родном доме он оставался почти до первой мировой войны. Потом опять уехал. Сначала в Петербург, где намеревался защитить диссертацию. Но требовалось хорошее знание русского языка, и он отправился в Англию.

В 1914-1920 годах в составе научно-исследовательской экспедиции Британского музея путешествовал вокруг света на корабле. Бывал в Америке, дошел до Огненной Земли.

В этот период он много выступает с публичными лекциями по грузинской тематике. Знакомит британскую общественность с историей и этнографией Грузии, ее культурным наследием. Издает в Лондоне монографию «Геология Грузии».

26 мая 1918 года родилась Грузинская Демократическая Республика. В 1919 году Чантурия, находясь в Англии, выступает как представитель свободной Грузии с обращением к союзникам. Это была его личная инициатива, его никто не делегировал. Он просит правительства Америки, Англии и Франции поддержать демократическую Грузию, признать ее независимость и содействовать принятию в Лигу Наций.

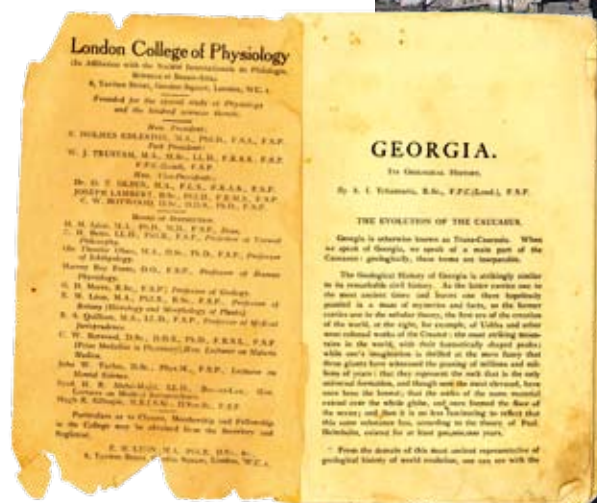
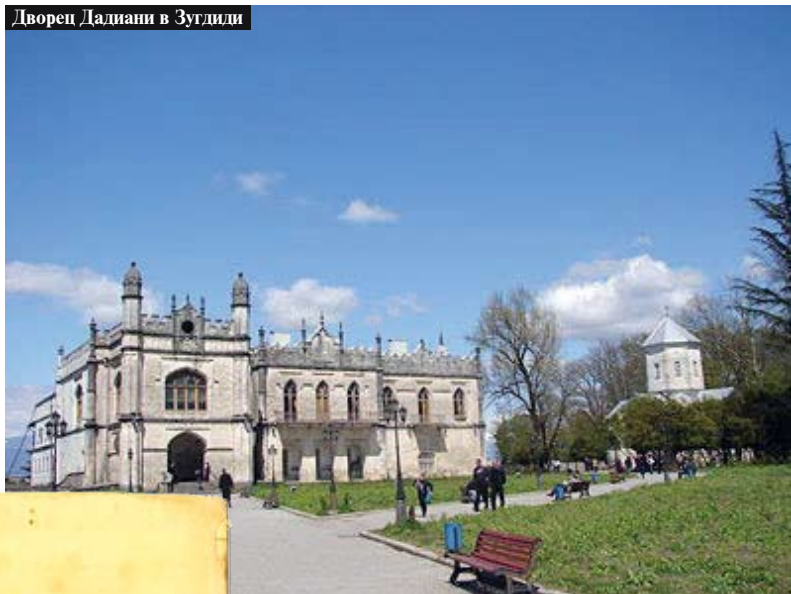
Этот исторический документ, написанный ярким живым языком на нескольких страницах пожелтевшей бумаги, сохранился.

Вот фотография Акакия Чантурия того периода. Джентльмен, с достоинством смотрящий в объектив. Работал в британском министерстве по Индии. И встретил там прелестную девушку. Катерин Болл была родом из Лондона, из семьи среднего сословия. После колледжа работала в канцелярии. Ей было 18. Они поженились.

Современники утверждают, что это был счастливый брак. Счастливым, но коротким. Они любили друг друга, несмотря на большую разницу в возрасте. А иначе как бы юная англичанка вышла замуж за иностранца и уехала в какую-то глушь.

Пятеро детей. Отец ни разу не наказывал их. «У нас было либеральное воспитание викторианской эпохи», – вспоминает сын.

Дворец Даддани в Зугдиди



Портрет Наполеона

Дети росли в Грузии, говорили с сельчанами на мегрельском, с родителями - на английском, в школе учились грузинскому. Окрестные дети дразнили их. Мальчики носили необычные древнеримские имена: Марциан, Вивиан, Арриан и Флавиан. Была еще девочка Лейла. Из них только Марциан родился в Англии.

При большевиках нельзя было иметь контактов с границей, и у молодой женщины развилась меланхолия. Еще и трудности быта. Сын Акакия вспоминает, что детьми им все время приходилось носить старые вещи, что оставались от старших. Да и те одевали по очереди. Из еды были кукуруза, сыр и фасоль. Кейт заболела пеллагрой – кожным заболеванием, вызванным недостатком витамина С. Она умерла в 1933 году, в Зугдидском больнице, где были врачи, но не было лекарств. Осталось пятеро маленьких сирот. Акакий сам воспитывал детей. Марциан стал химиком, Вивиан - педагогом, Арриан и Флавиан - специалистами западноевропейских языков, а Лейла - филологом.

В августе 1920 года Акакий с женой и маленьким сыном добираются морем из Лондона до Батуми, едут в Зугдиди. С собой – только самое необходимое: теодолит, фотоаппарат, бинокль, несколько книг по геологии, минимум личных вещей.

Уже в октябре состоялась его встреча с главой меньшевистского правительства Ноем Жордания. И тот предлагает Акакию пост министра иностранных дел.

Чантурия был идеальной кандидатурой, но – представьте – он отказывается! И вот почему: он хочет создать в Грузии музей европейского уровня.

Следует отметить, что наследие князей Дадияни было велико. Итальянский миссионер Арканджело Ламберти, побывавший в Грузии в XVII веке, писал, что «глава Мегрелии имеет более пятидесяти дворцов, среди которых особой красотой отличается дворец в Зугдиди. Он – прекрасен...»

Дворцовый музей, основанный Давидом Дадияни в 1849 году, был полон несметных богатств – произведений искусства, древностей, редких книг и рукописей. Екатерина Чавчавадзе, жена князя, продолжила собирать рисунки, картины, другие ценности. Им удалось собрать огромную коллекцию. Их дочь Саломе Дадияни вместе с мужем принцем Ашилем Мюратом привезла личные вещи Наполеона Бонапарта, немало реликвий, включая посмертную маску императора Наполеона.

Да, музей существовал. Но представим – 1919-й год. Дадияни уже нет в Грузии. Они остави-

глазах. И в ответ на предложение Ноя Жордания занять высокий пост в правительстве, просит разрешения создать музей. Но меньшевистское правительство не может позволить создать музей в частном владении.

Чантурия просит дозволить ему проводить геологические и археологические исследования в Сванетии и Мегрелии. Ему выдают мандат, подписанный министром внутренних дел. Снова он собирает этнографические материалы, геологические образцы... Пополняет своеобразный домашний музей в Джвари, созданный им еще в 1912 году и сгоревший в 1934-м.

Февраль 1921-го. У власти большевики. Большевики выезжают в эмиграцию и вывозят с собой сокровищницу, в том числе и избранные дадиановские ценности. (Заметим в скобках, что, голодая в Париже во время второй мировой войны и фашистской оккупации, Э.Такаишвили сохранил, а в 1945 году возвратил Грузии сокровищницу.)

Большевики вскрывают опечатанные зугдидские дворцы и расхищают богатство. Есть фотографии дворцов до расхищения и после. Выносят все! Выламывают рамы. Срывают балконы. В одном дворце устраивают райком, в другом – склад.

Акакий стремится спасти и сохранить национальное достояние. Пишет письма правительству, в ЦК. В апреле 1921 года указом ревкома в нескольких комнатах дворца открывается музей. В основе его – дворцовые коллекции князей Дадияни в Зугдиди, Салхино, Чкадуаши и Горди. Директор – Акакий с мандатом министерства просвещения. И он начинает битву за музей.

У Чантурия три проблемы. Надо выселить из дворца райком, собрать все ценности и задействовать музей. Ему выделили лошадь по кличке

Добра. У него бинокль и фотоаппарат, привезенные из Лондона. Он просит выдать ему браунинг для защиты экспонатов во время их сбора от разбойников. Власти отвечают: браунинг выдать не можем – «по причине его отсутствия».

Существуют описи, составленные Дадияни, и опись Чантурия. При сопоставлении выясняется, что пропали два позолоченных фазтона, 320 кг изделий из серебра, золотая сабля, украшенная бриллиантами и бирюзой, подаренная князю персидским шахом, бриллиантовые коллекции и жемчужные изделия Екатерины Дадияни, портреты Александра I, Николая I, Александра II в позолоченных рамах, множество персидских ковров.

Стены дворцов, украшенные искусной росписью, большевики закрашивают красным революционным цветом. В одном из дворцов был хрустальный пол. Он весь выломан. Акакий описывает все. Фотографирует орнаменты, инкрустацию, ищет и находит их по фрагментам.

Обнаруживает в Салхино посмертную маску Наполеона, которых в мире всего три. Ее не похитили – она была не золотая.

Только в 1923 году Чантурия собрал 3500 экспонатов.

Это не очень нравится чиновникам. Потому чинятся



Дом Чантурия в Зугдиди

ли все и выехали, так как власть в руках социал-демократов, которых мингрельские князья не признают.

Во дворце бывает товарищ председателя Парламента Экви́ме Такаишвили, он возглавляет правительственную комиссию, которой поручено описать дворцовое имущество. Вместе с главой города Зугдиди Леоном Шенгелая (больше известным как писатель Лео Киачели) они осматривают дворец и обнаруживают богатую библиотеку, коллекцию оружия, мебель...

Но у меньшевиков в некотором роде связаны руки. Живы наследники Дадияни! И демократическое правительство, с одной стороны, не осмеливается тронуть чужую собственность. А с другой, полно решимости собрать национальное достояние в одно место и сберечь его. Комиссия работает несколько дней, описывает и забирает в Тбилиси на хранение самые ценные вещи дворцового музея. Но это малая толика дадиановского наследия. Все забрать невозможно. Большая часть богатства оставалась во дворцах, которые комиссия закрывает и опечатывает.

Акакий видит, как великолепные дворцы ветшают на

Акакию бесконечные препятствия, в 1922-м его даже задерживают – как «сподвижника князей». Он, дескать, делает не советский музей, а музей «князей-кровопийц». Появились жалобы в газетах. «Какое отношение имеет посуда князей Дадиани к советскому краеведческому музею?», «Нам неинтересно, на какой кровати спала душительница крестьян Екатерина и какой стол был у жестокого Давида Дадиани. Советским гражданам не нужен такой музей!»

Но он упрямо продолжает свое дело. В разгаре красный террор, идет «чистка». Художник Дмитрий Шеварднадзе, основатель Музея искусств и писатель Михаил Джавахишвили заступились за Метехский храм (его собирались разрушить). Обоих расстреляли как «классовых врагов».

А наш герой пишет в ЦК, в Москву, в Эрмитаж... Он не боится, хотя в райкоме ему угрожают и запугивают. Друзья из Тбилиси прямо говорят: уезжай! Оставь эту провинцию, они тебя уничтожат!..

Да, он мог бы оставить все это и уехать – в Тбилиси или в Лондон, тогда еще можно было выехать... Но нет. Преданность делу двигала им. И преданность родине.

Музей задействован. Он пополняется и развивается. Созданы отделы истории, археологии, этнографии, геологии, зоологии, ботаники, библиотека и архив. Но исполком выдает на содержание музея всего 100 рублей в год! И несмотря на это, не пропала ни одна вещь.

Тем временем, чиновники места себе не находят – Акакий Чантурия создал музей, полный золота и драгоценностей, а им ничего не перепадает! Что бы такое предпринять, думают они. Случай подвернулся сам. Из Москвы приезжает Алексей Рыков, председатель Совета Народных Комиссаров СССР. Осмотрев музей, Рыков изрек: «Лавка посуды!.. Кому она нужна? Мы строим социалистическую страну!» Вопрос – что же делать с музеем? А вот что – устроить аукцион! Чиновники управляют весьма ловко. За три рубля продают коронационную мантию Наполеона Бонапарта, за пять - триумфальную скатерть. Наполеоновскую мантию покупает некто из Баку. Акакий позже напишет ему: мы заплатим 50 рублей, только верните мантию. Бесплезно.

Он пишет в ЦК Грузии, в Москву, Сталину, все инстанции... Чиновники отвечают – дескать, были вещи, которые к музею не имели отношения.

В частности, сто сервизов Екатерины Чавчавадзе. Фаберже делал их по специальному заказу – с княжескими вензелями и своим клеймом. Каждый обладал изысканной формой. Но чиновники сказали: для музея хватит одного, а 99 – сдадим в столовую.

Несколько лет назад сотрудница Института рукописей принесла в музей тарелку – с клеймом Фаберже и с инициалами Дадиани. В общественной столовой в Мартили ей принесли борщ в этой посуде. Она выпросила тарелку и передала музею.

Итак, аукцион... Уникальные вещи продавались за 10, 20 копеек!.. И чиновники были первыми, кто раскупил, а точнее, расхитил это достояние.

Несмотря ни на что, Акакий методично продолжал музейную работу. Он сделал зарисовки памятников архитектуры и фотографии утерянных экспонатов. Выполнял геодезическую съемку местности. Составил карты древностей Зугдиди и Джвари. Кстати, карта родного села, составленная Акакием, - одна из лучших карт всех пяти тысяч сел Грузии.

Записывал материалы по этнографии, топонимике, создавал словарь. Собирал имена и фамилии, легенды и мифы...

Все делал сам и на свои средства. Это обстоятельство особенно важно, если учесть, что семья его бедствовала, а молодая жена угасала от голода и болезни.

Вот что пишет в 1971 году археолог Анна Болтунова

Арриану Чантурия, сыну Акакия:

«...Я была в Зугдидском музее только один раз, в 1930 г., когда была командирована туда... Потом приехал Ш.Я.Амиранашвили. Мы с ним и с Вашим отцом ходили на место находки пешком. Из этих разговоров



Молодое поколение семьи Чантурия

я уловила только то, что Ваш отец Акакий Иоаннович, в юности уехал в Англию, что он геолог по образованию, очень много путешествовал, был и на «Огненной Земле» и в других странах... На меня он произвел очень яркое впечатление, как человек очень высокообразованный, большой патриот, человек очень разносторонних интересов, очень энергичный и деятельный, и очень увлеченный своей работой, устройством и усовершенствованием музея, собиранием фондов, устройством экспозиции».

За 1931-1932 годы Акакий сумел сохранить местные церкви от разграбления и уничтожения. Он спас 12 тысяч экспонатов.

Дворец Дадиани в Зугдиди – один из немногих сохранившихся тронных комплексов грузинских царей. Сегодня это единственный дворец-музей в Грузии, который функционирует, который демонстрирует нам феодальную жизнь грузинских князей. Где можно посмотреть вещи Екатерины Чавчавадзе, подарки царского дома Романовых и коллекцию Наполеона Бонапарта. Подобные дворцы были не только у Дадиани, они были и у других князей. Но многие из них разрушены. И в Мегрелии было бы так же, если бы не подвижнический труд Акакия Чантурия. Если бы его не было, все это бы пропало.

Сегодня в Зугдидском музее около 41 тысячи экспонатов. И среди них хранится одна из величайших святынь христианского мира – Хитон Пресвятой Богородицы. Без Акакия у нас ее не было бы. Вот она надежда...

Молодой историк Георгий Каландия, написавший о нем замечательную книгу, говорит: «Я думаю, такие люди, как Акакий зря не рождаются. Когда я захожу в этот музей, то чувствую – частица души Чантурия живет в каждой вещи этого великолепного музея, которому он отдал свою жизнь. Он живет в этих вещах. И когда я на них смотрю, то уверен, что и они живут благодаря этому человеку, сделавшему себя бессмертным».

Вероятно, это и есть смысл его трудной жизни.

Клара БАРАТАШВИЛИ

ГОЛОС РИМА ЗВУЧИТ В ТБИЛИСИ



Елена Бонелли

В июне 1946 года большинство населения Италии на выборах проголосовало за республиканский строй правления, тем самым решив распрощаться с монархией.

63-й День Республики Посольство Италии в Грузии отпраздновало в Тбилисском театре оперы и балета концертом итальянской певицы и актрисы Елены Бонелли, которая из многочисленных предложений, выбрала приглашение выступить именно в Грузии. По словам певицы, ей хотелось внести немного теплоты и покоя в грузинское общество.

«Отношения между странами и народами развиваются как на государственном, экономическом уровне, так и благодаря человеческим и культурным связям. В этом плане отношения успешного сотрудничества Италии и Грузии, скрепленные многовековыми связями – прекрасный пример», – сказал Чрезвычайный и Полномочный посол Италии в Грузии Витторио Сандалли. Учитывая любовь итальянцев и грузин к фольклорной музыке, в Посольстве Италии решили организовать концерт национальных песен.

Елена Бонелли представила свой спектакль «Рим в мире», цель которого популяризация старинных римских песен. Этот проект оказался настолько значительным для самих итальянцев, что отечественные продюсеры решили сразу спонсировать его.

Как отмечает критика, Бонелли завоевала любовь слушателей в Италии и за ее пределами, благодаря необыкновенному голосу и характерной для средиземноморцев манерой исполнения.

Директор Тбилисского театра оперы и балета Давид Сакварелидзе отметил, что тбилисский театр оперы и балета – серьезный партнер для пропаганды оперы и современной итальянской культуры в Грузии. «Нас связывает плодотворная работа. Вместе с Посольством Италии проводим совместные мероприятия, работники нашего театра имеют возможность стажироваться в Италии, – говорит Сакварелидзе, – за что мы благодарны нашим друзьям».

Архитектором здания тбилисского театра был итальянский архитектор Джованни Скудиери, и первая труппа состояла из итальянцев. Театр был построен в 1851 году и его торжественно открыли оперой Доницетти «Лючия ди Ламермур». Театр вмещал 700 человек и в ту пору был первым крупным театральным зданием на Кавказе.

Елена Бонелли – автор четырех мюзиклов, в том числе спектакля «Неаполитанская песня от 13 столетия до наших дней», в которых певица исполняет главные роли. Бонелли выступала в 130 странах, пела на сценах нью-йоркского Карнеги-Холл, театра Елисейских полей, Сиднея, Мехико, Исламабада, Рио-де-Жанейро ... В 2000 году она представляла Италию на открытии саммита тысячелетия ООН в Нью-Йорке.

В 2007 году президент Италии Джорджо Наполитано вручил Бонелли премию «Targa d'Argento», а экс-президент Карло Адзелио Чампи после исполнения композиции Мамели с хором Римского оперного театра объявил голос Бонелли официальным голосом государственного гимна Италии, наградив премией Чести. Слова гимна «Песнь итальянцев» («Гимн Мамели») по начальным строчкам иногда называют «Fratelli d'Italia» («Братья Италии»), были написаны двадцатилетним студентом Гофредо Мамели, в период народной борьбы за объединение и независимость Италии, осенью 1847 года в Генуе.

В Тбилиси во время спектакля «Рим в мире» на большом экране демонстрировали достопримечательности Вечного города, что помогает окунуться в атмосферу Рима. Несмотря на то, что концерт, по желанию самих зрителей, Бонелли вела на родном языке, в зале каждую ее реплику встречали с пониманием и бурными аплодисментами.

Зная любовь грузинских слушателей к неаполитанской песне, я в ходе пресс-конференции, попросила Бонелли исполнить одну из песен в Тбилиси. Певица охотно откликнулась на просьбу, скинув к концу концерта туфли, еще раз зажгла зал своим темпераментным исполнением. «Я обязательно расскажу о моей встрече в Тбилиси», – пообещала Бонелли зрителям, унося с концерта его запись и теплую реакцию.

Миранда ОГАНЕЗОВА

ПИКАССО - ГОСТЬ ПИРОСМАНИ

«Выпейте за меня, за мое здоровье! Вы же знаете, что мне нельзя больше пить!» – последние слова умирающего Пабло Пикассо объясняют, каким провидением его работы попали сегодня в Сигнаги. На родине вина, в сердце Кахетии поднимут бокалы и выпьют за Мастера, как нигде в мире.

С прагматичной точки зрения, все проще. 2009 -й объявлен ЮНЕСКО Годом Пабло Пикассо. Передвижная выставка его работ будет весь год колесить по миру. Пиарщики раскручивают Сигнаги как город искусств. Вот и все объяснение. Но на месте понимаешь, что все гораздо глубже и мистичнее! Возникла удивительная гармония красоты мира, человеческого труда, таланта и веры.

Бесспорно самый экстраординарный художник XX века, сам сотворил эпоху.

Все самое искреннее и доброе в мироощущении отразилось в его «голубом» и «розовом» периодах, длившихся, увы, недолго. Может быть, до конца первого брака на красавице балерине Дягилевской труппы Ольге Хохловой.

Все уродство мира, пророчество и предсказание катастроф возникло на его полотнах в 30-х годах прошлого века. Он не остановился в своих исследованиях и далее стал подменять Создателя, деформируя человеческие тела и лица, разчленять формы. Так появились известные химеры и фантомы Пикассо. Художник прожил почти век, став основоположником кубизма и, по сути дела, всего постмодернизма.

Конечно, он один из самых дорогостоящих, покупаемых художников в мире. Интернет полон информацией о фантастических суммах, заплаченных, к слову сказать, русскими миллионерами за его полотна, и сообщениями о дерзких похищениях картин в разных музеях мира.

Передвижная выставка не содержит живописных полотен. В Грузию привезли 40 линогравюр и пару офортов, что никак не уменьшает ее ценность и эксклюзивность.

На линолеуме прорезается рисунок, затем заливается красками и штампуется на бумагу. Пикассо достиг виртуозности в этой технике, во многом сам ее развил.

Выставка в Сигнахи представляет два периода в жизни художника. Трагические для Испании тридцатые годы фашистского правления Франко. Известная политическая серия офортов «Мечты и ложе диктатора Франко», на которой он сначала изображен в виде симпатичного молодого бычка, заигрывающего с буренками, постепенно звереющего и перерождающегося в чудовищного монстра. Изящный рисунок линий грубо превращается в рисованную непристойность. А рядом на стене не менее известная вариация на тему «лежащая обнаженная», где на ложе громоздятся различные геометрические фигуры, мало напоминающие формы человеческого тела. Но ощущение эротичности присутствует однозначно.

Большая часть работ на выставке относится к шестидесятым годам прошлого века. Это счастливый период жизни художника. Последний роман и вторая женитьба на молодой красивой женщине Жаклин Рок. Она перед нами на десятке полотен. Но только одно полотно выполнено в реалистической манере. На нас смотрит изящная молодая испанка, похожая на другую Жаклин – Кеннеди. На остальных полотнах - препарированная действительность – то ли внутренний мир, то ли душа,



Выставка уже в Тбилиси

а может быть, так выглядит совесть. Спустя несколько десятилетий после смерти художника представляется, что его картины забирали жизненные силы из женщин, которых он любил. Ведь не случайно, обе его жены, оставшись в одиночестве, рано или поздно кончали с собой.

В тот же период художник обратился к ремейкам. Он стал заново писать классические работы известных художников. Две версии «Завтрака на траве» по мотивам работ Мане представлены на экспозиции. Эта часть творчества Пикассо остается загадкой для искусствоведов. Что это? Воспоминание ли о будущем? Или пророчество, что все повторяется в изуродованном виде?

Много мистического присутствовало во всем творчестве художника. Похоже, что его неприкаянная душа все еще бродит в низких сферах. Но в Сигнахи она наверняка найдет хоть недолгий покой.

Маленький сказочный городок взмыл над Алазанской долиной. На самой вершине холма – музей Пиросмани, полотна которого источают доброту, детскую искренность и сострадание.

Как гостеприимный хозяин, Нико Пиросмани уступил свой зал полотнам Пабло Пикассо. Возможно, что грешная душа одного художника вслед за светлой душой другого просочилась на веранду, перед которой протянулась гряда Кавкасиони и разбегаются во все стороны ровные ряды виноградинок.

И юноша с запутавшимися в волосах виноградными листьями с полотна Пикассо стал совсем реальным, и завтрак на траве стал желанным и плавно перешел в кутеж с шашлыком и кахетинским вином.

А когда откуда-то снизу из Бодбийского ущелья донесся колокольный звон над могилой просветительницы Святой Нины, то возник такой резонанс красоты, что тяжелые пророчества и предчувствия Пабло рассеялись как дым.

Ирина МАСТИЦКАЯ



СЛУЖИТЕЛЬНИЦА КУЛЬТУРЫ

«Подруга дней моих суровых...» И прекрасных, несмотря ни на что. Ни война, ни репрессии, ни экономические трудности не могут омрачить светлые воспоминания детства и юности. И весь этот отрезок времени, золотая пора жизни, связан у меня с любимой подругой Нелли Узнадзе. Наша дружба началась с пятилетнего возраста, в тот день, когда она появилась в нашем детском саду. На месяц или два позже, чем все остальные. Мы все уже обжились, пережив период горьких слез при расставании с родителями, и потому держались настороженно с новичками.

Новенькая всем понравилась. Во-первых, она не плакала, когда ушел папа. Во-вторых, она была очень хорошенькая; этакая Снегурочка; беленькая, зеленглазая и с персиковым румянцем на щеках. А в-третьих, она была нарядно одета, что бросалось в глаза на фоне наших скучных белых фартучков. А когда выяснилось, что мы тезки, дружба наша стала неизбежной, протянулась на долгие годы. В школе мы сидели за одной партой. Мое стремление к первенству угасло уже в детском саду, а Нелли несла бремя первой ученицы до окончания школы. Мы много читали и покупали книги в букинистическом магазине, где старые книги стоили недорого. А потом мы пылко увлеклись театром. Сидели на

галерке в школьных форменных платьях и млели от восторга. Конечно, у нее были свои кумиры. Нелли умела заметить талант и восхищаться им. И еще сохранила романтическое восприятие жизни, мечтательность и трепетное отношение к искусству, в особенности к балету. Мы вместе поступили в балетную студию при оперном театре, я быстро остыла и через полгода ушла. А Нелли, со свойственным ей постоянством, упорно занималась, пока не убедилась, что карьеры примы-балерины ей не сделать. Но мечты о балете не оставляли ее. Она писала, создала сценарий полнометражного фильма о Вахтанге Чабукиани, всегда была в курсе всех событий в мире балета.

Застенчивая девочка из моего детства, оказалось на деле сильной личностью.

Несмотря на то, что на долю ей выпало много тяжелых испытаний, и казалось, что не оправиться ей от очередного удара судьбы, она находила в себе силы снова встать на ноги, не ожесточиться сердцем и сохранить доброе отношение к людям; заботиться о ком-то, помогать.

Нелли ДОЛИДЗЕ

У Нелли Николаевны Узнадзе, завлита Грибоедовского театра, были большие творческие планы: она собиралась выпустить книгу к 100-летию со дня рождения Вахтанга Чабукиани. Материал о своем кумире она собирала долгие годы, это – статьи и наброски, личные впечатления, милые сердцу подробности. Нелли была «своим» человеком в доме Чабукиани, в своих дневниках она делала краткие пометки бесед, собирала рецензии на постановки Мастера, воспоминания о нем коллег и друзей.

Нелли Николаевна в последнее время неважно себя чувствовала, но предпочитала не замыкаться на недугах, а работать: писала, собирала экспонаты для театрального музея, осуществляла связь театра с редакциями.

У нее случился инсульт, казалось, что ее удалось отвести от пропасти и что дела идут на поправку. Но судьба распорядилась иначе. Трудно поверить, что мы больше не услышим по телефону такой родной и бодрый голос: «Быстрее переключитесь на «Культуру»! Катя Максимова танцует!» Не отрываясь от экрана, она быстро обзванивала друзей, чтобы никто не пропустил какую-нибудь интересную передачу. Она не утратила способность искренне радоваться всему талантливому, яркому. И стремилась поделиться с другими пиршеством звуков, красок, движений.

Нелли была фанатически предана балету. Искусствовед и знаток этого изысканного вида искусства, она писала статьи о балете, о великих артистах и дебютантах, протягивала руку помощи новичкам и старалась облегчить участь состарившимся служителям Терпсихоры.

А как Нелли радовалась каждой удачной постановке грибоедовцев! Сколько сил было отдано ею в дни празднования 160-летия Грибоедовского театра, изданию уникального альбома, посвященного юбилею.

Ирина ВЛАДИСЛАВСКАЯ

Нелли Узнадзе была членом женской общественной благотворительной организации «Эртоба». Мы потеряли верного друга, журналиста, профессионала высокого уровня.

Ия КВАТАДЗЕ

Ушла истинная труженица культуры, образцовый поборник развития и утверждения вековых русско-грузинских духовных связей. Всех близких и знавших Нелли Узнадзе не покидает ощущение большой личной потери. Неизгладима из моей памяти пора создания телефиль-

ма «Чародей танца», съемки которого проходили в Москве и Ленинграде. С какой тщательностью режиссером Котэ Махарадзе и автором сценария Нелли Уznaдзе обсуждалась и оговаривалась каждая деталь и любая подробность творческого процесса. Понимаешь, насколько такой рассказ расширяет наше представление о личности Нелли в ипостасях - журналиста, сценариста, искусствоведа и гражданина.

Это была жизнь, до последнего мига отданная славе русской культуры.

Михаил ГИЖИМКРЕЛИ



спасибо Нелли, что она была на этом свете. Благодарные читатели журнала «Русский клуб» долго будут помнить ее публикации, нам ее будет нехватать.

Светлая тебе память, Нелли!

Игорь НАГОРНЫЙ

На репетициях новых спектаклей часто можно было видеть Нелли Уznaдзе. Она тихо появлялась в зале, после репетиции задавала неожиданные вопросы, на какое-то время исчезала, потом вновь приходила, вслушивалась, всматривалась в происходящий процесс – на-

В Тбилиси есть выражение «Когда из жизни уходит человек, город не досчитывается личности». Эти слова можно отнести к Нелли Уznaдзе. Не стало моего большого друга, с которой нас связывала многолетняя дружба, начавшаяся в период становления грузинского ТВ. Редкая доброта, чуткость и внимательность к коллегам, умение найти нужное слово в различных жизненных ситуациях, проявить такт и культуру снискали ей любовь и уважение окружающих. Работать с ней было всегда интересно, учитывая ее глубокие познания в области балета и театра.

Незабываема наша совместная работа над фильмом о выдающемся хореографе Вахтанге Чабукиани «Чародей танца». Он был ее кумиром. Название придумала Нелли. И неслучайно она привлекла к режиссуре фильма талантливейшего Котэ Махарадзе.

Наша дружба не ограничивалась работой. В жизни Нелли была большая трагедия – потеря сына, и я всегда был рядом с ней.

Заканчивая эту страницу памяти, хочется сказать



С сыном Юрой



С Зурабом Кикалеишвили

биралась впечатлений. Беседовала с режиссером, актерами, а после премьеры в печати появлялась ее статья об этой постановке и, как правило, ее материал был взвешенный, глубокий, интересный.

Нелли любила театр, любила людей, делающих театр. Она жила театром. Пройдя через многие трагические испытания судьбы, через боль и страдания, Нелли сохранила в своей душе доброту, сострадание к людям.

Валерий ХАРЮТЧЕНКО



ГОЛОС ЭПОХИ

Голоса эпохи – наперечет.

Каждый уникален, и ни один из них не спутаешь.

Если русский шансон, к примеру, - это Утесов, Шульженко и Бернес, то русская народная песня – это Руслана и, конечно, Людмила Зыкина.

Великое отличие Зыкиной в том, что она больше жанра. Она знак и мета времени. Она символ. Как голос Левитана в годы войны был воплощением мощи и непобедимости страны, так голос Зыкиной стал в мирное время олицетворением души России.

Услышав этот голос впервые, его невозможно забыть. Услышав еще раз – нельзя не узнать.

В любителях лирической и народной песни, которая будет жить, пока жив сам народ, пение Зыкиной рождало немедленный эмоциональный отклик и самое настоящее наслаждение. У знатоков вызывало закономерное восхищение ее полнозвучное мягкое меццо-сопрано с характерным тембром.

Неловко называть пение профессией Зыкиной. Конечно, она была великим мастером своего дела, но это как раз тот удивительный случай, когда слова «песня была ее жизнью» не кажутся штампом, а являются самой настоящей правдой – правдой жизни Людмилы Зыкиной.

Всей своей жизнью она доказала, что пришла в этот мир для того, чтобы петь.

Она родилась в семье рабочих и начала свою трудовую жизнь именно рабочей – токарем на заводе. Работала и санитаркой, и швеей...

Самородок и самоучка, после Всероссийского конкурса молодых исполнителей в 1947 году, она пришла в Хор имени Пятницкого. А музыкальное образование Зыкина получит только в 40 лет, окончив Музыкальное училище им. М.Ипполитова-Иванова.

В сложный жизненный период, когда тяжело заболела ее мама, у Зыкиной оправдался самый навязчивый страх любого исполнителя – она потеряла голос. Вместо хора пришлось искать другое место работы. Зыкина

пошла в типографию переплетчицей. Но голос, к счастью, вернулся, и жизнью Зыкиной действительно стала только песня.

Удивительно, но единственным русским исполнителем, которому посчастливилось познакомиться и даже спеть с «Битлз», стала именно Зыкина – в 60-е годы, в Лос-Анджелесе, они случайно пересеклись в ресторане, познакомились, и ливерпульцы попросили Зыкину спеть. Она спела «Ивушку». Аккомпанировали ей «Битлз». Серебряный крестик – подарок легендарной четверки – был при Зыкиной всегда, она верила, что он приносит ей удачу...

Народная артистка СССР, кавалер ордена Святого Апостола Андрея Первозванного, художественный руководитель Государственного академического русского народного ансамбля «Россия», она побывала с гастролями в 92 странах мира. Но и в нынешний – юбилейный для нее год – была полна планов и надежд. На видеомосте Москва-Кишинев-Киев-Тбилиси «Людмила Зыкина – голос Родины», который состоялся 12 мая этого года, певица рассказывала о будущем – ожидалось турне по стране, съемки концерта-бенефиса, новая книга... Она надеялась на подарок к своему дню рождения – Дом народной песни Людмилы Зыкиной. Ко всеобщей радости, Зыкина спела по-грузински. «Я до сих пор пом-



ню ту песню, которую выучила во время совместных гастролей в Париже с ансамблем «Орэра», - сказала она.

Людмила Зыкина вообще ценила грузинские фольклор и песню, в Грузии у нее осталось много любящих друзей и почитателей, помнящих ее триумфальные концерты в нашей стране. «Пожалуйста, приезжай к нам, - обратилась я к ней во время видеомоста. - Ты сильный по натуре человек. Тебя ждет вся Грузия, это будет фурор».

В одном из ее самых последних интервью, были слова, глубоко меня тронувшие: «Я уверена, что народное искусство сближает людей, а конфликты, которые существуют в мире, зачастую навязаны нам... Вот и сегодня многие стараются очернить отношения нашей страны с братскими государствами... Я счастлива, что у меня есть друзья в Грузии. И я вижу, что наши люди, россияне, так же, как и я, любят своих братьев других национальностей несмотря ни на что. Мы так и остались единой семьей, и разлучить нас невозможно».

Как к любому творцу, к Зыкиной можно относиться по-разному, но не оценить масштаб явления - невозможно. Конечно, она певица на все времена. Есть личности, которых хочется вспомнить только добрым словом. Она – из их числа. И пока «течет река Волга», будет звучать голос Людмилы Зыкиной – голос эпохи.

Нани БРЕГВАДЗЕ



ყაზბეგი

ტრადიციონალური და ხარისხი





БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД «КАРТУ»